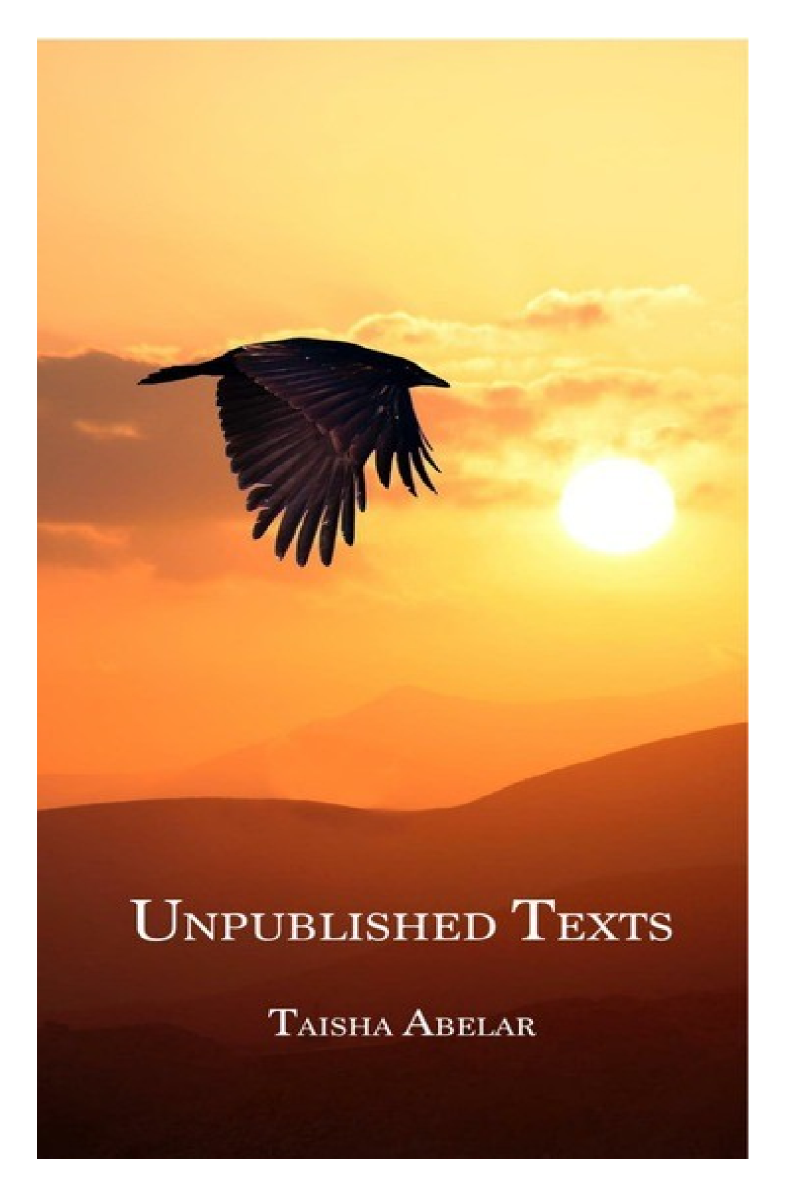
Тайша Абеляр

Сталкинг с Двойником

(неопубликованные тексты)

Перевод с английского

Stalking with the Double

1995 – 1997

Содержание

Примечание автора

В моей предыдущей работе «Магический переход» я описываю, как женщина по имени Клара Мендес познакомила меня с магической традицией. Она принадлежала к группе магов во главе с доном Хуаном Матусом. Мое обучение под их эгидой состояло из двух частей: во-первых, мне пришлось выполнить тщательный перепросмотр своей жизни, используя особый метод дыхания, чтобы восстановить захваченную энергию из прошлого, и, во-вторых, меня научили серии магических пассов; движения и позы, предназначенные для укрепления энергетического тела или двойника.

После неудачной попытки встретиться с другими членами группы дона Хуана посредством преднамеренной манипуляции восприятием, называемой магическим переходом, мне были даны дальнейшие инструкции по стабилизации моего энергетического тела. С этой целью я провела много месяцев в домике на дереве в роще, расположенной где-то перед домом Клары. На этом этапе моего обучения руководил смотритель Эмилито. Он начал со мной еще один перепросмотр и заставил меня выполнить определенные техники созерцания, а также усовершенствовать свои навыки лазания по деревьям, и определенные маневры сновидения и выслеживания, слишком сложные для моего полного понимания в то время. Когда мое энергетическое тело освоилось с новой конфигурацией восприятия, с новым «бытием в мире», Эмилито предложил мне вернуться в Лос-Анджелес, чтобы продолжить академическое обучение. Он заверил меня, что это необходимо для того, чтобы сбалансировать правую и левую стороны моего существа и отточить контроль, необходимый для продолжения пути мага.

Глава 1: Смысл жизни

Лекция по методам антропологических исследований оставила у меня много неразрешенных вопросов. После лекции, позже в тот же день, я навестила ассистента преподавателя, чтобы прояснить некоторые моменты, поднятые профессором. Когда я вошла в офис, я обнаружила что ассистент преподавателя сидит за своим столом и ест фисташки. Он сознательно метал скорлупу в окно, на ничего не подозревающих студентов на лужайке внизу. Однажды я сидела на ступеньках здания, прямо под этим окном, когда что-то ударило меня по голове. Я подумала, что голуби гнездятся в углах крыши, но обнаружила, при ближайшем рассмотрении, что меня поразил не голубиный помет, а скорлупа фисташек. Теперь я поняла, откуда берутся эти скорлупки.

"Этот парень настоящий бедняжка", подумала я, наблюдая, как Рекс Джонс краснеет от того, что его поймали за шалостями.

У него была застенчивая ухмылка, мальчишеское поведение и общее чувство, которое Клара Мендес называла «синдромом бедного ребенка». Она отметила, что все мы действовали под социальным и психологическим контролем, согласно которому мы должны были относиться к себе и представлять себя всегда, если возможно, в свете «бедного ребенка». В то время, когда она мне это рассказала, я очень возмущалась и спорила с этой точкой зрения, но после одухотворенного рассмотрения мне пришлось признать, что мне самой нравилось, когда на меня смотрели как на бедного ребенка. Более того, я не встречал никого, кто не попадал бы в эту категорию.

– Надеюсь, я не беспокою вас, – сказала я Рексу Джонсу, – но сегодняшняя лекция подняла некоторые вопросы, которые я хотела обсудить с вами. Я имею в виду, если вы не слишком заняты.

Рекс Джонс толкнул ногой вращающийся стул, отодвинув его от окна ко мне.

– Чем я могу помочь вам? – спросил он, указывая на стул. Я заметила, что он взглянул на край моей юбки, который задрался, когда я села.

– Я не понимаю, как антропологи могут знать, что происходит в чужой культуре, если они даже не говорят на этом языке. – Сказала я, натягивая юбку до колен.

Рекс Джонс нервно улыбнулся, но подергивание его бледной щеки выдавало нетерпение.

– Антропологи практикуют метод, называемый «наблюдение участника», – сказал он, выдавливая слова. Он посмотрел на часы, чтобы определить, сколько времени осталось до окончания рабочего дня.

– Полевой антрополог участвует в деятельности изучаемого им общества; делает многочисленные записи; он записывает все, что имеет отношение к делу, и когда он возвращается «с поля», он анализирует это в рамках своей теории. Другими словами, используйте свои данные для проверки гипотезы, которую вы намеревались проверить.

– Вы хотите сказать, что антрополог уже знает, какие данные он хочет выделить, прежде чем отправиться в поле? – спросила я, – Разве это не пристрастие?

Рекс Джонс слегка повернул стул к столу и нацепил очки в проволочной оправе, которую он аккуратно надел на каждое ухо.

– Это не пристрастие, Это наш способ работы! Чтобы антропология была наукой, – продолжал он склоняясь ко мне, – она должна следовать научному методу, а именно проверке гипотез. Ваши выводы должны быть открыты для проверки.

– Что вы имеете в виду? – спросила я его.

– Это означает, что если бы другой полевой работник собирал те же данные при аналогичных обстоятельствах, он бы получил такие же результаты.

– Но как насчет Льюиса и Кедфилда в Тепостлане? – поинтересовалась я.

Я имела в виду классический случай, когда два полевых исследователя, проводившие исследование в одной и той же сельской общине в Мексике, получили совершенно разные результаты, таким образом показывая, что повторение, которое, хотя и является теоретически целесообразным, может оказаться невозможным на практике.

– Это был особый случай, – признал Рекс Джонс, – Это просто доказывает, что исследователи не смотрели на одни и те же вещи или, документируя, они недостаточно тщательно выполняли свою работу. И это именно моя точка зрения: общественные науки требуют тщательного документирования.

Я напомнила ему, как трудно двум людям в нашей культуре прийти к согласию по данному вопросу, даже если проблема была знакома им обоим; условие, которое сделало достижение согласия по проблемам чужой культуры почти чудом.

– Антропологи – это прежде всего люди, а уж потом ученые. – отметила я. – Так что, участвуя и наблюдая, разве они не будут эмоционально вовлечены в чужую жизнь? Разве их чувства, мнения и интерпретация событий не были бы основаны на их прошлом опыте?

Я вспомнила пещеру на севере Мексики, где я провела много месяцев, заново переживая свои прошлые эмоции в процессе, называемом перепросмотром. Я вспомнила, как трудно было мне и Кларе Мендес, моей учительнице, прийти к соглашению относительно чего-либо, включая и то, что она имела в виду под синдромом «маленького бедняжки».

Она начала с непостижимой точки зрения того, что она называла традицией магии, а я видела все с предсказуемой точки зрения моего воспитания представителя «среднего класса». У нас на кухне были жаркие дискуссии и разногласия, из-за которых возникло недопонимание относительно того, что мы не воспринимаем мир в абсолютно одинаковых терминах.

Рекс Джонс снисходительно усмехнулся в момент моего самоанализа, который он, казалось, интерпретировал как замешательство.

– Вы не понимаете сути. – сказал он, качая головой. – Именно поэтому антропологам необходимо придерживаться строгой методологии, определенной заранее. Ученые, при работе «в поле» должны воздерживаться от субъективных интерпретаций и фиксировать объективные факты. Посмотрите на социологов ниже, – он имел в виду отдел демографов, офисы которых располагались на втором этаже. В какой-то момент истории университета антропология входила в состав социологического факультета.

Теперь они гордились своей независимостью, но оказывались не слишком независимыми, когда дело касалось методологии. Отчасти именно страх стать закоренелым судебным секретарем заставил меня выбрать в качестве карьеры антропологию. В ней все еще была атмосфера романтизма, определенное чувство приключения, оставшееся от рассказов путешественников XIX века, в которые уходит корнями современная антропология.

Несмотря на полевые усилия ученых классифицировать все с помощью научного метода, антропология все еще могла исследовать неизвестное и преодолевать концептуальные границы.

– А что насчет социологов? – спросила я, щелкая ручкой, чтобы подготовить её на случай, если мне придется делать заметки.

– Социология, как мы знаем, зависит от того, насколько надежен ваш сбор данных. Она основана на способности проверить ваши выводы. Вот почему социологи используют статистический анализ, опросы, глубинные интервью. Это необходимо, чтобы обеспечить повторяемость. Антропология должна копировать эту методологию, потому что проверка еще более важна в нашей дисциплине, где, как вы сами отметили, все незнакомо.

Я заметила, что блуждающий взгляд Рекса вернулся к моим ногам.

Я бросила на него свирепый взгляд, которым чемпионка среди женщин Клара Мендес могла бы гордиться. Я всегда предполагала, что уязвимое состояние женщин было естественным результатом нашей биологической структуры, но Клара подвела итог непосредственно с самого начала. "Биология моих ног!" –сказала она -. Лизать мужские яйца и быть их слугами – это не результат какой-либо биологии, а гипнотические приказы нашей культуры, в которой доминируют мужчины.

Я была удивлена, услышав это от Клары после нескольких месяцев её проповедей о тяжелом положении женщин и нескольких месяцев моей практики перепросмотра, в результате которой я стала яснее видеть неудачное положение, отведенное обществом женскому виду. Было очевидно, что женщинам нужно сражаться вдвое больше, чем мужчинам, чтобы добиться успеха во всем, что мы делаем. Сначала сражаться за наши собственные права, а затем, чтобы преодолеть мощные предрасположенности, навязанные нам нашей мужской культурой.

Мне сказали, что одной из причин для посещения колледжа и развития моего интеллекта была возможность понять и оценить для себя устоявшиеся взгляды на роль женщин и тем самым освободиться от их гипнотической хватки.

– Незнакомец, приезжающий изучать культуру, которая является абстракцией, – сказала я, улавливая нить его аргумента, – может годами работать в этой области и не осознавать, что он неверно истолковывает то, что он видит или что делают эти люди. Такое уже случалось с бесчисленным множеством исследователей и сотрудников Корпуса мира.

– Полевые специалисты и антропологи Корпуса мира, которых я знаю, очень проницательны. – сказал Рекс. – Они знают, когда кто-то им изменяет.

– Что, если антрополог хочет помочь людям, с которыми он живет? – предположила я. – Что, если он или она настолько увлекутся чужой культурой, что не смогут оставаться объективным?

Я подумала о событиях, которые произошли под руководством Клары и ее коллег, и о том, что я никогда не смогу объяснить свое мировоззрение, используя теории антропологии или научный метод должным образом.

– Значит, он или она больше не антрополог, – сказал Рекс, приподняв густую бровь. – Он или она просто социальный работник, или хороший человек, или, что еще хуже, сроднился с предметом исследования. Чтобы возвратиться к исходной точке, необходимо порвать с подобной привязанностью, – и он привел несколько примеров.

Первый инцидент произошел с исследователем, работавшим среди индейцев навахо.

Изучая культ пейота и используя метод вовлеченного наблюдателя, он проглотил слишком много кактусов пейота, чтобы оставаться объективным. У него были видения Великого Духа, он получил бесчисленное количество посланий, а когда он вышел из галлюциногенного состояния, то основал свою собственную религию.

– И не забывайте о случае Бет Вассерманн, профессионального работника из Самоа, – напомнил мне Рекс, взяв трубку.

– Была ли она одной из учениц Боаса, как Маргарет Мид?

Он покачал головой. У меня было отчетливое ощущение, что он лапает меня за ногу. Я рискнула спросить:

– Что случилось с Бет Вассерманн?

– Она отправилась в Самоа, чтобы собрать информацию для своей докторской диссертации о сексуальных обычаях и брачных обрядах. Она отказалась от своей объективности, и ее участие вышло за рамки необходимого, если вы понимаете, о чем я.

Рекс сделал похотливый жест, который не оставил сомнений в характере причастности Бет Вассерман к самоанцам.

– Что с ней случилось?, – спросила я его, зная, что история плохо кончится.

– Она влюбилась в полинезийского принца, – сказал Рекс, помахивая мне трубкой, как если бы он ругал ребенка, – Она нарушила табу, и шаман наложил на нее проклятие. Она чуть не умерла при родах, если бы священник не вмешался со своей белой магией. Бет покинула остров дискредитированной и так и не закончила свое исследование.

В комнате воцарилась тишина. Рекс посмотрел на меня, чтобы увидеть мою реакцию.

– Я все еще не уверена, – упрямо сказала я, – Мне кажется, что весь подход к антропологии неверен. Чтобы что-то понять, нужно делать больше, чем просто наблюдать. Мы должны участвовать.

Рекс вытащил трубку изо рта, перевернул ее и шлепнул по краю пепельницы. Ничего не высыпалось изнутри. Я поняла, что он использовал трубку в качестве плацебо, чтобы помочь себе бросить курить или, возможно, это был способ обратить на себя внимание.

– Необязательно пробовать яблоко, чтобы узнать, что оно красное, – напомнил он мне.

– Но как узнать, что такое яблоко, если не надкусить его? – спросила я. – Если вы пойдете в поле, с мешком, набитым гипотезами, вы на самом деле не будете открыты для опыта, который является ключевым моментом в антропологии: изучение человека, его веры, его чувств, его мыслей и его мировоззрения относительно Вселенной.

Рекс причмокнул и сунул трубку обратно в рот. Его терпение, казалось, иссякло.

– Вы задаете вопросы, относящиеся к сфере философии. Если вы хотите узнать о смысле жизни, вы не в том отделе. Однако мой друг Карлос мог бы ответить на некоторые из ваших вопросов. Он ученик мексиканского шамана.

Услышав свое имя, ассистент учителя, сидевший за соседним столом, положил книгу, которую он читал, и повернулся к Рексу.

– Она хочет знать о смысле жизни, – сказал Рекс. – А я, даже в шутку не могу ответить на её вопросы, поэтому оставлю её в ваших руках. – Он снова посмотрел на часы. – Кроме того, я опаздываю. Мне нужно ехать в Гардению.

Рекс сложил в портфель кипу машинописных листов и поспешно вышел из комнаты.

– Что такого важного в Гардении? – спросила я, повернув стул к Карлосу.

– Рекс любит азартные игры, – тихо сказал Карлос, – И Гардения – единственное место поблизости, где они разрешены. Помяните мои слова, на днях он поставит на кон даже свой грант на исследования по Непалу.

У Карлоса были вьющиеся черные волосы, доброе улыбающееся лицо и озорной блеск в темных сияющих глазах. У меня было неприятное ощущение, что я видела его раньше, не только в отделе антропологии, но где-то еще, и что нас связывает невидимая нить. Но как я ни старалась, я не могла вспомнить, где и когда мы встречались.

Карлос наклонился вперед и пристально посмотрел на меня, как будто он тоже испытал своего рода дежавю:

– Разве мы не встречались раньше? – сказал он, очевидно осознавая такое грубое клише. Даже несмотря на то, что слова были произнесены мне, выражение звучало так банально, что я сразу заняла оборонительную позицию.

– Вы, наверное, видели меня в коридоре, – сказала я, пытаясь казаться небрежной. – Или в классе Хичкока.

– Хм. Возможно, – сказал он, бросив на меня задумчивый взгляд. Его взгляд, на самом деле, напомнил мне взгляд гипнотизера, который держит своего пациента.

– Ты слишком молода и красива, чтобы беспокоиться о смысле жизни, – сказал он дружелюбным тоном. – Тебе не может быть больше девятнадцати или двадцати. Почему бы не оставить сложные вопросы мудрым философам?

– Мне двадцать два года, и я очень интересуюсь смыслом жизни, – отрезала я, раздраженная тем, что показалось мне заявлением завзятого мачо. – Что все это значит? Должно быть что-то еще, что делает жизнь достойной того, чтобы жить отдельно от мусора, который мы получаем каждый день нашего существования.

Во время этой пламенной речи я жестикулировала руками, и, в конце концов, с грохотом опрокинула коробку со скрепками, которая стояла у него на столе. Они рассыпались на бумаги, но Карлос сделал вид, что не заметил.

– Я уважаю ваше беспокойство, – сказал он, наклоняясь ко мне, – Просто большинство людей не заинтересованы в понимании значения чего-либо, кроме разве что любви.

– Я не согласна, – сказала я, – А как насчет искателей и посредников? Они всегда ищут ответы на фундаментальные вопросы.

– Верно, но, на мой взгляд, так называемые гуру не столько добросовестно привержены философским поискам, сколько стремятся укрепить свой опыт. Они ищут смысл жизни именно потому, что она им наскучила. Если бы они жили с удовольствием, им не было так интересно разбираться в этом.

У меня было ощущение, что я ставлю себя в категорию тех, кому не хватает вкуса к своей жизни.

– Вернись через двадцать лет после того, как поживешь, и тогда мы сможем поговорить о смысле жизни, – сказал он, подмигнув.

– Через двадцать лет мир может разлететься на кусочки, – возразила я, – Вы имеете в виду интенсивность переживания?

По его болезненному выражению лица мне могло показаться, что я кричу. Не знаю, почему я разнервничалась. Порыв прохладного ветра ворвался в открытое окно и перемешал экзаменационные листы Карлоса на столе. Я глубоко вздохнула, чтобы успокоиться.

– Если ты действительно хочешь узнать о смысле жизни, – сказал Карлос, – тебе стоит познакомиться с индейцем яки, с которым я работаю. Он много знает о жизни и ее смысле. Фактически, он один из самых мудрых людей, которых я когда-либо встречал. Может, мы когда-нибудь поедем в Мексику, и я познакомлю тебя с ним.

Услышав это, я испытала сильные опасения. Я вспотела. Все мои чувства смешались. Может быть, Карлос просто трепался из вежливости, а может, он пытался сделать мне предложение о поездке. В любом случае я чувствовала глубокое беспокойство.

Одно дело поехать в Мексику с Кларой Мендес, а с незнакомым человеком – совсем другое. Хуже всего было то, что что-то внутри меня самым ужасным образом хотело вернуться в Мексику. Я посмотрела на Карлоса, пытаясь понять его намерение, но на мгновение мне показалось, что он сжался и исчез в пространстве. Как будто я смотрела на него из конца длинного туннеля.

Я продолжала смотреть на него с изумлением и внезапно вспомнила, где видела его раньше. Однажды мне приснилась встреча магов в Мексике. Одним из них был молодой латиноамериканец с вьющимися темными волосами, очень похожий на человека, который сейчас со мной разговаривал.

Не имея рационального основания, я убедила себя, что Карлос и был тем самым молодым человеком из моего видения, новым нагвалем. Я вспомнила, что они сказали мне, что когда Сила свяжет нас, то перенесет меня в Мексику, где я встречусь с другими членами партии нынешнего нагваля, которые будут ждать меня.

Я пыталась вспомнить, кто были эти другие участники, но была уверена, что, за исключением Клары, Нелиды и странного птицеподобного существа по имени Эмилито, я никогда их не встречала. Я была шокирована, осознав, что время, проведенное в Лос-Анджелесе, почти вырвало их из моей памяти. Моя чрезмерная озабоченность повседневными делами и учеба в университете создали барьер забывчивости.

Мрачное забвение, окружавшее меня, было таким плотным, что время, проведенное в Мексике, стало туманным и сказочным, как будто этого никогда не было. Однако в одном я была уверена точно: мне приказали не возвращаться в Мексику и не искать никого из них, пока Сила сама этого снова не сделает. И когда наступит этот момент, я должна была поймать кубический сантиметр шанса, который Сила предлагала мне, или же дверь закроется и, возможно, больше никогда не откроется снова. Когда на меня накатила волна воспоминаний, я почувствовала звон в ушах и испытала сильное головокружение.

Я хотела сбежать, но услышала, как говорю: «Я хочу поехать в Мексику», голосом, который вряд ли мог быть моим, потому что он исходил из конца длинного туннеля. Я подняла глаза и заметила, что Карлос тоже смутился. По выражению его лица было очевидно, что он не ожидал, что я серьезно отнесусь к его приглашению, не говоря уже о том, чтобы дать ему окончательный ответ.

– Ты в порядке? – спросил Карлос с искренним беспокойством.

– Я в порядке, – сказала я, помотав головой, чтобы прояснить её.

Когда я пришла в себя, я сказала себе, что это был лишь неясный проблеск и что видение ухода нагваля было настолько мимолетным, что я, возможно, спутала с ним этого молодого человека. Теперь же, как и раньше, он казался другим человеком. Однако, несмотря на мои рациональные сомнения, мной руководила неизвестная Сила. Я была уверена, что если Карлос был человеком из моего видения, то я могла бы узнать это только в Мексике, и если не начать действовать сейчас, у меня никогда не будет другого шанса.

– Я хочу поехать в Мексику, – повторила я.

– Что ж, это было бы здорово. – с тревогой сказал Карлос, собирая скрепки, которые я рассыпала. – Мы сделаем это когда-нибудь.

– Я действительно хочу поехать. Когда будет подходящее время?

– Я езжу в Сонору каждые два уик-энда, – нерешительно сказал Карлос.

– Отлично. Как насчет следующих выходных? К тому времени я сдам экзамены.

– Вау, не так быстро! – сказал Карлос, пытаясь дать задний ход, – Вам не кажется, что нам лучше пойти в кино или пообедать, или что-то в этом роде, вместо того, чтобы бежать в Мексику? В конце концов, мы почти не знаем друг друга.

– Фильмы утомляют меня, и я никогда не ем в ресторанах, – сказала я, – Также я хотела бы встретиться с этим магом-информатором, с которым вы работаете. Я обещаю не мешать вам.

Я поняла, что Карлоса раздражает моя настойчивость, но, вместе с тем, в нем пробудилось любопытство. Казалось, он обдумывает возможности, но затем его отношение резко изменилось.

– Я действительно не думаю, что смогу позволить кому-нибудь свалиться на старика, – сказал он, – Особенно молодой женщине. Вы говорите по-испански?

– Да, говорю, – солгала я без колебаний. Он выглядел удивленным.

– Это все еще не очень хорошая идея. Не знаю, почему я вообще упомянул об этом. Забудем всё это.

– Это хорошая идея, – сказала я с энтузиазмом, – Думайте об этом как о свидании с судьбой. Карлос снова заколебался.

– Как насчет того, чтобы спросить своего информатора, можно ли привести друга из университета? – предложила я, – Однокурсника-антрополога. Что не так? Если он скажет «нет», мы забываем об этом. Нет ничего плохого в том, чтобы спросить. Что тебе терять?

Карлос вздохнул с облегчением, словно нашел выход. Он был уверен, что его информатор из индейцев яки не захочет встречаться с молодой женщиной из Соединенных Штатов.

– Я спрошу, могу ли я кого-нибудь привезти, – резюмировал он, – Если он согласится, я позвоню тебе и мы встретимся в Ногалесе.

Я написала свой номер телефона на листке бумаги и передала ему. Я увидела, как он положил его в свой карман. Когда я вышла из комнаты, то была уверена, что он никогда не расскажет обо мне своему информатору-индейцу, и не позвонит мне.

На следующей неделе поздно ночью мне неожиданно позвонили.

Глава 2: Ногалес

Я посмотрела на часы; было 5:53 утра. Я ехала напрямую из Лос-Анджелеса в Ногалес, остановившись лишь дважды, чтобы заправиться и перекусить. Карлос попросил меня встретиться с ним в 9 часов перед автобусной станцией «Грейхаунд», но я предоставила себе достаточно свободы действий на случай пробок на дорогах или проблем с машиной.

Когда я припарковала машину на ночной стоянке возле автовокзала, я подумала, правильное ли я приняла решение, приехав сюда; Карлос говорил как-то странно во время короткого телефонного разговора. Как будто он не мог или не хотел говорить. Я могла неправильно понять время и место нашей встречи. На линии была сильная помеха, и его прервал женский голос, говорящий по-испански. Я предположила, что это был оператор, но теперь не была уверена.

Несмотря на ощущение, что я уже встречала его раньше, я на самом деле не знала Карлоса и не была знакома с Мексикой, поскольку никогда не выезжала за пределы дома Клары. Сельская Мексика была для меня враждебной и суровой страной, где с ничего не подозревающим путешественником могло случиться что угодно. Кроме того, я преувеличила, когда сказала Карлосу, что говорю по-испански.

Те немногие занятия, которые я посещала в университете, не дали мне знания языка. Казалось, я снова попала в ситуацию, с которой была совершенно не готова справиться.

Я установила будильник своих наручных часов на восемь тридцать, затем растянулась на заднем сиденье и расслабилась.

Долгая поездка меня утомила. Я поставила будильник на своих наручных часах на восемь тридцать, а затем растянулась на заднем сиденье, чтобы расслабиться. Закрыв глаза, я практиковала очищающее дыхание перепросмотра. Практика, которой я пренебрегала. Я задавалась вопросом, смогу ли я, вернувшись в Мексику, лучше понять некоторые невообразимые события, произошедшие под руководством Клары и ее группы магов.

Теперь те события казались такими далекими, что попытки вспомнить их навевали на меня глубокую меланхолию. Постоянная озабоченность собой и своими повседневными делами затуманила мой взор, и, несмотря на месяцы перепросмотра и бесчисленные обещания измениться, старые привычки и чувства медленно возвращались, как крабовая трава, стебель которой был подрезан, но корни оставались упрямо нетронутыми.

Когда я очнулась от крепкого сна, солнце палило мне на голову. Мне снилось, что я смотрю на листья деревьев в роще перед домом Клары. Я испытала мгновенную панику: было девять тридцать! Будильник не сработал, а если и сработал, то я его не слышала! I Я боялась, что пропущу встречу с судьбой, и долгая поездка окажется напрасной. Как обычно, я была беспечна, хотя должна была быть начеку. Вдобавок ко всему, от солнца, светившего в окно машины, у меня разболелась голова.

В своем поспешном отъезде я не захватила шляпу.

Я заперла дверцу машины и направилась к автобусной станции, где влилась в толпу людей. которые очень спешили. Все либо шли к границе, либо только что пересекли границу и спешат от нее прочь. Я чуть не столкнулась с горбатой женщиной.

Услышав плач, я поняла, что женщина вовсе не горбатая: она несла ребенка, завернутого в робу, привязанную к ее спине и плечам. Даже головы ребенка не было видно и я удивилась, как он может дышать.

Мне стало так жалко женщину, что я дала ей десятидолларовую купюру. Она взяла деньги и с благодарностью улыбнулась, показывая передний серебряный зуб.

Мне стало так жалко эту женщину, что я протянул ей десятидолларовую купюру. Она взяла ее и улыбнулась благодарно, сверкнув серебряным передним зубом. При виде денег меня мгновенно окружила группа мальчишек, продающих лотерейные билеты. Все они настаивали, чтобы я купил один или хотя бы позволила им понести мою сумку. Я купила коробку "Чиклетс" у девочки с косичками и поспешила мимо киосков, где продавались ремни, пончо и керамические статуэтки.

Я хотела купить бананов, ведь последним блюдом, которое я ела, был сэндвич с мясным рулетом в Гила-Бенд, но я не решилась тратить на это время. Мне нужно было срочно добраться до автовокзала "Грейхаунд". и быстро. Машины парковались или останавливались на каждом свободном месте, и все, казалось, сигналили одновременно. Я стояла на углу улицы, ожидая возможности перейти ее, когда увидела вдалеке Карлоса, который махал рукой. Я не могла понять, говорит ли он мне оставаться на месте или подойти к нему. Я так обрадовалась, что увидела его, что поспешила перейти улицу, остановив при этом несколько машин.

Вблизи Карлос выглядел иначе. От его одежды пахло дымом мескитового дерева. В университете он носил сшитые на заказ брюки и спортивные пиджаки. Сейчас на нем были джинсы, рубашка цвета хаки с длинными рукавами и походные ботинки. Он обладал энергией и ловкостью, которые выделяли его из толпы. В том, как он балансировал на носочках, было что-то от атлета, прекрасно контролирующего свои движения.

– Полагаю, ты думал, что я не приду, - сказала я, чтобы снять неловкость.

– Ты права. Я уже начал сомневаться, приедешь ли ты. Как прошла поездка?

– Большую часть пути я находилась в оцепенении. К счастью, движение было не очень интенсивным. Я бы успела вовремя, но заснула.

– Мой бог. Ты попала в аварию?

– Нет, я проснулась как раз вовремя. Но поэтому и опоздала.

Он бросил на меня смущенный взгляд. Я поняла, что он подумал, будто я заснула за рулем, а не на заднем сиденье машины.

– Честно говоря, – быстро сказала я, – я не ожидала получить известие от тебя.

– Я тоже, – сказал Карлос, беря мою сумку, – Я был удивлен, когда мне сказали позвонить тебе:

– Кто тебе сказал позвонить мне?

– Индеец яки, с которым я работаю.

Карлос объяснил, что, верный данному обещанию, он упомянул своему информатору, что встретил студентку в университете и хочет пригласил ее приехать в Мексику.

– Мой информатор хотел знать все подробности того, как я встретился с тобой, – продолжил Карлос.

– Что ты ему сказал?

– Я описал ему, как Рекс Джонс устал от твоих вопросов и передал тебя мне. Видимо это было Знаком.

– Что ты имеешь в виду под знаком?

– Дон Хуан говорил, что вещи никогда не приходят к нам напрямую; что всегда должен быть кто-то и что если мы не прыгнем в тот самый момент, дверь закроется, и мы никогда не узнаем, что могло бы быть.

Карлос серьезно посмотрел на меня.

— Ты имеешь в виду, что Рекс Джонс — своего рода швейцар? — спросила я в замешательстве.

Он кивнул. – По словам дона Хуана, действовали таинственные силы. Что-то во мне озвучило приглашение привезти тебя в Мексику, а что-то в тебе поспешило его принять. Это могло означать только одно.

– Что же? – Мне стало интересно, не было ли это единственной вещью, которая приходит на ум каждому мужчине, когда речь идет о ночном путешествии с женщиной.

Карлос взял меня за руку, чтобы помочь пройти через яму на тротуаре.

– Это означает, – пояснил он, – что на каком-то уровне мы оба осознавали важность момента. Это также означает, что Сила проложила путь, и мы должны быть безупречными, чтобы иметь возможность путешествовать под ее эгидой. Другими словами, мы находимся в руках Силы, движущейся через открытую дверь.

По спине пробежала дрожь. Я боялась оказаться не готовой к такой поездке.

– Отныне ни ты, ни я не в ответе за то, что произойдет, - продолжал Карлос. – Все, что может произойти после того, как мы пересечем границу, относится к сфере Силы. Другими словами, что-то, кроме тебя или меня, будет командовать. Он бросил на меня пронизывающий взгляд.

– Ты готова к этому?

Я не успела ответить, как мы оказались на пограничном контрольно-пропускном пункте. Карлос сказал мне, что оставил свою машину на той стороне, и сам перейдет границу и будет ждать меня в Мексике. Он показал мне, какую форму мне нужно заполнить и через какую дверь я пройду, чтобы попасть в Мексику. Он передал мне мою сумку, затем вышел через ту же дверь и исчез за углом здания.

Мне не нравилось оставаться одной. Я представляла себе это как испытание, чтобы проверить, смогу ли я перебраться самостоятельно. Или, возможно, Карлос решил, что я достаточно владею испанским, чтобы не нуждаться в его переводе. Пока я ждала очереди, я начала оценивать свою ситуацию: мне предстояло отправиться в путешествие с кем-то, кого я видела в видении; на поиски Силы способом, который можно было бы назвать "следованием замыслам духа". Карлос с самого начала дал понять, что мы будем не на отдыхе, а под эгидой Силы. Я не знала, что такое "Сила", но понимала, что это слишком абстрактное понятие, чтобы давать ему точные определения. В таком путешествии все, что можно сделать, - это согласиться и следовать его иллюзорному курсу.

Пока я все обдумывала, у меня возникло четкое ощущение, что за мной наблюдают. Возможно, Нелида или мистер Абеляр были среди мексиканцев, которые выстроились в очередь, чтобы пересечь границу. Я не видела их уже много месяцев, но был уверена, что узнаю их, особенно Эмилито, который часто навещал меня во снах. У него были большие, как у совы, глаза, которые моргали, когда он смотрел в пустоту. Я просыпалась посреди ночи и обнаруживала, что он стоит у моей кровати. Потом он исчезал, прежде чем я успевала с ним поговорить.

За спиной послышалось хриплое покашливание. Я обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как старик роняет на пол огромную каплю слюны. Я вздрогнула, меня затошнило. Я бы отошла, но передо мной стояла женщина, державшая на руках младенца, на лице которого были размазаны сопли. Он пытался схватить меня за волосы своими липкими кулачками. Я узнала оборванную пурпурную робу: это была та самая женщина, с которой я столкнулась, когда спешила на автовокзал "Грейхаунд". Она улыбнулась мне, узнав, и сказала что-то на быстром испанском, чего я не поняла. Я улыбнулась в ответ, тупо кивнув.

Было жарко и душно, голова кружилась, но я не решалась подойти к двери, боясь потерять свое место в очереди. Я потянулась в сумочку за ароматным носовым платком и помахала им перед своим лицом, с видом дьявола. Вместо того чтобы оставить мне место, мужчина позади меня протиснулся вперед по мере продвижения очереди. Я почувствовала, как меня захлестнула очередная волна тошноты и осуждения.

Я рационализировала свое чувство превосходства как попытку уравновесить свой физический дискомфорт. Я поняла, что это опасные чувства. За долгие часы пересмотра своей жизни я обнаружила, что меня окружали люди, которые чувствовали свое превосходство над всеми остальными. Их превосходство было основано лишь на ложных доводах, как и мое, - я просто копировала их чувства в совершенстве. Я твердила себе, что я не часть этой сцены, а студент-антрополог, человек с культурным европейским происхождением, который приехал сюда, чтобы проводить исследования, а не соприкасаться с нищетой и грязью, которыми было пронизано это место.

В разгар эмоциональной подпитки я испытала глубокое чувство уныния, осознав, что месяцы перепросмотра ничего не значат, когда сталкиваешься с дискомфортом и отсутствием контроля, когда мое представление о себе оказывается под угрозой. Хуже всего, как я теперь понимала, было то, что способность наделять себя ценностью исходит из непоколебимой основы, которая есть у каждого из нас: чувства или, скорее, уверенности в том, что мы особенные и выше всяких похвал.

Я двинулась вперед, чтобы увеличить расстояние между собой и стариком, стоящим позади меня, которого я постоянно замечала краем глаза. Казалось, он внутренне смеется над моим дискомфортом, и это раздражало меня еще больше. Чтобы отвлечься, я открыла сумочку и достала золотую ручку, которую одолжила мне Клара, чтобы составить свой список перепросмотра: список имен всех людей, с которыми я сталкивалась в течение своей жизни. Список получился длинным, и я стала считать ручку своей собственностью. Клара сказала, что она принадлежала одному из членов партии нагваля, хотя она никогда не говорила, кто это был. Когда я вернулась в Лос-Анджелес, я взяла ручку с собой и использовала ее на экзаменах в университете. Если у меня не было с собой ручки "силы", я всегда чувствовала, что хуже справляюсь с экзаменами.

Я заполнила туристическую карточку, но не успела вернуть ручку в сумочку, как старик, позади меня, придвинулся ко мне и спросил: "Могу я одолжить вашу ручку?"

Удивленная тем, что услышала английскую речь, я повернулась к нему лицом. Он был старым, но не дряхлым; среднего роста, с широким плоским носом и восточными глазами. В его приветливой улыбке чувствовалась фамильярность.

Я посмотрела на его руки: они были грязными. Я не хотела одалживать свою ручку незнакомцу, который может заразить ее странной энергией или, что еще хуже, прикарманить, пока я не вижу. Я хотела сказать, что у меня нет ручки, но он явно видел, как я ею пользовалась. Кроме того, откровенная ложь - это то, что мне было трудно сделать. Пересмотр помог мне понять. что мое нежелание лгать проистекает из нескольких болезненных детских инцидентов.

Однажды моя мать обвинила меня в том, что я испачкал грязью только что отполированный линолеумный пол. Тогда мне не составило труда соврать, и я обвинила своего младшего брата в том, что он испачкал пол, но когда моя мать нашла мои грязные ботинки под моей кроватью, она заставила меня извиниться перед братом и попросить у него прощения. Мне также пришлось лечь спать без ужина. Позже, вспоминая это событие, я поняла, что маму разозлил не столько грязный пол на кухне, сколько сама ложь, чего воспитанные девочки просто не должны делать.

Я посмотрела на старика. Словно почувствовав мою озабоченность, он вытер руки о переднюю часть рубашки, чтобы очистить их.

– Это красивая ручка, - прошептал он, наклоняясь ближе. Я буду бережно хранить ее. Слишком много воров вокруг.

Я не могла понять, шутит ли он, но, словно в оцепенении, медленно протянула ему ручку. Краем глаза я внимательно следила за тем, чтобы он не спрятал ее в карман. Я украдкой бросила несколько боковых взглядов на его лицо. Теперь, когда я разглядела его получше, оно было просто поразительным. У него были высокие скулы, сильные индейские черты и глаза, которые горели свирепым хищным огнем. напоминавшие мне глаза Эмилито; они придавали мужчине ужасающий и в то же время странно притягательный вид.

Глядя на его лицо, у меня закружилась голова. Я услышала громкое жужжание в ухе и почувствовала давление на солнечное сплетение. Комната начала раскачиваться, и мне показалось, что я вот-вот упаду.

"Обопритесь на меня", - сказал мужчина, прижимаясь ко мне спиной, чтобы поддержать меня.

"Когда родится ребенок?" - спросила женщина напротив меня, обернувшись.

"О чем вы говорите?" заикнулась я.

Тогда я поняла, что они, должно быть, подумали, что я беременна, и поэтому чувствую себя неважно.

– Я знаю, что ты должна чувствовать, – сказала женщина, сочувственно похлопав меня. Она была похожа на Клару, только ниже, коренастее и темнее, – Когда я была беременна Хайме, – продолжила она, – я все время теряла сознание.

– Я в порядке, – сказала я. – Я просто ничего не ела.

– Я видела тебя на улице с тем молодым человеком, – продолжила она, как будто не слыша меня. Он твой муж или вы пересекаете границу, чтобы выйти замуж?

– Я приехала в Мексику не для женитьбы! – закричала я, – И я не беременна!

Все в комнате обернулись, чтобы увидеть, кто кричит. Молодой человек, прислонившийся к стене, улыбнулся и покачал головой, как будто ему лучше знать.

– Может, ты едешь делать аборт? – сказал старик со смешком. – Тебе должно быть стыдно за себя! Он ухмыльнулся, отчего глаза его стали дикими.

Я была так смущена, что с трудом вдыхала достаточно воздуха. Я уставилась на лицо старика. Его глаза сияли, словно их освещали два крошечных огонька. Они были черными, блестящими, как у животного, за исключением двух крошечных точек янтарного света, которые становились все больше и больше. Как я ни старалась, я не могла отвернуться. Я была загипнотизирована его глазами. Комната погрузилась в белую дымку, за исключением лица старика, вокруг которого было золотое кольцо. Затем его лицо начало расширяться, пока его черты не исчезли совсем. Остался только клубок света. Меня больше не было в комнате, и мне казалось, что я двигаюсь с бесконечной скоростью по длинному черному туннелю.

– Освободите место! – услышала я чей-то голос, – дайте гринге немного воздуха!

Я открыла глаза и увидела грязные туфли и брюки цвета хаки. Я смотрела на горстку незнакомцев, которые смотрели на меня сверху вниз. Тогда я поняла, что лежу на полу пограничного пункта. Мысль о том, что я буду лежать на этом грязном оплеванном полу, заставила меня немедленно подняться. Кто-то помог мне встать, потянув меня за руки. Другой человек подал мне воду в бумажном стаканчике. С благодарностью я выпила ее, не думая, была ли она пригодна для питья, или нет.

Я вспомнила про свою ручку. Я поискала старика с горящими глазами, но, к моему ужасу, его не было видно.

Мужчина помоложе заботливо протянул мне завернутую в целлофан половину сэндвича с сыром, я оцепенело ее взяла. Все, чего мне хотелось, это выйти из этой комнаты на свежий воздух. Когда чиновник поставил печать на моем бланке, я поспешила через боковую дверь и вышла на воздух. Свет и музыка мариачи доносились из ближайшего ресторана.

Через улицу я увидела, что Карлос разговаривает с мужчинами, сидящими на больших мешках с цементом, сложенными у стены здания. Когда я подошла, он меня не представил, а поспешно прервал разговор.

– Не было проблем с переходом? – спросил он.

– Мне было так тесно в той комнате, что я отрубилась и упала на пол, – сухо сказала я, – потом кто-то свистнул мою золотую ручку. И все обвиняли меня в том, что я беременна, но в остальном все обошлось.

– Ты серьезно? – спросил он.

– Ты думаешь, я шучу?

Он озабоченно посмотрел на меня, и я представила, что моя бледность такая же серая, как цемент, рассыпанный по полу.

– Когда ты в последний раз ела?

Я мимолетно представила себе хорошо освещенную кухню Клары и чудесные блюда, которые нам готовил неуловимый смотритель Эмилито.

– Целую жизнь назад, - сказала я, понимая, что предаюсь меланхолии и жалости к себе. Я позволила волнам уныния пройти, пока снова не почувствовала себя спокойно.

Карлос что-то сказал по-испански людям, с которыми разговаривал, и все они посмотрели на меня и патетически покачали головами.

– У Карлитоса, конечно, руки заняты, - сказал один из них на английском с сильным акцентом, и все захихикали и кивнули в знак согласия. Затем я увидела, как мимо нас бодрым шагом прошел мужчина. Казалось, он очень спешил, но на мгновение остановился и повернулся, словно хотел, чтобы я увидела его лицо.

– Это он, — сказала я, схватив Карлоса за рукав. Это он взял мою ручку.

– Кто?

Прежде чем я успела указать на человека, он исчез в толпе мексиканцев, собравшихся на улице.

Глава 3: Санта-Анна

В пустыне Сонора было жарко: более 38 градусов в тени. В машине без кондиционера было все равно что в духовке, включенной на малый огонь. Я научилась делать вяленую говядину таким образом. оставляя тонкие полоски мяса на решетке духовки для обезвоживания на ночь. Окна Chevrolet были опущены, и горячий воздух обдувал мое лицо. Я чувствовала себя как кусок вяленой говядины, сухой и безжизненный.

– Не мог бы ты уточнить, что мы будем делать на этом пути к Силе? Спросила я Карлоса, опустив козырек, чтобы защитить глаза от слепящего света дороги.

Карлос бросал на меня укоризненные взгляды, пока вел машину.

– Это трудно объяснить, - сказал он, притормаживая на повороте. Мы просто будем действовать без какого-либо конкретного плана и позволим духу направлять нас. Именно так я и делаю всякий раз, когда приезжаю в Мексику, чтобы увидеть дона Хуана. Я отдаю себя на волю обстоятельствам, как они складываются.

По-моему, это прекрасно, но мы будем просто бесцельно ехать или направимся куда-то конкретно?

– Мы едем в города яки Викам и Потам в надежде найти церемониальные маски для Этнографического музея. Это будет наш очевидный маневр; но по сути, мы ищем Силу.

– Как мы узнаем, когда найдем ее? – спросила я, вытирая пот со лба бумажной салфеткой, и Карлос засмеялся над моим болезненным выражением лица.

– Мы будем знать, потому, что что-то в нас изменится или изменится наше восприятие мира. В любом случае, наше путешествие начинается там, в городах Яки.

– Почему именно там?

– Потому что здесь дон Хуан и его товарищи встречаются, чтобы обновить себя. Именно сюда приходят маги его группы, чтобы восстановить свою силу.

Земля от Ногалеса до Эрмосильо была пустынной; на многие мили не было ничего, кроме гигантского сагуаро и длинного колючего око-тилло, перемежаемого тойонами и небольшими кустами. Время от времени мы проезжали мимо густых зарослей опунции с маленькими птицами, клюющими её красные плоды. Чтобы отвлечься, я попыталась идентифицировать как можно больше видов флоры Санта-Анны. Если я не знала растение, я спрашивала у Карлоса его название. Похоже, он был очень хорошо осведомлен о растительности в этом районе.

– В какой-то момент я хотел изучить лечебные свойства растений, – сказал он, – И Дон Хуан часто брал меня гулять по пустыне.

– Можно ли выжить в пустыне? – поинтересовалась я.

– Индейцы используют кактус-бочонок как источник воды, и, конечно же, опунция съедобна, – ответил он. – А также многие другие кусты и корни. Но ты должна знать, какие растения пригодны к употреблению.

Панамериканское шоссе, как черная лента, пересекало эту местность. Я смотрела на белую линию, тянувшуюся перед нами, пока она не исчезла у горизонта, как сияющий мираж из парящей воды. Чтобы облегчить мои страдания, я обмахнулась носовым платком с запахом одеколона. Карлос взглянул на белую ткань, развевающуюся, как флаг перемирия, и наморщил нос.

– Пахнет розовым садом, - сказал он, полу-улыбаясь, но когда он чихнул, я поняла, что духи его беспокоят.

Я положила платок обратно в сумочку и сунула в рот жевательную резинку. Чтобы отвлечься, я проверила себя, сколько видов флоры я могу определить без его помощи. Я могла определить биснагу, тунца, магуэя, из которого делают текилу, высокую юкку, которая цветет и, конечно, деревья манзанильи и тойона, на которых растут восхитетельные, но несъедобные красные ягоды.

Около полудня мы достигли участка дороги, на котором велись ремонтные работы. Мы замедлились до минимальной скорости, и я увидела, как дорожные рабочие без рубашек вручную заполняют выбоины. Один рабочий с красной косынкой на голове разгребал гудрон из ведра, другой, в широкополой соломенной шляпе, раскатывал гудрон орудием, похожим на огромный утюг. Дальше по дороге другой рабочий поливал водой только что нанесенный гудрон и подметал его мокрой щеткой, отчего от испарения воды на жаре образовывался пар.

Свежий асфальт напоминал толстую полоску расплавленной лакрицы, которую можно было есть. Тогда я поняла, что проголодалась. Если не считать газировки, которую я пила в Ногалесе, фруктов, которые мы купили в придорожном киоске, и крекеров, которые я нашла в пакете на заднем сиденье, я не ела со времен Гила-Бенд.

В Ногалесе Карлос предложил накормить меня, но я была слишком расстроена, чтобы есть. Пройдет три часа, прежде чем мы доберемся до Эрмосильо, где, по словам Карлоса, он знает отличный ресторан. Смирившись, я порылась в сумочке в поисках жевательной резинки, чтобы смочить горло.

Перезрелые манго бродили в пластиковом мешке на заднем сиденье. Резкий запах донесся до моих ноздрей. Запах был знакомым, но не противным. Я закрыла глаза и позволила аромату манго окутать меня.

Когда мои ноздри очистились, я увидела фиолетовый свет в области вокруг моего лба. Пространство открылось, и перед моими глазами возникла сцена. Я увидела, как Эмилито готовит свой особый ликер из манго. На нем был поварской колпак и фартук, надетый на аккуратно отглаженный синий комбинезон. Он находился на кухне дома Клары, стоя перед огромной дровяной печью.

– Поскольку ты живешь на деревьях, – сказал он, – тебе разрешено попробовать этот превосходный ликер, который я приготовил.

Я посмотрела на него с удивлением:

– Я не знала, что ты пьешь спиртное, Эмилито, не говоря уже о том, чтобы делать его самому, разве это не вредно для твоего здоровья?

– Да, - признал он с дьявольским блеском в глазах, - но это особый случай, так что мы с тобой попробуем.

Я начала ощущать знакомую панику, когда Эмилито нарушил одно из своих строгих правил. Никогда прежде я не видела Эмилито таким расслабленным. Он всегда так тщательно следил за тем, что ест и пьет, из-за своей хрупкой конституции. Дюжина вопросов и столько же страхов захлестнули меня.

– Что это за особый случай? – спросила я.

– Это мой день рождения, – сказал он писклявым детским голосом.

– Но я думала в магическом мире не празднуют дней рождения. А как насчет перепросмотра, как насчет стирания твоей личной истории, как насчет встречи с наступающим временем?

– Как насчет них? — спросил он, моргая, как птица.

Он достал из буфета два изящных гравированных бокала для ликера. Я никогда раньше не видела их там, несмотря на то, что внимательно следила за расположением предметов внутри и вокруг дома. Ничто не ускользнуло от моего внимания, поскольку я был одержима выяснением, кто живет в доме и чем они занимаются.

– Я думала, что потеря личной истории означает, что человек не сосредотачивается на дне своего рождения, не говоря уже о том, чтобы праздновать его, — сказала я, любуясь бокалами. Они были хрустальными, с тонкой ножкой и едва заметным геометрическим узором, выгравированным на ободке.

Он осторожно поставил стаканы на стол.

– Откуда у тебя вообще взялась эта идея? – спросил он . – День твоего рождения – самый важный.

– Это день, который я хочу забыть, – сказала я.

Он причмокнул.

– Ну, если для тебя это не важно, то для меня это важно.

– Я не понимаю.

– Это важно, потому что это был день, когда я начал погашать свой долг, — объяснил он.

– Я до сих пор не понимаю. Можешь ли ты сказать мне, что ты имеешь в виду?

– В тот день, когда ты вылезла из корсета и спустилась с дерева, с первого момента, как ты увидела меня, через эту самую кухонную дверь, это был день, когда я начал выплачивать мой долг. Насколько я понимаю, это был твой день рождения и в каком-то смысле мой тоже. И если ты не помнишь, из-за своего медленного и ленивого ума, то сегодня прошел ровно один год с того дня. Так давай выпьем и отпразднуем нашу свободу, Тайша.

Он протянул мне стакан для хереса, наполненный густой желто-оранжевой жидкостью, которую он налил из прозрачной перегонной колбы, вроде тех, с выпуклым дном, которые можно увидеть в химической лаборатории. Он поднял свой стакан и ждал, пока я сделаю то же самое.

У меня было предчувствие, что как только наши бокалы соприкоснутся, произойдет нечто грандиозное. Я колебалась. Мне не хотелось произносить тост, и все же я была вынуждена последовать жесту Эмилито. Нехотя я подняла свой бокал и сказала "твоё здоровье" так же, как Эмилито, и даже попыталась слегка улыбнуться. Затем он настоял на том, чтобы мы чокнулись.

Он деликатно потягивал спиртное, наслаждаясь каждым глотком. Я осторожно сделала глоток, и чуть не задохнулась. На вкус он напоминал сладкий скипидар. Густой, липкий и теплый. Эмилито, довольный тем, что я пью его смесь, посмотрел на меня с таким обнадеживающим нетерпением, что я сделала еще глоток.

— Разве это не что-то? — сказал он, ожидая моего ответа.

– Да, это так, — сказала я, стараясь не морщиться.

Это все, что я смогла сказать; ликер обжег мне горло, и я задавалась вопросом, смогу ли я когда-нибудь снова заговорить. Он заставил меня выпить до последней капли, а потом я потеряла сознание.

Я видела самый яркий сон. Там были Клара, Манфред и великолепная Нелида. Я думала, что мы на месте для пикника, пока не поняла, что это задняя часть чьего-то дома. В бочке из под масла, наполненной мескитовым деревом с решеткой сверху, горел открытый огонь. Я почувствовала запах жареной свинины. Там было большое собрание людей; среди них были молодые люди, но были и постарше, и один молодой человек особенно пристально смотрел на меня. Все они казались такими счастливыми и полными энтузиазма и беззаботного восторга, что я забыла о своем беспокойстве и тоже была счастлива.

Я сосредоточила свой взгляд на молодом человеке. Казалось, он был центром группы людей, слушавших его речь. Я хотела пойти туда, но Нелида остановила меня. Она положила руку мне на плечо и сказала: «Оставайся здесь, еще не время. Скоро ты встретишь нового нагваля, на другой стороне. Тогда вашей задачей будет объединить две стороны. Только глубочайшая привязанность позволит тебе сделать это.

Я проснулась. Что-то впивалось мне в ребра. Я поняла, что это ручка двери машины. Мы, должно быть, свернули на крутой поворот, потому что я врезалась в дверь.

– Проклятые собаки, – сказал Карлос, – они всегда перебегают улицу, перед проезжающими машинами.

– Мы её сбили? – обеспокоенно спросила я.

Карлос протянул руку, чтобы помочь мне выпрямиться. – Нет, ответил он, – снова взявшись за руль. – Думаю, нам повезло. Я подняла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть облезлую собаку, спешащую в канаву у обочины дороги.

– Здесь живут люди? – спросила я, удивившись виду домашнего животного. За исключением строительной бригады, которая должна была быть там только для ремонта дороги, нескольких ворон и бегущей по дороге полевки, я не видела ни единого признака жизни на многие мили.

– Естественно, есть люди, которые живут здесь, – ответил Карлос, – Возле холмов есть несколько ранчо. С дороги их не видно, но они есть. Здесь ночью опасно шататься. Местные сначала стреляют, а потом задают вопросы.

– Кто захочет жить здесь, посреди пустыни Сонора? – спросила я, надеясь, что наш перегревшийся Шевроле не выберет этот участок, чтобы сломаться.

– Дело не в желании, – поправил меня Карлос, – Этот район когда-то был оккупирован индейцами яки, прежде чем они были переселены в Центральную Мексику. Позже их привозили вагонами для работы в шахтах. Мы приближаемся к городу Санта-Анна, названному в честь известного генерала, воевавшего при Аламо, а затем ставшего президентом Мексики. О городе даже есть песня.

– Я никогда не слышала о ней, о песне, я хочу сказать. О генерале я конечно слышала. Разве он не был президентом Мексики трижды?

– Ему отстрелили ногу, и похоронили ее как героя, — сказал Карлос. «А когда он впал в немилость, они выкопали ногу и бросили ее в реку».

Я достала из бардачка карту Мексики и осторожно развернула ее, а затем снова сложила, чтобы показать только интересующую нас территорию. Я хотела посмотреть, насколько далеко мы находимся от Эрмосильо и того превосходного ресторана, о котором, по словам Карлоса, там был.

Когда мы завернули за поворот, мы увидели заправочную станцию Pemex и несколько зданий. Дома были белыми, а двери выкрашены в ярко-бирюзовый цвет – обычный цвет для этой местности. В большинстве домов в Соноре были двери бирюзового или синего цвета. Я всегда думала, что это в честь синей мантии Девы Гваделупской, но Карлос сказал, что они такие, так как этот цвет хорошо виден водителям, чтобы они не врезались в дома на поворотах узких улиц.

Судя по грязным переулкам и отсутствию тротуаров, грузовик или легковая машина могли легко протаранить дом при резком развороте.

– Это Санта-Анна, – сказал Карлос, сбросив скорость, – Если ты голодна, мы можем остановиться и поесть здесь.

У меня от нетерпения потекла слюна. Но когда я увидела на дороге мертвую собаку, недавно сбитую машиной, у меня снова заболел живот. Карлос зашел на заправку и сказал мне ждать его в соседнем здании, которое было рестораном, пока он заправит машину бензином.

Когда я вошла, то обнаружила, что просторная комната пуста. На полу был черно-белый линолеум, металлические столы, застеленные скатертями в зеленый горошек. На выбеленных стенах висели картины в рамках с изображением швейцарских Альп, рваные занавески дополняли окна с традиционными синими рамами. В углу даже стоял сломанный музыкальный автомат.

Место выглядело так, как будто оно появилось из фильма 1950-х годов. В любой момент я ожидала, что в дверь влетит банда мотоциклистов и они раскрутят свои мотоциклы вокруг столов.

Я села за один из столиков под потолочным вентилятором, у которого не было одной лопасти. Из-за синей занавески, ведущей в другую комнату, вышли стройная женщина средних лет и девочка лет десяти. Женщина казалась сонной от жары, или, возможно, они вздремнули в соседней комнате, а я разбудила их, когда вошла. Я улыбнулась женщине и подмигнула девочке, которая тут же убежала и спряталась за занавеску.

Я уверенно заказала две бутылки минеральной воды Peñafiel "без газов", на испанском языке. Женщина улыбнулась, кивнула и через мгновение вернулась с одной бутылкой газированной минеральной воды и стаканом льда, которым она грохнула об стол.

Я решила, что безопаснее пить прямо из бутылки и избегать стакана и льда. Я пыталась расшифровать рукописное меню, когда вошел Карлос и сел напротив меня.

– Забудь, что в меню, – сказал он, взяв его у меня из рук, – В сельской местности Мексики лучше всего заказывать меню дня.

– А что это может быть? – спросила я, протягивая ему салфетку, которую я взяла в держателе для салфеток из нержавеющей стали.

– Я выясню, – сказал он и жестом пригласил женщину подойти.

Состоялся дружеский обмен мнениями. Карлос попытался вовлечь меня в разговор, но поток слов был слишком быстрым, поэтому я глупо только кивала, когда думала, что это уместно. Затем Карлос повернулся ко мне и сказал по-английски:

– Она говорит, что рагу свежее. Мясо убили сегодня только что.

– О каком мясе идет речь? – поинтересовалась я и попросила его вспомнить дохлую собаку на дороге.

– Трудно сказать, – ответил он, пожав плечами. – Посмотрим, ладно? Я заказываю два фирменных блюда этого дома.

Поскольку я согласилась, что мы находимся в поездке за Силой и что я буду оказывать как можно меньшее сопротивление, я приняла его рекомендацию, кивнув.

– Тушеное мясо подойдет, – сказала я, вытирая ложку салфеткой. Карлос заказал и мне, а женщина в выцветшей синей юбке и белой блузке сердито посмотрела на меня, как будто обиделась на то, что я почистила столовые приборы.

Женщина сразу же вернулась с двумя мисками на подносе, кипой горячих лепешек и миской зеленого перца чили. Она поставила их на стол, и я была так голодна, что еще до того, как она выложила лепешки с подноса, я уже окунула их в рагу. Я чуть не поперхнулась. Это было самое острое рагу, которое я когда-либо пробовала. Мне буквально пришлось потушить огонь во рту минеральной водой.

Официантка усмехнулась и сделала вид, что не замечает моего дискомфорта, но я заподозрила, что она мстила мне за мой намек на её грязную посуду, добавив в рагу дополнительную порцию приправы чили.

– Я не могу сказать, что это за мясо, – сказала я, выпив большое количество воды. – Приправа чили слишком острая.

Тушеное блюдо, включая мясо, было равномерно красновато-коричневым, хотя мне показалось, что я обнаружила немного бобов или, возможно, это были кости; Я не была уверена.

– Ты думаешь, это собачье мясо?» – спросила я, глядя на тушеное мясо.

Карлос попробовал немного.

– Нет, это больше похоже на говядину, – сказал он и уверенно откусил еще один кусок, – Хм. Если подумать, может, это ослиное мясо.

Независимо от того, что это было, он без промедления начал уплетать рагу. По-видимому, он был привычен к острому перцу, потому что съел два зеленых чили прямо из миски. Я же только попробовала своё блюдо и набила себя лепешками.

– Я не уверена, что не ем чье-то домашнее животное, – сказала я в качестве комментария.

– Собаки здесь не домашние животные, – сообщил мне Карлос, – еды не хватает даже для людей, не говоря уж про собак. Собачья жизнь в Соноре ничего не стоит. Им приходится целый день искать еду там, где ее нет.

На лепешки приземлилась муха, и я быстро прогнала ее рукой:

– Почему Мексика такая бедная? – спросила я, отрывая кусок лепешки и оставляя ту часть, на которую села муха, – Мне кажется, что со всей этой помощью от правительства Соединенных Штатов они смогли бы вырастить достаточно еды, чтобы прокормить свой народ.

Карлос покачал головой:

– На высших уровнях слишком много мошенничества и коррупции, – сказал он. – Очень мало денег просачивается туда, где они действительно нужны.

– Мошенничество и коррупция, – повторила я, – Два самых плохих слова в английском языке.

Я посмотрела на Карлоса, его блестящие глаза приобрели мрачный вид, открывая более серьезную сторону его характера.

– Революция не освободила мексиканский народ, – продолжил он, – Она только еще больше поработила его. Теперь все в руках правительства или крупных сельскохозяйственных конгломератов, а люди по-прежнему голодны. Что это за революция, когда девяносто процентов земли все еще находится в руках всего лишь десяти процентов населения?

Маленькая девочка включила музыкальный автомат, и комната наполнилась веселой музыкой. Это была ранчера, типичная музыка Соноры. Среди инструментов был небольшой аккордеон, губная гармошка и какой-то ударный инструмент. Всё это смешалось в задорный ритм, который напомнил мне немецкую польку. Мне было интересно, о чем эта песня, и я попросила Карлоса перевести.

– Я думал, ты сказала, что говоришь по-испански, – прокомментировал Карлос.

– Я говорю, но на самом элементарном уровне.

– Насколько элементарный ты имеешь в виду?

Я поняла, что притвориться уже невозможно. В стране, где говорят только по-испански, несомненно, меня быстро раскусят. Лучше было бы сказать прямо.

– Один год изучения в колледже, – призналась я, – Я не жду, что ты мне всё переведешь к тому же я многое понимаю.

Карлос кивнул. Очевидно, он не поверил моему хвастовству.

Песня закончилась так же внезапно, как и началась. Женщина подошла, встала у стола и кокетливо болтала с Карлосом. Я смотрела, пытаясь уловить суть их разговора. Я могла сказать, что ее определенно привлекал Карлос и что в какой-то момент она говорила ужасные вещи о своем пьяном муже, но когда я не могла следить за их шутками и смехом, я перестала слушать и начала оценивать внешний вид женщины.

Я была удивлена, увидев, что женщина была не такой старой, какой она показалось на первый взгляд. В самом деле, под своим неопрятным видом она была прекрасна; с большими миндалевидными глазами, высокими скулами и идеально безупречной бронзовой кожей. Ее замысловатые серьги-подвески и длинные угольно-черные волосы, были заплетены в одну косу, что придавало ей экзотический вид. Как ни странно, она носила большое кольцо с аметистом на указательном пальце правой руки. Было в ней что-то знакомое, но я не могла определить, что именно. Мне было интересно, кто она такая и что заставило ее провести всю жизнь, работая в пустынном городке в Соноре.

Я поняла, что снова начинаю чувствовать свое превосходство. Вся жизнь женщины была решена за нее. У нее не было другого выбора, кроме как следовать замыслам своей судьбы. Потом мне стало ее жаль за то, что она застряла в маленьком городке, вынуждена круглосуточно обслуживать клиентов, заботиться о чрезмерно пьющем муже и явно истощенной и болезненной дочери. Единственным развлечением в ее тоскливой жизни было бы посещение воскресной мессы и сплетни с соседями о последних родах или свадьбе. Я поблагодарила свои звезды, что не оказался на ее месте.

Мои мысли были прерваны, когда женщина внезапно повернулась ко мне и пристально посмотрела на меня, как будто уловив ход моих чувств. Странное беспокойство охватило меня, когда я вспомнила свой предыдущий визит в Мексику. Я была с Кларой, тоже сидела в ресторане, только там было полно посетителей. Я вспомнила, как назойливый незнакомец сел за наш столик без приглашения и как Клара отправила его с такой же настойчивостью, что у него не было другого выбора, кроме как покинуть не только наш столик, но и сам ресторан. Теперь мне хотелось сделать то же самое, потому что взгляд этой женщины пронзил меня насквозь. Вдобавок ко всему, она указала на меня своим покрытым аметистом пальцем, и у меня мгновенно заболела голова.

Женщина одарила Карлоса улыбкой, а меня еще одним презрительным взглядом, и вышла из-за стола, не оставив во мне никаких сомнений в том, что я совершенно неправильно оценила ее силу.

— Эта женщина — известная целительница, — сказал Карлос шепотом. «У нее есть пациенты, которые приходят к ней со всей Соноры.

— Что? Ты имеешь в виду, что она не живет здесь, в задней комнате? - сказала я ошеломленно. — Что она делает, обслуживая столы? Я думала, это ее место.

Эрмилина заменяет свою сестру, которая навещает родственников в Эрмосильо, — объяснил Карлос.

Я чувствовала себя хуже песчаной змеи из-за того, что меня подловили на моих мелочных суждениях.

– А эта девочка? Думаю, она не её дочь.

– Нет. Это дочь её сестры Кармелиты. Она очень похожа на нее, правда?

Я кивнула. Можно было поклясться, что это её дочь.

– Я думаю, у нее нет и пьяного мужа, а?

– Нет. Что заставляет тебя говорить так? Она не замужем.

Я пожала плечами: «Ну, любой может ошибиться», – сказала я себе. Я хотела уйти до возвращения женщины, потому что не хотела снова оказаться с ней лицом к лицу. Мне было неприятно быть её врагом, я уже поняла достаточно и знала, что у этой женщины есть Сила. Если она была целительницей, она также могла читать заклинания. И я знала о страхе людей перед сглазом ведьм. Я взглянула на дверь.

– Ты кого-то ждешь?, – спросил Карлос.

– Кого я должна ждать?

В то же время я осознала, что возвращение туда, что я всегда считала страной магии, вызвало у меня странные эмоции, как будто я ждала, как Клара войдет, сядет за наш стол и начнет говорить в своей непринужденной манере, как словно ничего не произошло за многие прошедшие месяцы.

С того момента, как я встретила Карлоса в университете, я хотела рассказать ему о Кларе, Эмилито и доме магов недалеко от Навохоа, но глубокая преграда всегда удерживал меня от разговора о них. Ранее, во время нашей поездки, я хотела рассказать ему о сне с Эмилито, который мне приснился, но я всегда думала, что рассказывая кому-то о своих снах, я предлагаю ему проанализировать или прокомментировать самую сокровенную часть своего существа, поэтому я промолчала.

– Как ты думаешь, дон Хуан будет в своем доме, когда мы туда доберемся? – поинтересовалась я.

Я начала энергично мотать головой из стороны в сторону, чтобы очиститься. Это была привычка, которую я приобрела с того момента, как осталась с Кларой. Каждый раз, когда я зацикливаюсь на чем-либо или была эмоционально расстроена, я позволяю себе расслабиться, качая головой. Это движение заставляет электрический ток или толчок энергии проходить по моему позвоночнику в затылок, вызывая непроизвольную дрожь, которая помогает мне избавиться от любого напряжения.

– Может быть, – сказал Карлос, с любопытством глядя на меня, – Но, как я уже сказал, его иногда трудно выследить.

– Он прячется от тебя?

– Не совсем, его просто нет дома, и никто не знает, куда он ушел и когда вернется.

– Это может затруднить полевые исследования, – сказала я, откусывая один из острых перцев. – Что, если его сейчас нет? Мы проделаем весь это путь напрасно.

Перец был очень острым, но я сделала вид, что это меня совсем не беспокоит. Я подумала, что есть что-то очень впечатляющее в том, чтобы есть перец чили прямо из миски. Я помню, как мои братья ели перец чили из банки, не моргнув глазом, в своего рода испытании на детскую храбрость. Поскольку я копировала все их действия, я также имитировала и эту их затею. Пусть у меня во рту появились бы пузыри от ожогов, но я хотела показать, что я такой же мачо, как и они. Я поняла: перепросмотр не излечил меня от моей глубокой склонности к соперничеству – я делала то же самое сейчас, хотя больше уже не ребенок.

– Что значит напрасно? – сказал Карлос, приподняв бровь в улыбке, – А как насчет того, чтобы наслаждаться обществом друг друга?

Это было так похоже на стиль Клары, что мне пришлось рассмеяться.

– Поездка не будет напрасной, – заверил меня Карлос, – ты помнишь, мы собирались найти маски для Этнологического музея?

– Какие маски ты ищешь? – спросила я.

– Маски Пасколы. Маски, вырезанные для танцев, которые индейцы яки исполняют во время своих праздников. Они изображают животных или духов. Индейцы яки верят, что, надев маски во время танцев, они могут войти в мир духа.

– Как ты думаешь, это возможно?

Карлос сделал глоток минеральной воды

– Конечно. Или же нет? – ответил он вопросом на вопрос.

Я хотела ответить: «Конечно, думаю это возможно», но прозвенел знакомый внутренний предупреждающий звонок. Сейчас не время и не место говорить о моем собственном опыте.

– В каком-то смысле, – ответила я небрежно. – Говорят, маги делают это все время, хотя я не знаю, что такое магия. Может ты мне расскажешь?

– Магия – это способ воспринимать больше, чем наше общество и наше личное окружение позволяет нам воспринимать, – сказал он. – Маги говорят, что существует гораздо больше, чем кажется на первый взгляд, но чтобы действительно воспринимать другие уровни реальности, такие как мир духов, нужно накопить личную Силу.

Он стал серьезным и сказал, что исследование практик магии и их разновидностей было причиной, по которой он регулярно приезжал в Мексику.

– Если попадется нечто, связанное с магией, я это узнаю, – сказал он с улыбкой.

Муха снова кружила над столом. Я прогнала ее:

– Как насчет дзен-буддизма? – спросила я, и он удивленно посмотрел на меня, – Как насчет этого? Знаешь ли ты, что если в старые времена в Китае буддийские монахи хотели построить дорогу, им приходилось поднимать червей с земли и перемещать их в безопасное место и только после этого они могли продолжить строительные работы?

– А я думал, дорожные работы здесь, в Мексике, идут медленно, – смеясь, сказал Карлос. – Звучит совершенно утомительно. Зачем им это делать?

– Буддисты считают неправильным убивать даже мельчайшие формы жизни. Возьмем для примера эту муху. Сидящий здесь дзен-буддист не ударил бы ее.

Карлос посмотрел на меня с любопытством, как будто жар перца чили раскрыл во мне все самое лучшее. Я рассказала ему, как однажды мой учитель карате, читая лекцию своим ученикам о важности дзен в боевых искусствах, начал бить всех мух, которые садились на его стол.

– С помощью свернутого журнала о боевых искусствах он прикончил их, – сказала я, – Мой учитель не видел иронии во всем этом. Но для меня это было большим открытием. После этого я больше не могла его уважать.

– Ты потеряла уважение к своему учителю из-за того, что он убил муху? – спросил Карлос, – Какое отношение к уважению имеет убийство мух?

– Ты не понимаешь? Не потому, что он убил муху, а из-за того, что она представляла. Было очевидно: мой учитель пытался убедить своих учеников в том, что он учитель Дзэн. Но мухи стали безошибочным примером

Карлос посмотрел на меня, как на муху, которую хотел раздавить.

– Разве ты этого не видишь? – сетовала я. – Неужели не понимаешь?

– Я сочувствую тебе. – сказал он наконец. – Я тоже потерял уважение к своему учителю Дону Хуану. Он продолжал называть меня тупым придурком, и, поскольку он знал, что я им не являюсь, я больше не мог его уважать. Я думал, что он намеренно оскорблял меня и что это он был глуп, не оценив мою значимость. «Я мудак и ты тоже», – сказал он и мне совсем не понравилось, что он включил меня в свое описание. Мы еще не были в столь близких отношениях, чтобы он мог безнаказанно оскорблять меня. К счастью, я не переставал наблюдать за ним, и теперь я уважаю его еще больше, так как знаю, что он был прав.

Фактически, когда я подумала об этом, я поняла: для я меня было важно, чтобы Карлос уважал меня. Я сознательно пыталась произвести на него хорошее впечатление, вплоть до поедания перца чили. К моему разочарованию, основные предпосылки, которые управляли моим поведением, не изменились, несмотря на перепросмотр.

Клара предупредила меня, что недостаточно просто перепросматривать свою жизнь; нужно также действовать на основе понимания, которое приносит внимательное изучение нашей жизни. Дело не в том, чтобы внезапно стать другим. Но, осознавая свои привычки, человек на мгновение останавливается, и начинает действовать иначе, если он того пожелает.

Перепросмотр, выдвигая на первый план осознанность, дает человеку шанс стать не таким как все. Сделает ли человек этот выбор или нет, зависит от его энергии в данный конкретный момент. Большую часть времени я видела, как несмотря на мое понимание собственной поведенческой динамики, моя первоначальная реакция оставалась такой же, как и всегда. Чтобы произвести впечатление на своего партнера, я сказала: «Ты знаешь песню под названием « Ich Liebe Caborca?» Не дожидаясь его ответа, я начала петь несколько строк из песни, которой меня научила Клара, о городе в Великой пустыне, населенном немцами.

Карлос не был впечатлен. На самом деле, мое пение, казалось, смущало его больше, нежели моя попытка говорить по-испански. Он сказал мне заткнуться. Но вместо обиды, я упорно начала петь громче. Я не знала причины случившегося, так как никогда ни перед кем не пела.

Присутствие Карлоса, казалось, делало со мной странные вещи. Когда я закончила всю песню, я начала нервно смеяться. Видимо перец чили сжег мне мозги, потому что, когда я повернула голову, мне показалось, как я увидела птичье лицо Эмилито, выглядывающее из-за синей занавески, ведущей в другую комнату. На мгновение он погрозил пальцем, предупреждая меня не баловаться. Это произошло так быстро, что я поняла: это лишь иллюзия, продукт моей помраченной мысли, как мираж воды на пустынной дороге.

Мой разум объяснил это тем, что это, возможно, целительница или маленькая девочка высунулись из-за занавески, однако я серьезно отнеслась к призрачному предупреждению Эмилито. Я приложила все свои усилия, к обретению контроля над собой.

– На что ты смотришь? – спросил Карлос.

– Мне показалось, я кое-кого видела.

– Но в комнате никого нет, – сказал он с беспокойством.

– Я имею в виду кого-то, кого я знала в прошлом,

Я смотрела прямо на него. Мыльный пузырь лопнул, и я без сомнения знала – Карлос и был тем человеком, которого, по словам Эмилито, дух свяжет со мной. У меня просто не было возможности сказать ему это, иначе он посчитал бы меня сумасшедшей, а это последнее, что я хотела, чтобы обо мне кто-нибудь думал, особенно Карлос. Он казался слишком серьезным, и, по моему ощущению, только разумный и рассудительный человек выдержит его проверку.

– Ты знаешь много людей в Мексике? – нарочито небрежно спросила я.

Он назвал имена нескольких человек, но Клары и Эмилито среди них не было. Женщина вернулась, и Карлос заплатил за еду, дав ей несколько банкнот. Они болтали, а я смотрела, как мухи дерутся за крошки на столе. Затем глаза женщины на мгновение встретились с моими, и в этот момент я поняла, что мы встречались раньше. Она была одной из женщин в видении, которое происходило в доме Эмилито. Я с ужасом посмотрела на нее. Но она не улыбнулась, чтобы меня успокоить, как мне бы хотелось. Вместо этого, к моему ужасу, она взглянула на меня с крайним презрением.

Когда мы собрались уходить, она последовала за нами и резко приблизившись, прошептала мне на ухо: «Прекратите индульгировать, юная леди, – сказала она по-английски, – или у вас будут серьезные проблемы». Моей ответной реакцией была ярость, я не хотела ей верить, но я знала, что отчасти она права.

Глава 4: Эрмосильо

Ближе к вечеру мы прибыли в Эрмосильо. Мы остановились на центральном перекрестке, чтобы позволить группе детей школьного возраста в синих блейзерах и брюках до колен, перейти улицу. Их сопровождали патрульные, несущие поднятый желто-белый стоп-знак. Когда старик опустил знак, машины возобновили беспорядочное движение, подавая гудки и пересекая перекресток. За закрытыми окнами авто я могла слышать велосипедные звонки, рычание автомобилей и лай собак. Мы проезжали дома с горшечными растениями герани, украшающими ступеньки, и богато декорированные железные заборы с коваными воротами, защищающими вход. Ковер из бугенвиллеи бордового цвета покрывал корни, обвивался вокруг дымовых труб и свешивался густыми гроздьями с балконных решеток и перил.

Карлос припарковал машину в центре, возле площади, расположенной в круглом парке со скамейками и беседкой.

– Давай немного разомнем ноги. – предложил он. – Я хочу зайти в знакомую пекарню и купить хлеба, а также фруктов перед поездкой в Гуаймас.

Я была рада, когда смогла выйти из машины и прогуляться, прежде чем продолжить нашу поездку. Чили, который я ела в Санта-Анне, расстроил мой желудок, и мне нужно было сходить в туалет.

– Не ходи за мной со своим блокнотом, – серьезно сказала я.

Карлос засмеялся:

– Так поступал мой друг Ларри, который проводил исследование. Я помогал ему лишь несколько раз.

В течение нашей поездки Карлос развлекал меня историей о том, как его друг из университета интересовался межкультурным изучением поведения в туалете. Для этого Ларри вел записную книжку о том, чем занимаются люди в туалете. У него были точные записи, кто входил в общественные туалеты; сколько времени они провели возле писсуаров или кабинках; какие граффити рисовали на стенах; сколько бумаги было израсходовано в каждом случае; пердели ли они, и если да, то сколько раз; чем и сколько раз они подтирали зад и так далее. Он собрал довольно много полных данных с рисунками на тему активности в туалете и подал свое предложение в Национальный институт психического здоровья на исследовательский грант.

К сожалению, кросс-культурное исследование поведения в туалете не было одобрено из-за сокращения государственного финансирования.

– Я была бы не против жить в этом городе, – выйдя из туалета, сказала я Карлосу, когда мы направились в небольшой парк, – Все так пышно и чисто.

– Вспоминая Санта-Анну, у меня сложилось впечатление, будто тебе не нравится Мексика, – ответил Карлос, останавливаясь, чтобы завязать шнурок.

– Это из-за мыслей о собачьем мясе. Но здесь красивое место. Где здешние люди работают?

– В полях, или в шахтах, на холмах, или на строительстве, – сказал Карлос.

Когда мы въезжали в город, я видела много свидетельств строительных работ. Везде люди строили или восстанавливали здания. Было очевидно, что недостатка в каменщиках, плотниках и штукатурах здесь не было. Рядом с парком рабочие копали большой колодец, возможно, для прокладки новых труб или ремонта старой канализационной системы.

– Раньше я работала на стройке, – сказал я ему с ноткой гордости. Карлос удивленно посмотрел на меня:

– Ты не похожа на провинциалку, – сказал он, смеясь.

– Я работала на одного типа, как я думала, в качестве подмастерья, хотя очевидно, что я знала о плотницких работах гораздо больше, чем он. Лемонт работал над проектом модернизации, и он нанял меня в качестве своего помощника, при условии, что я не буду жаловаться на его радио-кантри, которое он крутил день и ночь и на его привычку сквернословить, приобретенную им во Вьетнаме.

– Что вы строили?

– Нашим первым проектом была крыша из красного дерева, без гвоздей, только на гайках и болтах. Это был вызов. Он, видите ли был буддистом из коммуны в Орегоне и был убежден, что использование гвоздей оскверняет дерево.

Мне действительно были нужны деньги, поэтому я терпела его эксцентричность, громкое радио, пиво, которое он пил, его ненормативную лексику и вонь от его тела. Каждый раз он говорил мне, что я работаю с мастером – плотником, у которого нет равных в строительном мире. И поэтому я должна платить ему за руководство.

– Он считал себя важной персоной, – допустил Карлос.

– Так и было. Спустя несколько недель он все еще не доверял мне пользоваться его электроинструментами, которые он постоянно чистил маслом каждую ночь. Я так поняла, что меня держали под наблюдением и доверяли только переноску древесины и подметание опилок..

– Звучит не слишком захватывающе, – сказал Карлос.

– Лемонт обещал мне практический опыт, но единственный практический опыт, который я получила на протяжении всего проекта, – это его толчки локтями и щипки по различным частям моей анатомии. Я была настолько раздражена, что у меня появилась сильная аллергия на опилки и начались приступы чихания. Я собиралась провести у него остаток лета, но ситуация стала еще хуже.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил Карлос.

– Он продолжал настаивать на том, чтобы я зашла к нему домой, посмотреть на новые кухонные шкафы, которые он установил, и вместе раскурить косячок, слушая записи Уилли Нельсона.

Что ж, я знала, что это значит, и поняла, что ситуация стала безвыходной. Я ушла и на накопленные деньги поступила в университет, где дела обстояли не намного лучше, чем у того мужчины. ты понимаешь, о чем я?

Карлос никак не ответил.

– Давай заглянем в некоторые магазины, – предложил Карлос, посторонившись, чтобы обойти яму, – Тебе нужно купить подарки друзьям или семье?

– У меня их нет.

– Нет друзей или родственников? – спросил Карлос. Он посмотрел на меня и покачал головой. Затем он исполнил строчку из мексиканской песни:

«У меня нет ни матери, ни отца, ни лающей собаки. У меня нет ни матери, ни даже собаки».

– Это подводит итог моей ситуации, – сказала я.

– У меня тоже нет родителей, – сказал Карлос. – И я узнал, что наличие друзей очень ограничивает. В конечном итоге ты всегда пытаешься угодить им или оправдать их ожидания. Они сковывают тебя. Тебе повезло быть сиротой.

Я не была сиротой, но я не стала перечить Карлосу. Я хотела, чтобы он думал, что у меня нет никого в целом мире. Это заставило бы меня казаться независимой и загадочной. Кроме того, я никогда не чувствовала себя частью своей семьи. В детстве мне всегда казалось, что я чужая. Медсестра, должно быть, перепутала меня в больнице с одним из сотни других послевоенных бэби-бумеров. По крайней мере, так я себе говорила.

Мы зашли в один из магазинов, окружавших площадь галереей. В нем были типичные изделия из керамики и кожи, которые можно найти в любом магазине в Мексике, но в одном углу, наполовину скрытом стойкой для открыток, я нашла толстое шерстяное пончо с плетеной бахромой.

Я хотела купить его, но Карлос настоял на том, что сам заплатит за него. Он сказал, что это хорошая идея: хотя дни были жаркими, ночи в Соноре прохладные. После небольшого поверхностного осмотра мы направились в пекарню, которую Карлос считал лучшей в Соноре.

– Ты хочешь сказать, что перепробовал весь хлеб в Соноре? – пошутила я.

– Практически, – ответил он.

Из-за его худощавого и мускулистого телосложения было трудно поверить, что он неравнодушен к выпечке. По пути к пекарне нам пришлось обойти еще одну глубокую яму на дороге, которая так внезапно возникла перед нами, что я упала бы в неё, если бы Карлос не схватил меня за руку и не оттолкнул:

– Мы почти потеряли тебя здесь, – засмеялся он, – Это не Лос-Анджелес, где есть тротуары и где машины будут останавливаться перед зазевавшимися пешеходами. Здесь ты должна смотреть, куда идешь.

Я замерла от стыда, когда поняла, что говорила о своих тренировках в боевых искусствах и магии, но сама все еще ходячий зомби. Я казалось, думала, что все вокруг должны знать, куда я иду и действовать соответственно. Это же относилось и к вождению.

Я безоговорочно доверяла своим сверстникам и никогда не знала, как я попала туда, где я оказалась. Особенно это было верным, если моим партнером был мужчина. Бессознательно это был тонкий способ передать контроль противоположному полу. Я знала, что это опасный путь. Я вспомнила предупреждение Клары о том, что в мире магов важно все и что я всегда должна быть внимательной к деталям и брать на себя ответственность за свои действия. Теперь я не спускала глаз с дороги и избегала ям и канав.

Карлос, как я заметила, необычайно быстро двигался. Он обладал утонченным естественным балансом и ловкостью, которые делали его шаг легким. Какое-то время я пыталась подражать его стилю ходьбы. Двигаясь от бедер, чуть наклонившись вперед, амортизируя коленями и лодыжками, Карлос сгибал колени и лодыжки и скользил ступнями, достигая плавности походки. Копируя его, я намеренно согнула колени и перенесла свой вес больше на переднюю часть ног, вместо того, чтобы тяжело приземлиться на пятки, как я обычно ходила. Через некоторое время у меня заболели икры.

Мне казалось, словно я использую их впервые за несколько месяцев. В последний раз я нагружала икры до предела, когда гуляла с Кларой по холмам возле ее дома. Я никогда не могла поспевать за ней, но прогулка вдвоем отвлекла меня, по крайней мере на время, от врачебной походки, как Клара называла мою ходьбу. Врачи, как она настаивала, имели характерную походку, двигаясь от бедра, когда они шли из своих кабинетов в смотровую или по коридорам больниц, по крайней мере, по словам Клары, большинство из них. «У них плохие колени», – обобщила она.

Я не хотел обсуждать этот вопрос, поскольку должна была признать, что несколько врачей, с которыми я общалась, в том числе мой собственный семейный врач, подпадали со своей походкой под данную ей характеристику. Я поняла, что, выйдя из под влияния Клары, я вернулась к своим старым привычкам, в том числе к ленивой походке бедрами, к размашистой ходьбе, поскольку мои ленивые ноги возмущались бременем необходимости доставлять мое тело туда, куда они не хотели идти.

– У тебя проблемы с походкой? – обеспокоенно спросил Карлос, – Ты повредила лодыжку там, на дороге?

Я поняла, что попытка не отстать от него сделала мой шаг неловким и неровным. Одна моя нога на самом деле тянулась за другой, пытаясь следовать за моей головой и плечами.

– Посиди здесь, пока я схожу за хлебом, – сказал он, указывая на железную скамью по другую сторону беседки.

– Я с тобой, – сказала я.

– Нет, – отрезал он.

У меня было отчетливое ощущение, будто он не хочет, чтобы его видели в моей компании. Я послушно села на скамейку и смотрела, как он входит в магазин с вывеской «Пекарня» через дорогу. Сквозь стеклянное окно я могла видеть, как он разговаривает с красивой женщиной лет двадцати, которая, как я предполагала, была покупательницей. Она была элегантно одета, в модную салатовую блузку и бежевое платье; но не белую униформу, которую могли бы носить работники пекарни. Я увидела ее наряд, потому так как подошла к двери и заглянула в окно. Я увидела, как Карлос нежно обнимает ее, когда она передавала ему мешок с хлебом, за которым пришла. Затем он повернулся, чтобы посмотреть на меня, и, прежде чем я спряталась, подмигнул мне, как будто знал, что я стою рядом.

Я вовремя поспешила обратно к скамейке и сделала вид, что завязываю шнурки. Но бросив взгляд, я увидела, как эта женщина провела Карлоса до двери и попрощалась с ним, а затем и со мной, находящейся на другой стороне дороги. Меня охватил странный гнев. Я была в ярости. Что происходит? Почему мне кажется, что люди меня знают, а я их не помню? Это не могло быть просто совпадением, та ведьма в ресторане, а теперь эта красавица в пекарне.

Я чувствовала, что здесь осуществляется заговор и я каким-то образом оказалась в его центре.

Я вспомнила, как Клара и мистер Абеляр обманывали меня в прошлом. Они долгое время следили за моими передвижениями, и когда я подумала, что вижу их впервые, они уже были знакомы со мной очень близко. То же самое происходило и сейчас. А все началось в отделении антропологии, когда я заподозрила, что встречала Карлоса раньше. Я, определенно, встречала его раньше, иначе зачем бы мне понадобилось ревновать Карлоса, словно я знаю его давным-давно. Я пыталась убедить себя, что эта женщина, конечно же, была просто случайной знакомой и обняла его только потому, что люди к югу от границы более эмоциональны, чем в США.

Однако я не могла не заметить, что женщина вовсе не мексиканка, хотя она и была очень загорелая. Я задавалась вопросом, кто была эта красавица и почему Карлос не хотел, чтобы я пошла с ним в пекарню, и почему он мне предложил перейти на другую скамейку, где якобы больше тени. Однако, за всеми этими маневрами явно нечто скрывалось. Меня огорчило осознание того, что Карлос был человеком со множеством секретов. У меня самой были секреты, которые я хотела бы скрыть, дело не в этом. Однако у меня было иррациональное ожидание, что другие будут полностью честны со мной.

Мы гуляли, полностью скрытые листвой деревьев.

– Почему это твоя любимая пекарня? – спросила я, пытаясь казаться равнодушной.

Карлос ухмыльнулся:

– Потому что они пекут здесь восхитительный хлеб, – сказал он, протягивая мне плоскую круглую булочку, посыпанный розовым сахаром. – Дело должно быть в воде и муке, которые они используют. Попробуй и скажи, что он не восхитителен.

Я набросилась на хлеб с такой свирепостью, которая меня удивила. Но пришлось признать – это было очень вкусно. Здешние булочки были словно из другого мира, по сравнению с американскими. Сахарная глазурь смягчила мое настроение, и я решила не спрашивать о пекарне или милой женщине, которую я не должна была увидеть. Она была одним из секретов. Я надеялась, что он будет открыт мне в соответствующее время.

Карлос достал из сумки бутылку минеральной воды, из кармана швейцарский армейский нож с открывашкой для бутылок и шестью или семью другими острыми инструментами. Он снял колпачок и протянул мне. Я прикончила булочку, затем заглянула внутрь мешка и обнаружила четыре круглых булочки поменьше, каждая с сахарной присыпкой разного цвета. Я выбрала с зеленой. На вкус она была как розовая; булочки отличались не вкусом, а просто цветом присыпки.

– Почему ты решил стать антропологом? – спросила я, делая глоток минеральной воды.

– Изучение человека – одно из самых важных дел, в которых можно участвовать. Особенно изучение систем убеждений человека, его когнитивных структур, его культуры, к которой он принадлежит. Меня особенно интересует феноменологический подход к изучению человека.

– Что ты подразумеваешь под феноменологическим подходом?

– Феноменологический подход к антропологии или социологии заключался бы в том, чтобы взять человека и оставить его здесь, в Эрмосильо, и посмотреть, как иностранец будет интерпретировать чужую культуру.

– Ты собираешься оставить меня здесь? – спросила я в панике, – Чтобы посмотреть, что я буду делать?

Карлос засмеялся:

– Нет. Я имел в виду эксперимент, который я подготовил с профессором кафедры социологии. Не зная языка и обычаев, он собирался некоторое время жить здесь, в Эрмосильо. И я был бы его наблюдателем и сторожевым псом, гарантируя его безопасность. Предпосылка заключалась в том, что, когда он приступит к выполнению своих повседневных задач, пытаясь организовать мир в узнаваемых терминах, аспекты мира, которые ранее принимались как должное, в результате возникшего диссонанса проявят себя. Они станут доступны для исследования.

– Я не понимаю, – сказала я, откусывая еще кусок булки.

– Каждое простое действие он должен был бы разложить на составляющие его явления, которые его затрагивают, потому что без этого членства оно будет хаотичным. Другими словами, тебе придется навести порядок в своей повседневной жизни. Этот процесс создания порядка и будет предметом нашего исследования. Учитывая, что преподавателя интересовало изучение правил и того, как они устроены в нашей повседневной жизни, я подумал, что это был бы фантастический план, как раз то, что его интересовало.

– Вы это сделали?

– Нет. Мы уже были готовы к отъезду в Мексику, но в последнюю минуту он отказался.

– Почему?

– Он продолжал думать обо всех непредвиденных обстоятельствах. Он боялся заразиться какой-нибудь ужасной болезнью, быть застреленным или ограбленным. На него навалились всевозможные предрассудки и личные опасения. Поэтому он никогда не покидал Лос-Анджелес, где, по его словам, он был в известном, и, следовательно, на безопасной почве.

– Это было бы отличное исследование, – сказала я.

Затем у меня возникла ужасающая мысль:

– Ты уверен, что на этот раз я не подопытный кролик?

Карлос наклонился:

– Мы все подопытные кролики в руках Силы, – прошептал он. В этот момент ворона, сидящая наверху беседки, закричала. Карлос кивнул:

– Согласие, – сказал он.

– Я до сих пор не понимаю, как это связано с феноменологией? – спросила я, возвращаясь к обсуждаемому предмету.

– Феноменология берет уверенность по умолчанию, которая свойственна нам в реальности нашего повседневного мира, и делает её основной темой исследования, – пояснил Карлос.

– Какую уверенность по умолчанию ты имеешь в виду?

Карлос на мгновение задумался, подыскивая правильные слова:

– Например, наше предположение о том, что мир является общим, – что это один и тот же мир для всех нормальных людей. Кроме того, что существует временная и пространственная непрерывность вещей.

– А разве это не так?

– Не обязательно. Маги вроде дона Хуана не видят мир так же, как ты или я. Их обучение и принадлежность к традициям магов позволяет им смотреть на мир совершенно по-другому. Феноменология ставит под сомнение предположение, что мир интерсубъективно разделяется всеми его членами. Вернее, делает это темой своего исследования. Она также ставит под сомнение априорность того, что мы называем реальностью, которая имеет естественную историю, причинную основу, которая позволяет нам разумно ожидать, что мир будет существовать в будущем во многом так же, как и в прошлом.

– Ты хочешь сказать, что мир не будет продолжаться в будущем, как в прошлом?

– Мы не знаем, но сам факт предположения этого является основным вопросом для феноменологических исследований. Такие предположения нельзя принять напрямую, но они должны стать предметом исследования.

Карлос рассказал о своем интересе к Гуссерлю, Хайдеггеру и французскому феноменологу Морису Мерло-Понти.

Я рассказала ему об уроках социологии, которые я посетила. Их вел профессор, преподаватель кафедры социологии, который разработал метод изучения социального взаимодействия с использованием феноменологического подхода. Он назвал свой девиантный подход к изучению социального взаимодействия этнометодологией.

– Это был тот самый профессор, которого я собирался везти в Мексику, – сказал Карлос. – Он вел курс под названием «Изучение девиантного поведения».

– Да уж, – согласилась я, – насколько тесен мир. Я должна была быть его ученицей. У него была стая учеников, ловящих каждое его слово, как у мастера дзен есть ученики, умоляющие его просветлить их.

– Ты просветлилась по его методу? – насмешливо спросил Карлос.

Я покачала головой и достала из пакета еще одну булочку:

– Какое-то время я действительно была под впечатлением от того, что он рассказывал, – призналась я. – Я даже стала его неоплачиваемым научным сотрудником, чтобы изучать его методы. Я ходила к нему в офис по субботам, и помогала ему в его проекте. Он изучал естественный ход разговора и имел теорию, согласно которой визг морских свинок не был случайным, а был частью сложной системы кодированного общения. У него были катушки с записями криков морских свинок, и он хотел, чтобы я их расшифровала и проанализировала в соответствии с его теорией.

– И что же случилось? – спросил Карлос, – ты обнаружила закономерность?

– Я никогда не задерживалась там достаточно долго, чтобы выяснить это, – ответила я, - Однажды в субботу профессор вошел в кабинет, где я переписывала запись этих воплей, и некоторое время стоял позади меня, делая вид, будто читает через мое плечо и пытается выявить закономерность. Потом я почувствовала, его совсем близко и он начал дышать мне в волосы. Когда я отодвинулась, он сел рядом со мной, обнял меня за плечо, притянул к себе и попытался поцеловать. У старика хватило наглости сказать, что он уверен, будто я заинтересована в романе с ним, так как я пришла работать в субботу, хотя по субботам никто в здравом уме не работает. И окончательно убедил его мой отказ от оплаты за свою работу. Ну уж нет, я пришла только потому, что, как я думала, мне действительно нужна была помощь и я хотела научиться его методу. Видите ли, у меня был роман со знанием, но он был совершенно напуган.

– Что случилось? – выжидательно спросил Карлос.

– Я столкнула тяжелый магнитофон со стола прямо ему на колени. Я была уверена, что раздавила его морскую свинку. Ты бы слышал этот визг!

Карлос с любопытством посмотрел на меня, как будто не знал, что и думать,

– Я выбежала из офиса, и это была моя последняя встреча с девиантным поведением профессора и его девиантными методами социологии.

– Что ж, можно много чего рассказать о феноменологическом методе, – продолжил Карлос, – не говоря уже обо всех девиантных учителях, – Говоря это, он нервно грыз булочку, стараясь не уронить слишком много крошек на землю. Потому что каждый раз, когда крошки падали, множество жадных маленьких черных птичек с желтыми глазами и длинными оперенными хвостами бросались их склевывать.

Благодаря объяснениям Карлоса правда начала проясняться. Становилось очевидным, что энергетическое Тело или Двойник, как его называли Клара и мистер Абеляр, может переживать реальность напрямую, без вмешательства убеждений, чего наш обычный разум никогда бы не смог понять.

– Рассмотрим, например, непрерывность восприятия, – продолжил Карлос. По мнению феноменологов, непрерывность в восприятии есть, но это не факт. Само восприятие связано только с настоящим. Но это настоящее всегда рассматривается с точки зрения наличия прошлого позади и открытого будущего перед ним.

– Я думаю, мне нужен конкретный пример этого, – сказала я, пытаясь понять его объяснение.

Карлос указал на цветущее дерево жакаранда на другой стороне прохода возле беседки.

– Посмотри на вон то дерево, – сказал он, – Ты видишь его только здесь и сейчас, но, глядя на него, ты уже предполагаешь, что оно было здесь вчера и, более того, что оно будет тут и завтра, даже если мы больше не сидим на этой скамейке и не наблюдаем за ним, согласна? Это дерево выглядит так, словно оно было здесь уже довольно давно. Фактически, цветы на земле показывают, что оно было до того, как мы сели на скамейку. Присядем сюда на скамейку, раз уж мы не видели, как они опадали. Наш разум говорит нам, что у этого дерева есть прошлое, хотя мы с тобой не были здесь достаточно долго, чтобы осознать это напрямую.

– Я знаю, что у этого дерева есть прошлое, – согласилась я, – Не материализовалось же оно, на самом деле, перед нашими глазами прямо сейчас.

– В яблочко. Но как это узнать? Как ты можешь быть так в этом уверена? Вот основной материал для феноменологического исследования. Более того, я знаю, что ты знаешь, что я воспринимаю то же дерево, которое воспринимаешь и ты, и у нас есть интерсубъективное согласие относительно составляющих реальности. Но можем ли мы действительно быть уверены, что видим одно и тоже? Феноменологический подход также поставил бы под сомнение это интерсубъективное согласие или, по крайней мере, принял бы такое априорное допущение во внимание при любой дискуссии.

Мой разум зашатался, пытаясь представить работу феноменологов. Для меня они были своего рода городскими колдунами, белыми магами, игравшими разумом и восприятием, как Клара и ее группа магов в Мексике, когда я жила среди них. Только феноменологам это казалось скорее интеллектуальной игрой. Им не хватало реальной энергетической силы, чтобы заставить дерево Жакаранда исчезнуть на глазах, осознав, что его присутствие – всего лишь интерпретация.

Нелида, Эмилито и мистер Абеляр, с другой стороны, имели энергию и могли при помощи манипулирования восприятием заставить происходить странные и необъяснимые явления. Пока я жила в доме Клары, вещи постоянно исчезали, и через несколько недель я находила их в тех же местах, где видела сотни раз. Кроме того, характеристики их дома менялись в зависимости от моей точки зрения. Я никогда не могла объяснить эти факты, и Клара посоветовала мне даже не пытаться сделать это.

Было очень экзистенциально сидеть на скамейке в парке в мексиканском городке, обсуждать философию Гуссерля и есть вкусный хлеб. Но почему-то мой разум возвращался к разным вопросам. Это не философский вопрос: существует ли дерево в парке само по себе или потому, что мы воспринимаем его посредством Силы, называемой Намерением. Такой разговор поразил меня своей наполненностью подтекстами Фомы Аквинского, пытающегося выяснить, сколько ангелов может танцевать на булавочной головке.

Мне надоели такие разговоры со священниками-иезуитами ещё в школах, которую я посещала, и я хотела узнать больше о Доне Хуане, информаторе Карлоса.

Поскольку он также был магом, возможно, он знал и Хуана Мигеля Абеляра. Тогда мне пришло в голову, что, возможно, Дон Хуан и мистер Абеляр были одним и тем же лицом. Было ли всё, что тогда со мной случилось только результатом действия магов? Я знала, что они существуют на другом уровне восприятия, от которого я была заблокирована из-за недостатка энергии и понимания. Может быть, они были тут в парке, с нами, и я не могла их видеть, потому что у меня не было средств интерпретировать их перцептивную реальность. Возможно, маги, в отличие от дерева в парке, не считали прошлое или будущее определенным. Возможно, им не хватало временности и пространственности вещей, поэтому они не существовали для нас так, как вещи существовали в нашем мире.

– Просто преднамеренный анализ настоящего, самого восприятия, создающего что-то настоящее, – продолжил Карлос, – даст нам представление о том, как мы строим мир вокруг нас. Гуссерль назвал это жизненное пространство «миром жизни», что означает жизнь в настоящем.

– Думаю, я следую за твоей мыслью, – нерешительно сказала я, стряхивая крошки с пальцев, – Но мне нужен другой пример.

– Взгляни теперь на другое дерево, – сказал Карлос, на этот раз указывая на красивую магнолию, усеянную белыми цветами, – Дерево дано нам как есть, полностью присутствующее. Хотя я вижу его только спереди, я знаю, что у него есть оборотная сторона и боковые стороны, хотя я их не вижу. Таким образом, помимо знания, что оно было там вчера, а также знаю, что оно будет там завтра, я также знаю, что у него есть бока, обратная сторона и длинные внутренние корни под землей, хотя я и не могу увидеть их сразу. Именно это Гуссерль подразумевает под «пространственностью, встроенной в восприятие». Мы предполагаем, что дерево находится там во всей своей полноте.

– Верно, – согласилась я.

– Это не просто плоский фасад. Я вижу всё дерево. Но эта тотальность – достижение, реализация, больше, чем факт, – объяснил Карлос. – В присутствии дерева, в самом факте, что мы видим его как дерево здесь и сейчас, заключается непрерывность того, что мы все еще осознаем то, что протекало раньше, но больше не ощущается.

У дерева есть непрерывность прошлого и будущего в результате памяти о нем, так как мы видели его там вчера, и ждем, что оно будет там же и завтра. Непрерывность дерева обеспечивается нашей способностью к намереванию. Мы знаем, что завтра будет такое же дерево, как и сегодня. И у него есть пространственность, которая позволяет нам видеть переднюю и заднюю часть и интуитивно чувствовать его полноту.

Я сделала глоток минеральной воды. Разговор о феноменологии заставил меня усомниться в восприятии. Я была уверена, что если я буду смотреть на это дерево достаточно долго, и только если у меня будет достаточно магической энергии, я смогу заставить его исчезнуть, поскольку на самом деле, у него нет ни прошлого, ни будущего, обратной стороны и корней, ничего кроме той части, которая включена в нашу интерпретацию.

Дерево не было абсолютно таким, каким я его видела. Восприятие, связанное с разумом, или то, что Брентано называл преднамеренностью, проделало гигантский трюк с самим воспринимающим. Я чувствовала, что хочу разобраться в этой головоломке раз и навсегда. Я устала от того, что меня вводил в заблуждение особый способ восприятия, который был навязан мне в силу факта моего рождения в особом «мире жизни или бытия-в-мире», как его называл Гуссерль. Я больше всего на свете хотела увидеть деревья такими, какими я их видела под руководством Эмилито. Когда я лазила по ним, я чувствовала их корни, я смотрела на их листья, я разговаривала с ними, я любила их, я понимала их. Но теперь все это исчезло, поскольку гигантский глаз этой реальности закрыл и запечатал волшебный мир от взора, оставив меня на мели по ту сторону двери. Я бы хотела, чтобы Карлос помог мне перейти на другую сторону!

– Понимать магию – значит расширять способность восприятия, – однажды сказал мне мистер Абеляр, – Маги посредством перепросмотра и других практик накапливают достаточно энергии для нарушения рефлексивности пространства и времени. Их практики преднамеренно направлены на то, чтобы нарушить мир, в котором мы живем.

Теперь Карлос говорил то же самое, и я знала, что в этом должна быть неотъемлемая правда.

– Маг будет смотреть на это дерево и не рассматривать его целостность, как данность, – продолжил Карлос. – Маги, согласно дону Хуану, пытаются сломать матрицу восприятия, в которой мы родились.

– Как ты думаешь, это действительно возможно? – спросила я. – Я имею в виду нарушение стереотипа восприятия мира таким, каким мы его знаем.

– Конечно, согласно Гуссерлю, все акты восприятия направлены на какой-то объект или имеют намерение, – объяснил Карлос. – Другими словами, все видят что-то, все думают что-то. Всякое восприятие – это восприятие чего-либо. И восприятие проецируется на желаемый объект, который не является вещью или фактом, а является актом творения. И как акт творения, его можно воссоздать или изменить, чтобы он соответствовал другой форме.

– Я понимаю. Ты говоришь, что пока мы считаем восприятие данностью, мы находимся в ловушке, в плену навсегда. Но если мы поймем, что это просто феномен, который нужно исследовать, тогда откроются различные формы или альтернативы восприятию.

– Верно, – сказал Карлос, – И кто знает, что находится в сфере возможностей, доступных человеку как разумному существу.

– Путь магов состоит в том, чтобы сломать границы социального восприятия, – сказал Карлос. – И я говорю социальное восприятие, а не человеческое восприятие. Потому что маг способен воспринимать миры, которые скрыты от нас как социализированных существ. Однако они открываются как возможность для живых существ, которые отказались от своих социальных интерпретаций мира, в которых они живут.

– Как ты заинтересовался изучением восприятия? – спросила я Карлоса, но он помолчал.

Это было молчание, погруженное в мысли, а не возникшее из-за того, что нечего было сказать. Через некоторое время он ответил:

– Мне посчастливилось встретить человека, который, на мой взгляд, является самым точным и замечательным человеком, из мне известных, с которым я когда-либо разговаривал. Он взял меня в ученики и учит меня выходить за рамки восприятия. Видишь ли, ты была права, когда сказала в офисе отдела антропологии, что все, что нам осталось, возможно, не может быть всем, что есть в мире.

Он грациозно взмахнул руками перед собой, как бы охватывая этим жестом деревья, машины, мальчика на велосипеде и людей, идущих по площади:

– Есть способ сломать барьеры, установленные языком и мыслью, и непосредственно воспринимать явления. Вот о чем говорят феноменологи. И это то, что на самом деле делают маги.

Я посмотрела на Карлоса и поняла, почему Эмилито настоял на том, чтобы я поступила в колледж. Не только для того, чтобы наши пути пересеклись, но и для того, чтобы я имела способность концептуализировать и разделять склонность нового нагваля к абстрактному.

Карлос повернулся взглянуть на меня, и наши глаза сосредоточились на неописуемом мгновении, в котором было подытожено все мое будущее, а мое прошлое устремилось в поисках настоящего. Я не могла выразить это словами, но в этот момент никого больше в мире не существовало. И так же, как у людей были свои собственные общие соглашения, у нас также был момент согласия, молчаливое намерение, о котором больше никто не знал. Я вздохнула с облегчением, которое, казалось, было заключено внутри меня в течение века, так как я без сомнения знала, что это новый нагваль. Судьба соединила наши пути, и мы будем путешествовать вместе вечно.

– Если ты решишься, – сказал Карлос, нарушая тишину, – мы сможем пересечь границу восприятия. Давай выясним, есть ли ещё что-то помимо того, что мы всегда считали само собой разумеющимся.

Он на мгновение рассмеялся, нарушив серьезность, но я знала: он имел в виду именно то, что сказал. И, где-то в безмолвии, я согласилась. На скамейке в парке я молча согласилась сделать все возможное и сопровождать его хоть на край земли или дальше. Я прислонилась своей головой к его, чтобы объединить наш силы. Он поднял руку и взъерошил мои волосы, как Нелида, и я знала, что наша судьба предрешена навсегда. Мы встали, не сказав ни слова. Не нужно было давать обещания или что-либо делать. Мы оба знали на самом глубоком уровне, что нечто изменилось самым тонким образом. Мы были не такими, как в тот момент когда сели на скамейку. Нас объединило намерение, возникшее не из общественного порядка. Оно существовало до нашей встречи в офисе отдела антропологии и до моего видения другой реальности. Что-то еще назначило нашу встречу на этой скамейке в парке и сделало эту поездку к Силе возможной. Но что это была за Сила, мы не могли понять. Она зародилась внутри и возникла из немыслимых глубин безмолвия. Тем не менее, та же самая Сила катапультирует нас к свободе.

Глава 5: Дорога в Гуаймас

Мы ехали молча. Я искала в уме повод для разговора, но светская беседа никогда не была моей сильной стороной. Каждую тему, которая появлялась как возможность для обсуждения, он сразу отклонял как слишком тривиальную или слишком техническую для обычного разговора. Строгий страж, живший где-то в глубине души, продолжал подвергать цензуре всё, что я собиралась сказать.

– Кто была та красавица в пекарне? – внезапно спросила я.

Он ответил, не сводя глаз с дороги:

– Я не помню никого конкретно.

Я не знала, как поднять данную тему, чтобы не показаться ревнивой собственницей, поэтому я бросила эту затею. Однако я не могла выбросить ту девушку из головы, я была уверена, что она не мексиканка, хотя её кожа была темной, скорее от загара, чем от натурального пигмента.

Я не была достаточно близко, и не разглядела её глаза, но если бы увидела, я знаю, они были бы голубыми. Судя по ее платью, я уверена, она из Соединенных Штатов, а её манеры вызвали у меня подозрение, что она и Карлос были более чем случайными знакомыми. Я посмеялась над собой, когда осознала свое воображаемое соперничество с совершенно незнакомой женщиной.

Несмотря на повторный перепросмотр, который я совершила под руководством Клары и Эмилито, я продолжала вести себя как обычная женщина, а не как дисциплинированная и отстраненная ведьма. Клара предупредила меня, что мое поведение по отношению к мужчинам будет очень непросто сломать. Ибо определенное отношение и ожидания прививались девочкам в молодом возрасте для выполнения их социальных и биологических императивов.

«Женственность, – предупредила меня Клара вскоре после того, как я начала мой перпросмотр, – включает в себя ревность, собственничество и отношение к мужчине как к зависимому и беззащитному ребенку. Это подразумевает приказ, что если он собьется с пути или «отобьется от рук», он должен быть прощен. Поэтому ожидается, что женщина должна быть терпеливой и поддерживать своего мужчину в любых условиях.

– Я бы никогда не потерпела такого поведения, – твердо сказала я.

– Ты будешь в ужасе от того, что обнаружишь, когда исследуешь свою жизнь, – засмеялся она. Ты собираешься мириться со всем, что терпит твоя мать. И ты сама сказала мне, как тебе пришлось со многим мириться.

Вспомнив слова Клары, я поняла: несмотря на объявленное мной изменение, я все еще смотрела в зеркало, в котором мое представление о том, как женщина должна себя вести, управляло моими чувствами и действиями.

– Как долго до Гуаймаса? – спросила я, выходя из своего самоанализа.

– Около часа, – сказал Карлос.

Он тоже задумался, хотя я была уверена, не о себе самом и, ответив на мой вопрос, он вернулся к той внутренней тишине, из которой я его вытащила. Его умственная отстраненность беспокоила меня, но я без колебаний поступила так же. Я поняла, что в моих отношениях с другими не было равноправия: я ожидала, что другие будут нести бремя отношений, развлекать меня или учить меня, в то время как я остаюсь пассивным получателем. Это был способ поведения, которому я научилась в детстве от своей матери.

Во мне укоренилось мнение, согласно которому девушка должна говорить только тогда, когда с ней заговорят, а это значит, что в вежливой компании я должна сидеть тихо и не вызывать непонимание, задавая глупые вопросы. Мне всегда было интересно, почему это правило не распространяется на моих братьев, которые и не думали сидеть тихо, а с шумом карабкались по мебели, когда мы приходили в гости к друзьям. Поскольку у них было это преимущество, я считала их хулиганами и уродами.

Как только я усвоила это, я взяла себе за правило тихое и отстраненное поведение, не пытаясь изменить его, будучи уже взрослой. В качестве компенсации, у меня развился чрезвычайно живой внутренний диалог, доходивший до смеха или хихиканья над собственными немыми шутками. Когда я попала в общество Клары, она немедленно пресекла подобное эгоцентричное поведение. Я получала звонкий удар по голове каждый раз, когда она видела, как шевелились мои губы, или просто замечала улыбку на моем лице, не оправданную внешними событиями. Но, будучи вдали от влияния магов в течение многих месяцев, привычка разговаривать сама с собой вернулась.

– Почему так трудно измениться? – однажды спросила я Клару, после целого дня, проведенного в пещере возле ее дома.

Мы сидели на кухне, и она протянула мне тарелку тушеного мяса. Пока мы ели, она объяснила, что способность меняться зависит от энергии человека. Затем она изложила мне магическое правило, согласно которому сексуальное возбуждение родителей в момент зачатия определяет энергетическую конфигурацию ребенка.

– Что это значит, Клара? – спросила я.

– Если во время полового акта родители не были возбуждены или страсти было мало, то ребенок, рожденный от этого союза, будет скучным, как монета, – объяснила она. – С другой стороны, если оба родителя были возбуждены, тогда у ребенка будет достаточно энергии и оптимизма, чтобы смотреть в лицо жизни и радоваться всему происходящему на его пути.

– А если только один из родителей был возбужден? – поинтересовалась я.

– Вот ты мне и скажи, – ответила она, глядя на меня, – ты должна сама знать это из собственного опыта.

– Человек на какое-то время «возгорается», а затем «потухает», – призналась я, – он неуравновешен и нестабилен.

Клара кивнула:

– Такие люди знают, что, в конечном итоге, у них нет энергии закончить начатое. Поэтому они сдаются. Они никогда не приносят плодов. Они побеждены еще до того, как начали что-либо.

– Что с этим можно сделать? – Спросила я.

– Они должны «затянуть пояса» и попробовать новые подходы к себе, – сказала она.

– Что нового можно попробовать?

– Человек с небольшой энергией должен проецироваться за пределы себя. Он должен найти себе новый сон и этот новый сон должен его полностью поглотить.

– «Сон» опять звучит как метафора, – вздохнула я, – Возможно ли что-то изменить?

– Конечно, – ответила Клара, – Но сначала ты должна пересмотреть свою недисциплинированную жизнь и отбросить ее. Затем ты начинаешь сновидеть о новом существе, обладающем энергией. Постепенно ты пробуждаешь энергетическое тело, пока твои действия и чувства не совпадут с твоим новым «я». Каждое сильное и точное действие укрепляет тело сновидения, а твоя способность выделять тело сновидения усиливает твои повседневные действия. Таким образом, ты взбираешься на крылья намерения.

Вспоминая слова Клары, я наполнялась смелостью и оптимизмом. Я нажала на точку на левом боку чуть выше селезенки; место, которое, по словам Клары, помогает сохранять бдительность и получить немного дополнительной энергии, когда человек чувствует себя подавленным, вялым или сонным. Я посмотрела на Карлоса.

– Какая численность населения в Гуаймасе? – снова спросил я, пытаясь завести разговор.

– Я был там несколько лет назад. Думаю, количество людей там действительно выросло, – Карлос с любопытством посмотрел на меня, как будто не был уверен в моей заинтересованности разговором о населении Гуаймаса. – В последние годы оно выросло, но я не знаю точно, сколько там сейчас человек.

Если бы не стемнело, он бы заметил, как мои губы шевелятся. Я беззвучно и энергично разговаривала сама с собой. Как бы то ни было, но наступившие сумерки скрыли от него моё печальное состояние. Тьма опустилась, как серый фильтр, закрывающий глаза. На западе, там, где солнце уже село, небо стало темно-фиолетовым с красными полосами. Низкие холмы вдали казались черными силуэтами на фоне серо-черного неба. Время от времени мы проезжали мимо нескольких кактусов сагуаро, вырисовывающихся на фоне низких холмов. Их толстые «руки» были обращены вверх, протянуты к черному небу, как если бы они застыли в молящей позе. Все сагуары были одинаковыми; некоторые были выше других, у некоторых были более толстые колючки, но все ожидали одного и того же: благодати, падающей с неба в виде нежного дождя или капель тумана, которые утолят их вечную жажду.

Я забыла, насколько шумной была ночь в городе по сравнению с абсолютной тишиной пустыни. Я откинула голову на подголовник и прислушивалась к шуму автомобильных шин, едущих по неровной дороге. По звукам я могла определить, что левая задняя шина стояла ниже, из-за нарушения балансировки – оттуда доносилось дополнительное постукивание. Это привлекло мое внимание, и ритмичный стук усыпил меня.

Я улыбнулась, подумав, что если бы Карлос захотел поговорить сейчас, я не смогла бы дать связного ответа. Меня охватило гипнотическое состояние, и я почувствовала себя тяжелой, сонной, как будто я еле могла держать глаза открытыми.

Впереди была прямая дорога, освещенная яркими фарами машин. Она образовала длинный серый туннель, который привлек моё внимание к себе уходящей вдаль белой разделительной полосой. Мне было слишком трудно оторвать взгляд от дороги, поэтому я продолжала смотреть на белую полосу, затягивающую меня по длинному глубокому туннелю, заставляя меня чувствовать себя все более и более сонной. С большим усилием я перевела взгляд на обочину дороги. К моему удивлению, пейзаж изменился. Пустыня исчезла! Исчезли кактусы сагуаро, пыльные кусты и случайные перекати-поле, которые я видела катящимися по дороге. Вместо этого мы двигались через лес, и я смотрела на гигантские сосны по обе стороны шоссе.

Деревья были такими же высокими, как небо, которое терялось в массе темных сосновых ветвей. Поскольку я не спала, я знала, что это мираж, но не страшный, а скорее потрясающий. Я позволила своим чувствам исследовать деревья, которые становились все более и более четкими по мере движения через них. Некоторые деревья представляли собой гигантские секвойи с волосистой корой, длинными прямыми стволами и густыми кронами. Они были так близко друг к другу, что не было возможности увидеть что-либо за ними. Мираж или нет, но в темноте они казались такими же реальными, как роща деревьев, которую я видела, проезжая по Северной Калифорнии. Внезапно дорога изогнулась, как будто мы были в горах. Не будучи знакомой с пейзажем в окрестностях Гуаймаса, я подумала, что, может быть, мы поднимаемся в гористую местность. Я позволила себе погрузиться в пейзаж и не стала оценивать его, исходя из моих рациональных знаний о пустыне Сонора и секвойных лесах.

Наблюдение за проносящимися мимо деревьями стало для меня развлечением, я обнаружила, как ищу медведя или надеюсь увидеть оленя, но не смогла их увидеть. Я была так заинтригована этим зрелищем, что не могла сказать, сколько времени прошло. Карлос ехал медленнее обычного, так как тоже опасался выскакивающих на дорогу оленей. Я ничего не сказала ему про окружающий нас лес, так как была уверена, что Карлос сочтет меня сумасшедшей, и пейзаж исчезнет. Более того, я больше не могла говорить. Я едва могла думать, а не то что выражать свои мысли. Затем я перестала думать вообще о чем-либо и погрузилась в тяжелую тишину, наблюдая за деревьями, ожидая, что между ними появится животное-призрак и просто наблюдала. Джон Мишель Абеляр однажды сказал мне: «Люди – не единственные существа и что они могут научиться осознавать намного больше».

– Собаки, олени, вороны, любое животное может иметь прямую связь с намерением, – сказал он, – Мы называем их волшебными существами. Маги ищут их и используют как помощников или союзников.

Я, должно быть, заснула, так как обнаружила себя сидящей уже не на переднем сиденье машины Карлоса, а на какой-то деревянной скамье. Моя голова была откинута назад, опираясь на толстый столб, и вместо салона автомобиля, я смотрела на гигантские деревья перед домом Клары. Я выполняла упражнение по созерцанию, которому меня научил Эмилито. И я сидела на той специальной скамейке, которую он построил в соответствии с требованиями древних магов.

Эта смотровая скамья была специально разработана для созерцания деревьев. Три стойки, поддерживающие спинку, были примерно на шесть дюймов выше, чем верхняя горизонтальная планка, которая и служила спинкой скамьи. Верхушки столбиков были срезаны под углом, чтобы, сидя на скамейке, можно было прислонить голову к одной из трех выступающих вертикальных стоек. Они были обрезаны под идеальным углом поэтому когда голова была запрокинута назад, можно было смотреть вверх, не растягивая шею и не поддерживая голову. Во время практики созерцания можно было полностью расслабиться, будь то созерцание деревьев, луны, облаков или ночных звезд. Эта скамейка была расположена перед рощей деревьев, три из которых выделялись из остальных.

Скамейка позволяла трем людям созерцать одновременно и, если они желали, вместе переходить в состояние сновидения. Эмилито сидел рядом со мной на скамейке, положив голову на столб на другой стороне. Он также смотрел на одно из трех деревьев, которые росли вдалеке на небольшом холме. Эмилито смотрел налево, то есть в ту сторону, которая соответствовала его положению на скамейке, а я смотрела направо, в соответствии с моим направлением взгляда. Деревья выделялись на фоне пурпурно-голубого неба. Я совершенно расслабилась и глядела на дерево перед собой. Оно было объемным, зеленым, с колышущейся светло-зеленой листвой, которая казалась живой и двигалась, даже когда не было ветра. Среди густой колышущейся листвы были темные пустоты, где я могла видеть сочленение ветвей.

– Внимательно изучи каждую деталь своего дерева, – мягко сказала Эмилито. Не отрывая головы от наблюдательного пункта, – Слушай мои инструкции, а затем делай то, что я тебе говорю. Он сказал мне начать со ствола дерева и поднять глаза вверх, сначала обратив внимание на нижние ветви, а затем и на боковые, словно подметая массу листьев своим взглядом. Я, полностью расслабившись, сделала, так как он мне сказал позволив энергии из моих глаз охватить ствол дерева и постепенно подняться.

– Не двигай головой, двигай только взглядом по направлению роста дерева, – сказал он. Если твой взгляд теряется, застревает или отвлекается, начни с самого начала.

Я повторила процедуру «подметания» около двадцати раз, всегда начиная снизу, а затем проводя глазами вверх вдоль каждой части дерева: по стволу, по бокам, к краям, двигаясь по толстым ветвям в центр, затем осторожно вдоль толстых ветвей снова к листве. Я продолжала это движение, пока не покрыла всю поверхность дерева, затем начала все сначала.

После того, как Эмилито дал мне свои первоначальные инструкции и замолчал, я почувствовала, что он смотрит на дерево слева, которое соответствует его положению на скамейке. Мне было любопытно насчет других деревьев, поэтому я слегка повернула голову, изменив направление взгляда. Мгновенно я почувствовала удар в левый бок. Он ткнул меня палкой, лежащей на скамейке между нами, которую я раньше не замечала.

– Оставайся на своем собственном дереве, – отрезал Эмилито. – Белку убило любопытство.

Я хотела сказать ему, что это была кошка, но не осмелилась поправить его.

– Эти деревья не такие, – объяснил Эмилито – Каждое нужно рассматривать с надлежащего места на скамейке.

– Чем они отличаются? – спросила я, не смея оторвать глаз от дерева передо мной.

– Они разные так же, как и люди, – ответил он. – У них свое настроение и темперамент, своя энергия. С тех пор, как ты влезла и жила на деревьях, ты достаточно узнала о них, чтобы понять, что они разные. Деревья бывают такими же разными по темпераменту, как и люди.

Каждое дерево, на которое я взбиралась, было уникальным существом с историей, зачастую более долгой, чем жизнь человека. Поднимаясь по ним, я научилась тонко чувствовать настроение дерева, его изменения, его потребности и даже его излияние.

Деревья были одинокими существами, но под землей происходили ужасные вещи. Корни сплетались в растущую массу, которая боролась за каждый сантиметр пространства и каплю влаги. Я узнала, что люди по своей агрессивности и конкурентоспособности и рядом не стояли по сравнению с деревьями. Их корни изгибались, толкались и душили друг друга, пытаясь выжить, проходя через самые сложные изгибы, заявляя о своем праве на жизнь. Сверху, над землей деревья казались более стабильными. Именно из-за этой стабильности верхней части деревьев, большая часть моего обучения проходила в корсете, когда меня подвешивали во время моей жизни в домике на деревьях.

– Тайша, – сказал Эмилито, отвечая на мои мысли, – Именно поэтому ты и стала жить на дереве. Этого требовала нестабильность твоего двойника. Ты училась преследовать двойника и ты должна была оставаться на деревьях, пока твоя точка сборки не стабилизировалась в новом положении.

Я вспомнила, что мне не разрешалось спускаться с деревьев, разве что для посещения ванной. Остальное время я оставался там, перепросматривая или перелезая с ветки на ветку со своим снаряжением для лазания по деревьям. Каждый раз, когда хотелось есть, мне приходилось кричать и звать Эмилито, который приносил мне еду. Сначала я не хотела кричать: меня учили, что дамы никогда не повышают голоса. Но из прошлого опыта я знала, что крик – единственный способ позвать Эмилито. Я садилась на корточки и орала так громко, что все птицы вокруг в страхе летели от меня прочь. Но постепенно птицы привыкли к моим воплям и просто глазели на меня, как на странную птицу, издающую еще более странные звуки. Затем у подножия дерева появлялся Эмилито с корзиной еды, которую он поднимал на платформу, где сидела я.

– Я тоже жил на дереве, – опять повторил Эмилито, читая мои мысли, – Мы оба были немного сумасшедшими, чокнутыми …

Чтобы доказать свою точку зрения, он нанес мне еще один неожиданный удар по ребрам, – и эта небольшая палка служит для того, чтобы неопытные созерцатели не улетели к дереву или не заснули на скамейке. Если мне кажется, что ты летишь или засыпаешь, я толкаю тебя вот так, – Он засмеялся и снова ударил меня.

– Я не засыпаю, – раздраженно сказала я.

Хотя в момент моего созерцания у меня действительно возникло ощущение, будто меня поглощает дерево, словно я сижу на одной из его ветвей. Эмилито взвыл:

– Ты уверена, что не спишь? – сказал он, – Может быть, ты уже заснула, пока я отвернулся?

– Я не делала этого! – сказала я и в доказательство этого, ущипнула себя за то место под «плавающими» ребрами, куда он меня толкал. Затем я снова посмотрела на дерево, соответствующее моему краю скамейки, повторяя «омахивание» самым детальным и вдумчивым образом. Я повторяла его снова и снова, ощупывая глазами пятна, различия в оттенках и текстуре, а также просветы, через которые выглядывали ветви, как и рекомендовал Эмилито.

– Теперь перемести свое созерцание к периферии дерева, к границе между деревом и небом, – указал Эмилито, – Следуй за контуром дерева и неба своим созерцанием, как если бы ты рисовала дерево кистью с длинной ручкой.

Я сделала то, что он предлагал, и внезапно цвет дерева изменился с темно-зеленого на ярко-зеленоватый, как если бы внезапно зажглась яркая точка света. Небо вместо пурпурно-черного превратилось в ярко-зеленое. Это произошло так внезапно, что я закрыла глаза и прижалась спиной к скамейке. К счастью, прочный головной столб не позволил мне упасть на землю. Когда я снова открыла глаза, цвета всё ещё были изменены.

– Пусть энергия дерева наполняет твои глаза, – сказал Эмилито, – Слейся с деревом, как я показал тебе.

Когда я это сделала, дерево снова изменило цвет. Теперь небо стало ярко-золотым, а дерево превратилось в массу ослепительно-персикового света. Каждый лист имел собственную небольшую светимость, наложенную на бурлящие светом ветви, образующие световую матрицу. Потоки света лились из дерева, пока я не увидела, как они, расширяясь, слились с энергией золотого неба вокруг дерева. Тогда я поняла, почему разные части дерева были разного цвета: у них была разная интенсивность исходящей от них энергии.

Эти пятна соответствовали настроениям или чувствам, которые испускало дерево. А еще были темные пятна, места, где не было света. Я знала, что это теневые существа, населявшие мир, очень близкий к нашему и эти миры иногда пересекались. Я удивилась, увидев как некоторые из этих призрачных существ, карабкаются по ветвям деревьев точно так же, как я раньше карабкалась по ним.

Свет от дерева сиял и двигался, как будто он был мокрым, как капли дождя, освещенные фарами автомобиля. В дереве не было ничего статичного. Оно было абсолютно непостоянным. В какой-то момент мое устоявшееся мнение о деревьях, как о существах оседлых, устойчивых и со статичными корнями, было уничтожено. Увидев яркую пульсирующую массу желтого и белого, окруженную бледно-розовым ореолом, я знала, что деревья находятся в постоянном движении.

– Ты видишь это? – спросил Эмилито.

– Да, да, – ахнула я, – Вау! Я понятия не имела, что деревья выглядят так.

– Не слишком волнуйся, иначе ты сместишь свой взгляд в его нормальное состояние, – предупредил он, – оставайся расслабленной и спокойной. Не просыпайся.

– Опять, Эмилито ты меня подкалываешь. Я не сплю. Но похоже, я сновижу. Я сновижу, Эмилито? – спросила я, не смея оторвать глаз.

– Да и нет, – сказал он, сейчас смотри, вопросы задашь позже.

Я стояла неподвижно и молчала, потому что не хотела, чтобы сцена исчезла. Я наслаждалась этим сиянием столько, сколько могла. Затем, так же внезапно, как и появился, свет погас, и я снова смотрела на огромное дерево перед собой. Как будто сияющее привидение исчезло, оставив только его знакомую внешнюю форму и память о чем-то чудесном. Это было как затухающий яркий призрак, и дерево, которое в начале моих наблюдений было таким великолепным, после того, как я увидела его истинную природу, теперь вызывало разочарование.

– Теперь ты можешь открыть глаза, – сказал Эмилито, потыкав мне в ребро своей тростью. – Шоу закончилось.

– Какое шоу? Я понятия не имею! – удивилась я

Эмилито поднял руку, показывая, чтобы я заткнулась.

– Конечно, имеешь. – сказал он. – Мы все знаем, как видеть суть вещей. Мы делали это в детстве. Ты забыла, как изменить глаза и проецировать свои чувства? Ты смотришь и чувствуешь себя одинокой. И не обращаешь внимания на все остальное?

– Стой, Эмилито, стой, – сказала я, чувствуя сожаление за все время, потраченное на то, чтобы смотреть на себя, когда я могла бы видеть деревья и другие интересные вещи.

– Форма поверхностна, смотри вглубь, – сказал Эмилито, изображая восточный акцент.

Мне пришлось рассмеяться. Мне стало интересно, откуда он узнал эту буддийскую пословицу. Должно быть, услышал от Клары, когда она выкрикивала свои восточные афоризмы.

– Ты говоришь как буддийский монах, – сказала я ему, – Не говори мне, что ты тоже был в Китае вместе с Кларой.

Эмилито улыбнулся и кивнул.

– Я Хранитель этого дома, – сказал он, – Но я меняюсь. Когда-нибудь я расскажу тебе свою историю. Или еще лучше. Я позволю тебе увидеть самой.

Эмилито посмотрел на меня так, словно хотел раскрыть чудесный секрет. Это вызвало у меня озноб.

Он сказал мне изучить скамейку, чтобы я могла понять, как она устроена, и собрать такую же, если когда-нибудь понадобится. Она оказалась скреплена колышками, вбитыми через просверленные отверстия. Я была под впечатлением от этой прочной, но элегантной конструкции.

– Эта скамейка – настоящий инструмент для созерцания, – сказал он, и у неё отличный дизайн. На самом деле, она собрана мной.

– Ты научился этому в Китае? – спросила я.

– Нет. Идея была передана по линии нагвалей древних хечицеро. У магов нашей линии есть всевозможные устройства и приспособления, которые помогают нам сновидеть, видеть и выслеживать. Кожаный корсет, в которой ты была подвешена, – одно из таких средств, эта скамья для наблюдения – еще одно. Конечно, это всего лишь устройства, с помощью которых легче видеть и сновидеть. Но видеть, сновидеть и преследовать можно, не полагаясь ни на какие устройства. Все, что нужно, – это безупречный дух. И, конечно же, энергия, накопленная посредством перепросмотра, переориентации от самоуспокоенности к внутренней тишине, чтобы энергетическое тело или двойник могли пробудиться. Тогда ты сможешь преследовать его и делать все, что угодно.

– Что ты имеешь в виду, под преследованием двойника? – спросила я.

– Какой глупый вопрос, – моргнул он, – ты делала это все эти месяцы на деревьях. Ты укрепляла свое энергетическое тело и преследовала деревья и себя, а также друзей, которые жили там с вами.

– Что ты имеешь в виду, какие друзья? – спросила я, – Не считая белок и птиц, я была там одна, и ты это знаешь.

Эмилито причмокнул.

– Как это, была одна, черт возьми?! А как насчет твоих теневых друзей?

Я вспомнила, как видела теневых существ, глядя на дерево, и вспомнила, что видела много теней, когда жила в домике на дереве. Фактически, многие наиболее мелкие из них, которые, как я думала, были птицами, живущими в ветвях, оказались маленькими порхающими тенями. Я рассказала Эмилито об этом факте:

– Когда твое энергетическое тело станет осознанней, ты вспомнишь своих друзей более четко.

– Теперь мы используем двойника для наблюдения за деревьями. Ты даже можешь перенестись с этого места на сами деревья, – продолжил Эмилито, – Ты помнишь, как сливалась с деревом, когда была под ним?

Когда-нибудь, когда ты накопишь достаточно энергии и снова сможешь попробовать созерцать его с этой скамейки, а мы увидим, получится ли у тебя катапультироваться в дерево. Может быть, даже некоторые из теневых существ помогут тебе.

– Я бы предпочла просто залезть на дерево со своим «дереволазным» снаряжением, – сказала я. Почему-то идея оказаться втянутым в верхушки деревьев или куда-то еще группой теней была для меня слишком тревожной.

Воспоминание о переходе через порог левой стороны коридора в доме Клары, где жили другие члены отряда нагваля, было все еще слишком ярким. Какая-то сила катапультировала меня с таким разрушительным толчком, что я вылетела из дома за пределы узнаваемого мира. Затем я проснулась, повешенной на дереве, не помня, что произошло, как я туда попала и как давно меня подвесили.

– Что ж, если ты боишься прыгнуть на верхушки деревьев с помощью своего двойника или позволить теневым существам толкнуть тебя, как насчет того, чтобы деревья сдвинулись с места?

– Что ты говоришь, Эмилито? Как деревья могут сдвинуться с места?

– Могут. Деревья не такие, какими кажутся. Ты сама это видела. Когда мы видим их как массы света, мы понимаем, что они могут сливаться с другими энергетическими существами, так же как мы можем двигаться и сливаться с деревьями.

– Ты хочешь сказать, что деревья действительно могут менять свое местоположение?

– Некоторые деревья могут, но не все, – пояснил Эмилито, – Так же, как некоторые люди или животные могут дотянуться до своего двойника, но не у всех есть энергия осознать свою другую сторону, своего двойника и начать преследовать его.

– Ты имеете в виду, что дерево может появиться в другом месте? В это очень сложно поверить, Эмилито. Это практически невозможно!

– Не тогда, но когда ты видишь деревья как энергию, которая постоянно меняется. – настоял он. – Энергия никогда не остается прежней. Она движется в зависимости от окружающей среды, – его глаза стали свирепыми, как у хищной птицы, – и, в зависимости от того, кто её направляет.

Моя уверенность заколебалась. Воспоминание о том, что я видела дерево, как потоки света, и мне показалось, что оно действительно. Возможно, Эмилито все-таки был прав; деревья могли сдвинуться с места.

– Древние маги, используя способность своих глаз, всегда искали такие деревья, которые они назвали «деревьями силы», – объяснил Эмилито, – Они образовывали с ними прочные связи. Дерево становится союзником магов и даже может перенести их в разные места. Маги помогали дереву своей энергией, а дерево помогало магам, образуя симбиотические отношения. Иногда маг даже полностью и бесповоротно сливался с деревом, стремясь на время продлить свою жизнь.

– Это звучит просто ужасно, – сказала я, – Словно это какой-то волшебный ковер, на котором маги могли сесть и путешествовать.

– Они не путешествовали с деревьями, они просто сами превратились в деревья, – пояснил Эмилито, – Если бы они хотели путешествовать, они стали бы птицей или быстроногим животным, вроде горного льва, который путешествует намного лучше деревьев.

– Что же они делают с деревьями?

– Они прячутся в деревьях и перемещают их, чтобы запутать тех, кто их преследует. В древние времена у магов были свирепые враги, которые беспощадно преследовали их. Маги прятались или сливались с деревьями, сбивая врага с толку. Или же, они могут заставить двигаться сразу целый лес деревьев. Представь, что ты видишь приближающуюся к тебе армию деревьев. Да ты просто умрешь от страха!

Или деревья могут поменяться местами, чтобы увидеть, каково это быть где-то еще, – продолжил Эмилито, – Но это требует тонны энергии, даже для дерева, и даже если бы это произошло, человек не заметил бы изменения, если бы он не был магом.

Когда Эмилито сказал про деревья, меняющиеся местами, я вспомнила инцидент, произошедший в Доме Клары. В задней части патио росло несколько фруктовых деревьев, в том числе большой сапоте и мушмула. В какой-то момент мне показалось, что мушмула находится с правой стороны дворика, а сапоте – слева. Но однажды, проведя с Кларой несколько месяцев, я могла поклясться, что деревья поменялись местами. Я обнаружила, дерево сапоте, теперь оказалось на правой стороне внутреннего дворика, затеняя скамейку Клары, на которой я часто сидела.

Когда я рассказала об этом Кларе, она немедленно заставила меня замолчать и попросила больше не говорить о Сапоте. Это было несложно, поскольку я и сама посчитала свои предположения полным абсурдом. Теперь, в свете того, что Эмилито говорил о деревьях, я уже не была так уверена. Может быть, эти деревья действительно поменялись местами. Я спросила об этом Эмилито. Он сказал, что деревья в доме нагваля были особенными; у них была Сила, и поэтому они могли делать все, что хотели. Они могут цвести вне сезона, плодоносить круглый год или обмениваться местами, если захотят.

– В это трудно поверить, – сказала я. И все же...

– Хватит говорить. Ты исчерпала внимание своего сновидения. Время просыпаться. Обопрись головой о стойку скамейки.

– Что значит пора просыпаться? Я уже проснулась.

– Ты спросила меня раньше, спишь ты или нет. Теперь я могу сказать тебе: ты бодрствуешь и спишь одновременно. Ты бодрствуешь в своем двойнике, но спишь в своем физическом теле.

Он наклонился ко мне и мягко оттолкнул мою голову от скамьи. Я почувствовала болезненное давление на лоб, а затем на затылок и всю голову. Я видела лицо Эмилито очень близко и очень ясно, поэтому действительно начала подозревать, что он был прав: я видела сон.

Мысль о том, чтобы проснуться и вернуться в повседневный мир, очень огорчила меня, и на глазах навернулись слезы. Я не хотела покидать Эмилито и лес деревьев. Я сопротивлялась пробуждению. Я хотела побольше расспросить Эмилито о Нисперо и сапоте, а также о созерцании и о том, как деревья могут двигаться со своих мест, и, прежде всего, о его собственной тайной истории, которую он обещал мне раскрыть. Но сцена передо мной уже изменилась, и я больше не находилась возле дома Клары, сидя на скамейке для созерцания.

Энергия Эмилито добавила сновидению стабильности и реальности, но теперь, когда она исчезла, я не могла контролировать сцену сновидения. Я больше не могла это видеть, но со мной осталась сильная тоска. Затем я снова почувствовала давление на затылок, как будто рука Эмилито толкала меня к столбу, и моя голова взорвалась колющей энергией, заставившей мои глаза медленно открыться.

Сначала я увидела крышу машины, затем панель приборов. Затем Карлоса сидящего за рулем. Моя шея онемела из-за давления подголовника. Ощущение покалывания распространилось по моим плечам, спине, рукам и кистям. Я не спала, но не могла пошевелиться. Мне казалось, что моя голова сделана из наэлектризованного пенополистирола, легкого и шипящего одновременно. Некоторое время я не двигаясь молчала, сидя с открытыми глазами.

– Сколько я спала? – спросила я, пытаясь выпрямиться.

– Около часа, – ответил Карлос.

– Как долго до Гуаймаса? – спросила я. И засмеялась, потому что это был тот же вопрос, который я задавала перед сном. Хотя показалось, что это было давным-давно.

– Это уже не за горами, – ответил Карлос, когда появился огромный холм, – Поедим и переночуем там. Завтра мы отправимся на восток, в города Яки, и посмотрим, что принесет нам наша Сила.

Я уже могла различить вдали слабое сияние городских огней. По моей коже пробежал холодок, когда темная тень на мгновение застыла рядом с машиной, заслонив ее фары.

Глава 6: Гуаймас ночью

Карлос припарковался возле пирса, чтобы мы могли наблюдать за волнующимся морем. На фоне сумеречного неба выделялись силуэты загадочных виноделен и сухих доков, освещенные белыми огнями. Откуда-то из туманного океана доносились интенсивные звуки корабельных противотуманных сирен. Эти звуки достигали берега, принося с собой мрачное настроение. Таким же одиноким был звук пневматических тормозов, когда грузовики постепенно останавливаются в ночи. Этот звук всегда вызывал во мне образ бескрайних равнин и одинокого водителя без крова и дома.

Воздух был свеж. Я завернулась в пончо, чтобы согреться. Я вспомнила связанное крючком афганское одеяло, которое было у меня в детстве, и которое исчезло вместе с другими моими воспоминаниями, когда двоюродный брат Клары вывез вещи из моей квартиры на хранение.

Кто бы ни взялся разгребать мои вещи, он должен был проделать тщательную работу, по удалению личной истории человека, которому они принадлежали. Из них были намеренно выброшенные предметы, которые имели личное значение, такие как мой фотоальбом, мягкая игрушка тигра из детства, а также моя любимая замшевая куртка, форма карате и черный пояс, который я всегда использовала для тренировок. В ящики для хранения были упакованы такие предметы, как тарелки, кастрюли и сковороды, полотенца и одежда, которые почти не использовались. Они могли принадлежать кому угодно, без какого-либо ощущения личной истории или индивидуальности. Я была на гребне ностальгии, оплакивая свои потери, когда увидела белый конверт, приклеенный к крышке одной из коробок. Внутри была записка от Нелиды. Она писала:

«Не сожалей о своих воспоминаниях; тогда это было тогда; сейчас– сейчас.

К записке было прикреплено семь хрустящих сто долларовых купюр. Подразумевалось, что я должна купить то, что мне нужно. Некоторое время я стояла с запиской и купюрами в руках. Затем, когда я начала успокаиваться и оценивать ситуацию, я заметила, как мастерски Нелида применила маневр Сталкинга.

Она знала, что мне будет трудно отделить себя от своих воспоминаний, поэтому одним махом она сделала это за меня. Мысль о том, что я больше никогда ее не увижу, заставила мой гнев угаснуть и привязанность к вещам теперь казалась уже незначительной. Тут же я пообещала себе сделать все, от меня зависящее, для разрушения контроля, который довлеет надо мной. Я всем сердцем поклялась бороться с жадностью, алчностью и жалостью к себе. Но по мере того, как дни превращались в месяцы, моя решимость ослабевала, так как меня бомбардировали воспоминания о прошлом и сиюминутные влияния, которые подталкивали меня к приобретению новых вещей и привязанностей. Это выглядело так, словно я сражалась в битве, в которой невозможно было выиграть.

Мы прошли темные доки, отбрасывающие огромные черные тени на мостовую. Я подумала о прекрасном чувстве отсутствия привязанности у Нелиды, когда увидела мигающую рекламу отеля «Ramada Inn». Карлос повернул к хорошо освещенной стоянке:

– Мы останемся здесь на ночь, если ты не против, – объявил он, – Утром мы продолжим путь в города Яки.

Я ждала в машине, пока нас регистрировали. Затем мы объехали одно из крыльев главного двухэтажного здания, и снова припарковались. Соседние комнаты находились на первом этаже и выходили в длинный общий коридор, ведущий к огороженной территории бассейна.

– Давай поедим, – предложил Карлос, – Я знаю хороший ресторан недалеко от центра города, всего в нескольких кварталах отсюда. Мы можем прогуляться, если хочешь.

– Я совсем не устала, – сказала я серьезно.

Я положила сумку на кровать и посмотрела на себя в зеркало, висящее в ванной. Я думала вымыть голову, но Карлос назначил сбор через пятнадцать минут, и я не захотела заставлять его ждать.

Кроме того, я не хотела оставить о себе впечатление, как об одной из тех женщин, которые готовы часами вертеться перед зеркалом, пока соберутся. Клара вылечила меня от этого, так как в ее доме не было зеркал, я привыкла выполнять свою ежедневную гигиену с максимальной эффективностью. Клара также убедила меня перестать наносить макияж, который, по ее словам, блокировал естественный поток энергии вокруг лица.

На следующий день после того, как я приехала к ней домой, она вручила мне коробку салфеток и в серьезных выражениях сказала, чтобы я стерла помаду. Я почувствовала стыд и ярость, так как это напомнило мне сцену, которая произошла ранее в старшей школе, когда сестра Беатрис подошла ко мне в классе, протянула мне одноразовую салфетку и заставила удалить помаду, которой я накрасилась. Теперь Клара хотела сделать то же самое, и мне это показалось смешным.

– Я свободная, белая, мне двадцать один год, – сказала я ей. – И я определенно достаточно взрослая, чтобы красить губы.

– Это не имеет ничего общего с возрастом, – твердо сказала Клара, – Если ты хочешь раскрасить лицо и быть клоуном, то продолжай. Но для сохранения энергии кожа, особенно вокруг рта, глаз и лба, не должна содержать вредных веществ. Даже лосьон для лица следует использовать в умеренных количествах. Она сделала долгое отступление о том, как химические вещества, даже так называемая органическая косметика, впитываются в кожу и попадают внутрь, как в случае с помадой, через контакт с языком.

– А как насчет туши? – раздраженно спросила я, – Ты хочешь, чтобы я выглядела как кролик с розовыми глазами?

Клара раздраженно подняла руки.

– Лучше уж выглядеть как кролик, чем как летучая мышь из ада, – сказала она, – Эта черная штука попадает тебе в глаза, потому что ты постоянно их трешь. Почему бы не оставить свое естественное лицо? Вокруг нет мужчин, которые могли бы привлечь твое внимание.

– Если я не нанесу немного румян, я буду выглядеть как воскресший труп, – настаивала я.

– Ты будешь выглядеть как воскресший труп, если напялишь румянец, – сказала Клара, скидывая мой набор для макияжа со стола в мусорное ведро, – Прекрати использовать его, и ты заметишь, как твоя кожа приобретет естественное сияние и ее цвет вернется. Подумай, сколько времени ты сэкономишь, если не будешь беспокоиться о своей внешности. Кроме того, как я уже сказала, ты здесь не для того, чтобы поймать мужчину. Вот что такое макияж. Я права?

Она была права. Журналы мод и реклама наводят на мысль, что женщина не одета, пока не накрасилась. Я решила последовать ее советам, и через две недели моя кожа из мертвенно-бледной стала темнеть, пока не вернула себе естественный цвет и блеск. В завершении этого, я стала мазать губы помадой из натурального пчелиного воска, который, по моему мнению, не подходил в категорию макияжа и не имел цвета и запаха.

Итак, закутавшись в пончо, я несколько минут ожидала Карлоса. Мы вышли на площадь, окруженную галереей магазинов. Ресторан находился на цокольном этаже старого отеля. Вдоль галереи стояли столики на открытом воздухе, но большинство людей сидело внутри из-за прохладного ночного воздуха. Высокий официант, одетый во все черное, за исключением белого полотенца на талии, усадил нас возле колонны, в которой находилась ниша, где музыканты играли свою веселую мелодию. Я просмотрела меню, но не могла решить, что заказать. Когда официант вернулся, Карлос заказал жареные стейки, рис и много лепешек для нас двоих.

– Не ешь помидоры, – предупредил он меня, когда официант принес салат из лука и небольших помидоров, которые, по-видимому, входили в состав заказанного блюда.

– Если я съем помидоры, я умру? – обеспокоенно спросила я и рассказала ему, случай с одним профессором антропологии, который у меня произошел. По дороге в деревню, где он должен был проводить свои полевые исследования в Новой Гвинее, он отрезал свежий помидор от куста и съел его. Через час все его тело покрылось волдырями, и он впал в кому. Четверо уроженцев Гурурумбы должны были неуклонно нести его вниз по склону горы на импровизированных носилках, где его спешно отправили в местную больницу. Оказалось, что у антрополога была аллергия на токсины этого сорта томатов, и он чуть не умер.

– Нет, здесь не всё столь драматично, – ответил Карлос, – но помни: тебя может настигнуть месть Монтесумы.

– Я слышала, что это само по себе может быть довольно драматичным, – сказала я, отложив салат в сторону.

Мы закончили стейки. Это было восхитительное мясо, замаринованное в остром соусе с жареным луком.

– Разве ты не собираешься есть свой рис? – спросил Карлос, указывая на целую кучу риса на моей тарелке.

– Я никогда не ем рис.

– Это противоречит твоей религии? – пошутил он.

– Нет, я просто никогда не ем его. Даже когда я была ребенком, мама, зная, что я не буду есть рис, всегда готовила мне пюре вместо риса. Не знаю, почему мне никогда не нравился рис. Мне он просто не нравился и всё.

– Может, потому, что ты была принцессой?

Меня обеспокоило предположение, что я была испорченной и капризной, так как это совершенно ко мне не относилось.

– Она готовила мне картошку так как знала, что я не буду есть рис. Если ты действительно хочешь знать, рис напоминает мне кучу кишечных червей, которые, если посмотреть на них, казалось, оживали на моей тарелке. Я просто не могу их проглотить. Карлос посмотрел на меня и покачал головой.

– Интересный случай для доктора Кац, – изрек он торжественно

– Кто такой доктор Кац?

– Он психиатр, у которого я когда-то работал в Нейропсихиатрическом институте Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Я брал интервью у пациентов и оценивал записанные сеансы с точки зрения тщательного контент-анализа.

– Ты был в N.P.I.? – удивилась я. – Я тоже. Насколько тесен мир.

– Что ты там делала? – обеспокоенно спросил он.

Я была шокирована. Видимо он подумал, будто я была в нейропсихиатрическом институте в качестве пациента, и я оскорбилась его неуверенностью в моем здравом уме.

– Я не была пациентом, – быстро сказала я, проясняя ситуацию, – Я проводила там исследование, как и ты. Я работала над проектом с участием детей-аутистов.

– Звучит интересно, – сказал он, потянувшись за моим рисом.

– На самом деле, это был один из самых скучных проектов, над которыми я когда-либо работала, – Я пододвинула к нему тарелку, чтобы бобы не разлетелись по столу, – Целью исследования было научить ребенка говорить, а точнее произносить фонемы. Мне пришлось сидеть перед мальчиком, который находился в маленькой изолированной кабине со встроенным окном, чтобы он не отвлекался. Я держала его лицо и говорила: «Посмотри на меня, посмотри на меня». «Скажите ммм, мммм, мммм. Мальчик пытался ускользнуть, отвернуться и встать со скамейки, что угодно, только не произнести «ммм». Если случайно он издал звук «ммм» или что-то отдаленно похожее, процедура требовала, чтобы я совала ему в рот конфету M&M. Затем я переходила к другой фонеме, повторяя слова: «Посмотри на меня». «Смотри на меня». «Скажи ах, ах, ах». И так около часа, пока я сама не начинала превращаться в идиота.

Карлос спросил:

– И многого ты добилась с таким подходом?

– Ты что, шутишь? Это было бесполезно. Я сомневаюсь, что кто-либо из детей когда-либо научился говорить, хотя я достаточно долго и постоянно занималась этим проектом, чтобы посмотреть, что получится. Мне было так неприятно пытаться привлечь внимание ребенка и издавать эти странные звуки, и я сама съела большую часть конфет M&M. Полагаю, это была награда за мои тяжкие труды в попытках заставить маленьких мальчиков сидеть спокойно. Должна признать: тем летом я набрала несколько лишних килограммов. Я так и не смогла натренировать этих детей.

– Я не согласен, – сказал Карлос. На моем попечении была аутичная девочка, и всего через несколько недель я заставил ее говорить. Я водил ее в цирк и зоопарк. Мы прекрасно провели время. Она говорила, но только со мной.

– Я думала, что ты проводишь контент-анализ лент с интервью, записанных в N.P.I., – сказала я.

– Я занялся этим уже после того, как меня отстранили от работы с аутичными детьми, – объяснил Карлос, – Руководитель проекта был в ярости, что я относился к девочке как к человеку. Она мне очень понравилась; для меня она была хорошим человеком, а не просто предметом исследования.

– Я, наверное, завидую твоему успеху. – сказала я. – Я знаю, как обстоят дела у исследователей, все они хотят заявить о каком-либо важном прорыве.

Карлос пожал плечами:

– Он дал мне работу, где я не общался напрямую с людьми. Он заставил меня слушать записи сеансов психиатрии. Я часами слышал жалобы от людей по всем мыслимым вопросам. Некоторые проблемы были подлинными, но в большинстве случаев люди просто хотели внимания.

– Наверное, это правда, – сказала я, промакивая соус небольшим кусочком тортильи, – Кто не хочет внимания или привязанности?

Карлос взглянул на меня.

– Самый главный вопрос, кто готов им это дать? У меня есть друг, который каждое утро открывает окно своей комнаты и кричит во все горло: «Кто-нибудь там меня любит?» Конечно, он ненавидит свою жену и всех вокруг. Но он действительно хочет безусловной любви.

– Ты, наверное, думаешь, что я никогда не ем рис, потому что мне нужно внимание или, может быть, любовь, – робко пробормотала я.

– Я не знаю, – ответил он и посмотрел на меня так, что мне пришлось отвести глаза. Любовь для меня была деликатным вопросом, который мне не хотелось обсуждать.

– Кстати, ты ешь кукурузу? – спросил Карлос. Наверное, он пытался оценить мой психологический профиль через продукты питания.

– Я ничего не имею против кукурузы. На самом деле, это мой любимый овощ, – сказала я, преувеличивая свой пыл.

– Тогда давай закажем торт из сладкой кукурузы.

Когда его принесли, я его отведала. Хотя у меня никогда не было кукурузы на десерт, пришлось признать – что торт был восхитительным.

После того, как Карлос заплатил официанту, он предложил посмотреть фильм. Я была слишком взволнована и не смогла бы заснуть, поэтому согласилась, хотя предполагала, что фильм будет на испанском, поэтому мне будет трудно понять.

Кинотеатр находился в нескольких кварталах от ресторана, и он не выглядел как кинотеатры, которые я привыкла видеть в Америке, не было шатров и мигающих огней. Это было обычное здание в испанском стиле, с несколькими плакатами перед ним и маленьким окошком в качестве кассы. По плакатам я могла видеть расписание сеансов: следующие фильмы будут с Чарльзом Бронсоном и еще один с Cantinflas.

– Это настоящий сюрприз, – обрадовался Карлос, – Показывают фильм о кунг-фу. Ты сказала мне, что изучала боевые искусства, и я почувствовал облегчение, так как в фильмах о боевых искусствах тебе не обязательно понимать язык. Действие говорит само за себя.

Когда мы вошли в помещение, было темно, из-за ропота людей я почувствовала, что комната заполнена. Когда наши глаза привыкли к темноте, Карлос провел нас в задний ряд, где мы обнаружили два свободных места. Я хорошо осознавала запахи вокруг себя. Кто-то позади меня сильно кашлял. Он, должно быть, еще и пил и я чувствовала запах крепкого алкоголя, идущий с той стороны. Что еще хуже, из задних рядов исходил запах засохшей мочи…

Шоу только что началось. Это был фильм о Брюсе Ли, дублированный на испанский язык. Его дублированный голос был совсем не похож на голос Брюса, который был немного крикливым, особенно когда он издавал свои звуки во время боевых упражнений. Дублирующий голос представлял собой низкий, очень сварливый баритон, соответствующий мексиканскому образу борца кунг-фу. Но вскоре я привыкла к голосу и запахам и была очарована происходящим: Брюс Ли проделывал сложнейшие финты с нунчаками.

Зрители кричали, приветствовали, вставали и откровенно насвистывали, пока он с головокружительной скоростью прокручивал нунчаки под мышками. Видимо, большую часть аудитории составляли мужчины, но в группе было несколько женщин, это было видно, потому что их головы лежали на плечах партнеров. Я предположила, что это молодые встречающиеся пары. Мой японский учитель обучал бою с оружием только учеников мужского пола. Когда я спросила своего инструктора, почему я не могу изучать оружие, как и его ученики-мужчины, он отвел меня в свой личный кабинет и тщательно объяснил истинное значение каратэ. Слово Кара означает пустой, Тэ означает кулак или руку. Поэтому суть карате – это пустая рука, борьба без оружия. Он ясно дал понять, что я должна посвятить себя изучению сути каратэ и не беспокоиться об изучении оружия, которое, в первую очередь, не так уж полезно в руках женщины.

– Тело – это оружие, – сказал он. Это оружие высшего порядка. Совершенствуй его, и ты будешь контролировать любую ситуацию.

– Что, если я буду идти по темному переулку и на меня нападет кучка головорезов? – спросила я, – Смогу ли я защитить себя?

– Почему ты вообще думаешь о том, чтобы ходить ночью по темным переулкам? – спросил он, – Правило мастера боевых искусств – уметь избежать проблемы до ее начала.

– Он никогда не говорил мне, как это делать – я уверена, он и сам не знал. Но когда я спросила г-на Абеляра: «Как избежать проблем до того, как они начнутся?» Он ответил: «Твое энергетическое тело подскажет тебе, когда возникнут проблемы. С помощью своего энергетического тела можно увидеть, что происходит вокруг тебя. Подведи итоги и позволь видящему пробудиться в тебе и прийти на помощь. Он добавил, что маги, тренирующие энергию или дубля, способны пробивать стены или летать по воздуху и делать вещи, невозможные для физического тела.

Брюс Ли издал свой коронный вопль, вырубив одного из кучи головорезов ударом ноги в прыжке. Я пообещала себе, по возвращении в Лос-Анжелес начать ежедневные тренировки по боевым искусствам.

Я не собиралась также бросать и магические пассы, которым меня обучила Клара. Я найду время и займусь ими. Больше всего мне хотелось, чтобы во мне пробудился видящий. Я почувствовала дуновение воздуха на своей шее и подумала, что, должно быть, включили кондиционер на полную мощность, хотя я не слышала шума двигателей. Я посмотрела вверх, надеясь увидеть, работают ли какие-нибудь вентиляторы, но все, что я увидела, это ровный черный потолок с белыми пятнами и несколько каналов для кондиционирования воздуха. «Кто-то действительно испачкал потолок краской из баллончика», – подумала я.

Я снова вернулась к фильму. Но поток не прекращался, и я наконец наклонилась к Карлосу.

– Мы можем поменяться местами? – прошептала я, – Кондиционер дует мне на шею.

– Ночью в Гуаймасе очень ветрено, – сказал он, не отводя глаз от экрана.

– Какой ветер?

Я снова подняла глаза и испытала момент полного диссонанса восприятия. Внезапно я увидела, что мы сидим снаружи, и то, что я принимала за потолок с пятнами, на самом деле было небом, пятна – кучевыми облаками, а воздуховоды оказались тенями от деревьев. Как будто какая-то сила явилась и сорвала крышу, пока я смотрела фильм. Я почувствовала пустоту в животе, которая бывает, когда вы спускаетесь в скоростном лифте; одновременно макушка моей головы вытянулась вверх, резко нарушая все законы физического пространства. Я схватила Карлоса за руку, чтобы он поддержал меня, так как мне казалось, словно какая-то часть меня устремилась вверх и поднимает меня в воздух за пределы кинотеатра.

– Тут нет потолка, – прошептала я, – Мы на открытом воздухе!

Карлос повернулся ко мне и сказал:

– Я думал, ты заметила это, когда мы приехали сюда.

– Откуда я должна была это знать? Когда мы вошли, было темно.

Я почувствовала отвращение к себе за свое смятение и удивление так как ранее приняла обязательство быть более бдительной и внимательной. А теперь я не заметила такого очевидного факта, как отсутствующий потолок. Я знала, что, несмотря на мой перепросмотр, я продолжаю и дальше принимать всё как само собой разумеющееся.

Если что-то действительно не ударит меня по голове, то я этого не замечу. Я винила в своей полной тупости мое ленивое воспитание «среднего класса». Когда я поступила в католическую школу, меня научили беспрекословно подчиняться авторитету. Вся моя жизнь была основана на принятии догм, на вере в мир вокруг меня, без раздумий, без изучения, без лишних вопросов к окружающим. Клара предупредила меня об этом моем положении вскоре после того, как заставила меня заняться перепросмотром. Она сказала, что у меня ленивое энергетическое тело, фактически полностью спящее.

– Твои ценности были переданы тебе твоими родителями, школами, в которые ты ходила, культурой, в которой ты живешь, а также самой силой разума, которая делает тебя не способной отклониться от ожидаемого, – сказала она, – Если ты не покончишь со своей старой жизнью, ты будешь жить и умрешь, так же как твои родители. В рамках своей семьи ты можешь увидеть, что тебя ждет.

Её слова ужасно потрясли меня, потому что повторять жизни моих родителей было последним, что я хотела сделать. Однако, даже несмотря на перепросмотр, таинственная сила все еще заставляла меня воспринимать всё в терминах данного шаблона. В моем прошлом опыте у всех кинотеатров были крыши, так что и настоящее не могло быть исключением. Я не знала, что заставило меня внезапно подумать об ошибочности моего изначального предположения. Возможно, та же сила, которая заставила меня «одеть» крышу у меня над головой, теперь позволила мне увидеть, что крыши там нет.

Это была таинственная сила или намерение, которую анализируют феноменологи и которую маги в своих практиках пытаются изменить или остановить. По словам феноменологов, я расширила восприятие и придала ему пространственное и временное соответствие. Восприятие пришло подготовленным. Все, что вам нужно было сделать в детстве, – это выучить определенные категории, и мир предстал перед нашими глазами, которые сделали его последовательным, законченным и неизменным.

Маги должны показать нам, что это еще не все существующее в мире. Возможно изменить восприятие, выйти за его пределы и создать другую такую же последовательную реальность. Я однажды спросила Клару, почему внешний вид ее дома не кажется стабильным, но все время менялся в зависимости от того, как смотреть.

– Это намерение магии построило дом и наделило его Силой. Он пронизан особым видом энергии, способным превратить его из обычного дома в место Силы. Возможно, однажды ты построишь свой собственный дом и воплотишь в нем непостижимое особое намерение магов.

– Я не знаю, как это сделать, Клара, – сказала я ей, – У меня нет Силы.

Она засмеялась и сказала, что у каждого есть Сила остановить глупость и потворство слабостям, но некоторые люди слишком ленивы или боятся её использовать. Как только человек уходит от старого себя, практикуя перепросмотр, магические пассы и успокаивая внутренний диалог, он может стать чем-то большим. Точно так же, как дом магов стал чем-то другим под властью могущественных и безупречных намерений живущих в нем существ.

Из её слов было ясно, что для магов восприятие было подчинено другому намерению, нежели то, которое управляло нашей повседневной жизнью. В доме магов могла исчезнуть стена, или, может быть, взорваться крыша, или дверь, которой раньше не было, могла возникнуть внезапно. Это соответствовало бы способу восприятия мага, его энергетической конфигурации, которая сама по себе была легкой и текучей. Барьеры восприятия не были жесткими.

Я вернулась к фильму. Мое тело адаптировалось к новым условиям окружающей среды. Вместо того, чтобы чувствовать себя запертой в душном кинотеатре с включенным кондиционером, я чувствовала бесконечное пространство над своей головой. Воздух был свеж, и удушливые запахи, которые так угнетали раньше, исчезли. Восприятие действительно было безграничным и загадочным делом. Из миллиардов возможностей, существующих во Вселенной, человек ограничился лишь некоторыми. Его способность изолировать и выбирать – это то, что дает ему чувство безопасности, уменьшает диссонанс и позволяет жить в том, что он считает безопасной средой, когда смерть существует только где-то там, в будущем.

Однако, чтобы отойти от известного, нужно, как это делают феноменологи, подвергнуть сомнению основные, само собой разумеющиеся, формы восприятия. Но для такого маневра с реальностью, нужна минимальная возможность восприятия ее по-другому. Только тогда можно будет узнать то, чего еще не знаешь; или увидеть что-то, чего раньше не видел.

Я поняла: Клара и Эмилито хотели научить меня новому способу восприятия телом; способ, в котором личное или психологическое «я» не имеет приоритета. Бесчисленное количество раз им приходилось сообщать мне, о наличии других возможностей восприятия, открытых для нас, возможностей, не включенных в наше повседневное понимание мира. Они настаивали на тщательном перепросмотре своей жизни который может освободить склад от знакомых предметов и откроет дорогу в неизведанную местность. Они сказали, что ключ к успеху – это отпустить известное и привычное. Накопление энергии для движения было средством.

– От чего мне нужно держаться подальше? – продолжала настойчиво спрашивать я.

– От своих и от чужих ожиданий относительно себя самой, так как это и есть сумма всего, чем ты являешься и чем надеешься стать, – ответила Клара, – Отпусти и позволь энергии воздействовать непосредственно на твои чувства, не интерпретируя и не думая своим скудным умом. Если тебе нужно интерпретировать, то поступай так же, как маги, то есть разрабатывай свои категории, а затем избавляйся от них.

– Скажи мне, Клара, что такое маг? – спросила я.

– Маг – это тот, кто благодаря дисциплине и сбережению энергии способен воспринимать больше, чем повседневный мир, – ответила она.

Постепенно для меня стало ясно, как у магов возник свой способ восприятия и интерпретации. Намерение, установленное поколениями магов, каждый из которых добавлял к нему свою Силу, собственное понимание, свои личные объяснения, привело к параллельной реальности, столь же реальной и предсказуемой, как та, в которой мы родились. Нужно было использовать магию, чтобы охватить восприятие, а затем применить магические техники, чтобы сломать барьеры, удерживающие нас в его плену.

– Но неужели мы навсегда обречены объяснять и интерпретировать мир?– спросила я.

Клара покачала головой.

– Нет. В конце концов, мы доходим до того, что не нужно объяснять или давать какие-либо пояснения. Тогда человек уже перестает думать и молча погружается в тайну, которая нас окружает.

Глава 7: Станция Викам

Я плохо спала. Сны, которые мне снились, были настолько яркими, что их можно было бы принять за реальность. Я проснулась в изнеможении, так как всю ночь бродила по гористой местности. Во время завтрака я попросила Карлоса рассказать мне, куда мы собираемся и что меня ждет, когда я там окажусь.

– Я отвезу тебя на встречу с некоторыми людьми. Это всё, что я могу сказать сейчас.– ответил он без эмоций, – И нет никакого способа узнать, чего ожидать, когда мы прибудем на праздник, так как Сила непредсказуема.

– Праздник? Какой ещё праздник?

– Встреча, вечеринка, – сказал Карлос, жестом показывая официантке принести чек.

– В таком случае мне лучше переодеться во что-то более презентабельное, – сказала я ему.

Пока Карлос оплачивал счет, я поспешила в свою комнату. Единственной нарядной одеждой в моей дорожной сумке были бежевая льняная юбка и шелковая блузка без рукавов, которые я купила на деньги, которые мне оставила Нелида. Я положила одежду в сумку в последний момент, даже не думая о том, чтобы когда-нибудь ее надеть. Теперь я быстро надела их и поспешила за дверь. Карлос стоял возле машины и проверял охлаждающую жидкость под капотом.

– Где именно вечеринка? – спросила я, пытаясь сдержать волнение.

– В городе Яки Бакум, – сказал он, хлопнув капотом. – Как я уже говорил, я хочу, чтобы ты познакомилась с некоторыми людьми, с которыми я связан. У них небольшая встреча в твою честь.

– В мою честь? Но я никогда их не встречала, не так ли?

– Нет, не встречала. Но они с нетерпением ждут встречи с тобой.

– Почему? Ты рассказал им обо мне? Когда ты их видел? Мы же постоянно были вдвоем с тех пор, как пересекли границу.

Если Карлос не сбегал из своей комнаты ночью, то он не мог ни с кем встретиться. Может быть, кто-то позвонил ему по телефону или отправил сообщение. Меня охватило странное волнение. Единственными людьми, которых я встречала в Мексике, были Клара, Нелида, мистер Абеляр, и, конечно же, Эмилито, который, я была уверена, не был тем, кто посещает вечеринки.

– Не могу дождаться встречи с ними. – сказала я с энтузиазмом. – Я хорошо выгляжу?

Карлос внимательно осмотрел меня.

– У тебя нет подходящей обуви для ходьбы?

– Я не могу носить походные ботинки с этой одеждой, – сказала я. Это испортило бы мою внешность.

Я поняла, что сделаю все от меня зависящее, чтобы произвести впечатление на людей, с которыми я встречусь, вплоть до ношения неудобных босоножек. Ведь я хотела выглядеть стильно, а не так, как будто я путешествовала по пустыне, одетая непонятно как. Кроме того, Карлос говорил, что вечеринка будет в чьем-то доме и мы поедем туда. Насколько я поняла, в наши планы не входила длительная пешая прогулка.

– Хорошо, тогда пошли, – сказал Карлос.

Я села в машину, очень стараясь не помять юбку. Мы покинули Гуаймас и направились на юго-восток к городам яки. Вполне очевидно, Карлос много раз ездил по мексиканским дорогам, потому что его машина приспосабливалась к дороге, умело преодолевая повороты. Однако каждый раз, когда дорога уходила за поворот, я затаивала дыхание в надежде не попасть под встречный фургон или автобус, который вылетит на нашу полосу движения. Вдоль дороги, как постоянное напоминание о несчастье, стояли деревянные кресты или алтари с увядшими цветами, отмечая место, где машина слетела с дороги, кто-то попал в аварию или на кого-то случайно наехали. К моему ужасу, этих мрачных памятников было устрашающе много.

Мы подъехали к небольшому городку, состоящему из группы глинобитных домов с дверями, ведущими в темные, похожие на пещеры комнаты. В открытом дворе, обнесенном тростниковым забором, я увидела толстого белого цыпленка, которого дразнили два маленьких красноватых цыпленка. Рядом с домом стояла покрытая ржавчиной машина без колес, видимо то, что осталось после аварии, металлолом, который больше уже никому не был нужен.

– Это один из городов яки? – спросила я

– Нет, это Эмпалм. Впереди поселения яки. Бакум, куда мы направляемся, – один из восьми городов, которые яки считают расположенными на священной земле. В хрониках Рахум записано, что они были созданы до прибытия испанцев.

– Что такое хроники Рахума?

– Это список памятных дат в истории яки. Согласно летописи, было четыре великих человека, которые созвали и объединили людей и повели их через границы страны Яки. Они отправились в Кабору на ручье Кокораки, а оттуда в Такалаим, вершину к северу от Гуаймаса. Продвигаясь вдоль границы, они проповедовали и пели с народом, тем самым устанавливая границу территории яки. После этого они основали Восемь деревень. Торжественная вера в происхождение территории их племен – это песня, устанавливающая границы и города в какой-то момент в далеком прошлом.

– Какие еще семь городов?

– Корит, Викам, Торим, Потам, Кахум, Уиривис и Белем, – сказал Карлос. Они были расположены в 60 милях ниже по реке Яки. Но в течение девятнадцатого века главное русло реки Яки под Потамом резко изменилось, и Белен полностью лишился воды; подача воды в Уиривис и Кахум была сильно ограничена.

– Что случилось с людьми в этих городах?

– Им пришлось переехать в другое место. Многие получили землю от народа Потама, другие переехали в Эмпалме или создали новые поселения. Но с постоянным вторжением мексиканцев в их земли, большая часть яки покинула такие изначальные земли, как Бакум, и основала новые города в других местах, часто с тем же названием. То же самое произошло и с Викамом. Новый центр города, названный Станцией Викам, был основан в зоне железной дороги Викам. Однако большинство людей, которые сейчас там живут, – мексиканцы.

Мы миновали другой населенный пункт, расположенный ниже. Там было ещё больше глинобитных домов с низкими потолками, окруженных тростниковыми заборами, которые удерживались на месте скрученными палками. Толстая женщина с шалью на голове стояла в дверном проеме и смотрела, как машины проезжают по шоссе. Рядом с домом стояла пара пыльных серых ослов, привязанных к небольшому загону с покатой рамадой. Старик, который еле поднялся на холм, толкал четырехколесную телегу, полную навоза.

Повсюду группы мужчин стояли у обочины дороги, как будто ожидая, когда автобус или грузовик заберет их и отвезет в Гуаймас. Когда мы проезжали мимо, они поприветствовали нас. Паршивая собака залаяла и побежала за машиной, когда мы замедлили движение, чтобы повернуть, но затем мы увеличили скорость и оставили собаку жевать облако пыли.

Около полудня Карлос свернул с главной дороги на хорошо утрамбованную грунтовку. Мы ехали сквозь жару и пыль через небольшую группу глинобитных домов, разбросанных наугад, без обычных кварталов или запланированных улиц. Некоторые дома имели крыши из гофрированного железа и стены из сырца. Их строили друг против друга, по 4 или 5 комнат в доме, что позволяло большой семье жить вместе. Иногда забор из тростника полностью отделял их от соседей.

– Здесь живут индейцы яки? – спросила я, закрывая окно, чтобы пыль не попадала в машину. Карлос указал в противоположном направлении.

-Нет. Индейцы яки живут на другой стороне дороги, за забором из тростника, который мы видели, когда ехали раньше. В этих домах живут мексиканцы, или орис, как их называют яки. Карлос сказал, что мексиканские дома на Станции Викам построены лучше, чем те, что по другую сторону главной дороги. В них были бетонные полы, в некоторых было электричество, и у семей есть телевизоры, радио, велосипеды, а иногда даже автомобиль или грузовик.

– А как насчет индейцев яки? Как живут они? – спросила я.

– В их домах земляные полы, нет электричества, и им приходится брать воду из колодцев или идти к оросительным канавам с пятигаллонными канистрами из-под бензина, – ответил Карлос.

– Даже здесь важно родиться на правильной стороне шоссе. – сказал я. – Весь мир разделен на имущих и неимущих.

Карлос сказал, что разграничения и сравнения универсальны; всегда были люди, у которых что-то есть и у которых этого нет, независимо от того, насколько они бедны.

– Дихотомия является частью человеческого состояния, – пояснил он. – Она выражается в контрастах и противопоставлениях. Как день и ночь, мужчина и женщина.

– Хот-доги и гамбургеры, – добавила я.

Он вопросительно посмотрел на меня. Я рассказала Карлосу, что в жаркие летние дни мы с братьями бегали голыми через разбрызгиватели. Они дразнили меня, говоря, что у меня нет придатка для хот-догов, как у них. Они сказали, что мой похож на гамбургер. Когда я стала утверждать, что гамбургеры лучше хот-догов, они тут же продемонстрировали обратное, писая идеальными дугами. Когда я тщетно пыталась сделать то же самое, они смеялись, потому что я могла писать только прямо вниз.

– Они убедили меня, что я родилась без чего-то важного, – сказала я Карлосу, – и я неполноценная. Это чувство преследовало меня всю оставшуюся жизнь. Я чувствовала себя обманутой из-за того, что не родилась мальчиком

– Хот-доги не лучше гамбургеров, – смеясь, сказал Карлос, – ты была обманута авторитетом и уверенностью мужчин в своем превосходстве так как мальчики были желанными для отцов, в то время как девочки, как правило, нет. Мужчины с самого начала поставлены в привилегированное положение, но мы, по сути, не превосходим вас.

Я вспомнила, как Клара уверяла меня в том же.

– Матка дает жизнь, – сказала она, – она может творить, быть источником Силы, двигать вещи и заставлять их происходить. Ты дура, если слепо и безоговорочно принимаешь низшее положение. Почему бы вместо этого не занять позицию Силы и уверенности? Матка может дать тебе все это и даже больше. Это орган самой жизни.

Группа детей радостно бежала за машиной, бросая в нее мелкие камешки. Карлос припарковался перед домом. Подъездная дорожка вела к двери, которую закрывала синяя занавеска. Мгновенно маленькие дети столпились вокруг машины, колотя и пиная по шинам. Другие держались на расстоянии и широко раскрытыми глазами наблюдали, как мы выходим из машины.

Это место для вечеринки? – спросила я, избегая детских глаз. Карлос покачал головой.

– Нет. Но сначала я должен отдать дань уважения нескольким друзьям. Они всегда были очень милы со мной.

Поприветствовать нас вышла женщина в белой вышитой блузке, длинной выцветшей синей юбке и коричневом фартуке. Ее кожа была смуглой и гладкой, а глаза яркими, черными и дружелюбными.

Карлос представил ее как донью Мерседес. Она тепло улыбнулась и крепко пожала мне руку, а затем отдернула занавеску и пригласила нас в свой дом. В комнате царила полутьма, стены были оштукатурены, а цементный пол недавно вымыт. Я была удивлена насколько он был прохладным. Красноватая занавеска на окне создавала в комнате мягкое освещение. Занавеска колыхнулась от ветра и впустила луч света, который устремился от окна в комнату.

Через открытую дверь я увидела железные койки, выстроенные в ряд, как в армейской казарме. Рядом с кроватью стоял комод с алтарем наверху. Я заметила распятие, украшенное четками и фотографию Богоматери Гваделупской. К нему прислонилась фотография молодого человека. Святилище было покрыто цветами и на нем горели две зажженные белые свечи.

Мне пришло в голову, что тут недавно кто-то умер. Алтарь был украшен словно в память о покойном члене семьи. Мы сели на темно-бордовый диван, который потерял большую часть своей набивки. Я почувствовала, как проваливаюсь вглубь, пока не ударилась о твердую доску. Пружины неудобно впились в мой зад, но встать и пересесть было бы, на мой взгляд, невежливо.

Две девочки в возрасте от восьми до десяти лет изредка заглядывали в комнату из-за синей занавески и бурно хихикали. Карлос достаточно долго разговаривал с доньей Мерседес, одновременно имитируя с девочками игру в прятки. Затем хозяйка сказала Карлосу что-то на быстром испанском, которого я не поняла.

– Донья Мерседес говорит, что Бенни вернется в любую минуту, – сказал Карлос. Он пошел в магазин за прохладительными напитками.

– Они знали о нашем приезде? – Спросила я.

– Кто-то видел машину на дороге, – ответил он, – они знают, что я всегда останавливаюсь возле этого дома, когда приезжаю.

Мне не терпелось познакомиться с Бенни, младшим сыном доньи Мерседес. Карлос сказал, что Бенни было чуть больше двадцати, и иногда, когда он сам приезжал в Викам, то останавливался в комнате Бенни, если того не было в этот момент дома.

Бенни строил каналы для огромных кооперативных ферм, принадлежащих мексиканскому правительству. Его старший брат, Рауль, недавно погиб в результате оползня, при взрыве динамита, когда они строили туннель через холм. Я шепотом напомнила Карлосу, как во время нашей поездки из Гуаймаса он рассказал мне историю о своем друге, который мечтал жить в Соединенных Штатах. Карлос кивнул: каждый раз, когда он приезжал, Бенни умолял спрятать его в багажнике своей машины и переправить через границу.

Карлос всегда отказывался, но это не мешало их дружбе. Бенни чувствовал, что судьба сильно обделила его, позволив родиться не на той стороне Рио-Браво. Особенно когда его мать, которая была беременна им, навещала родственников в Тусоне, она могла родить его там, чтобы он стал гражданином Соединенных Штатов. Он постоянно говорил о поездке на север, хвастаясь, как дважды добирался до Аризоны, но был пойман и депортирован.

Бенни знал, на каких машинах ездят американцы, о больших домах, в которых они жили, и он даже бывал в огромных, хорошо укомплектованных универмагах в Фениксе. Однажды, возвратясь домой с работы в поле, Бенни мылся на заднем дворе под душем и еще раз попросил Карлоса спрятать его в багажнике своей машины, когда он будет уезжать в США на следующий день. «Я бы хотел принять приличный душ», – сказал ему Бенни.

Карлос заверил своего друга, что, хотя он не может отвезти его в Соединенные Штаты, его мечта осуществится: он получит душ своей мечты. Бенни выглядел удивленным.

– Это невозможно, – сказал он.

– Не совсем, – настаивал Карлос.

– Когда я был ребенком, то помог дедушке построить душ на его ферме. Я собираюсь построить такой же специально для тебя.

Карлос описал, как он мог подключить трубу к резервуару для хранения воды в задней части дома. С помощью ряда шкивов и под действием силы тяжести вода стекала в меньший резервуар за пределами зоны приготовления пищи. Цепь, прикрепленная к пробке, при отпускании позволяла воде хлынуть через насадку душа с достаточным давлением, чтобы облить любого, кто стоял под ней. Он даже построил бы тростниковый барьер для уединения и позволил бы собирать воду в корыто внизу для переработки.

– Ты сумасшедший, – сказал Бенни, услышав планы Карлоса, – Что это за душ? С таким же успехом можно искупаться в ирригационной канаве.

Карлос признался, что был ошеломлен.

– Мне нужен душ с кафельными стенами, стеклянной дверью с выгравированными на ней лебедями, я видел такой в журнале «Дом и сад»; и с настоящим водопроводом с горячей и холодной водой как в большом городе.

Карлос признался: ему и в голову не приходило, что его друг имел в виду именно это. Он должен был признать правоту Бенни: такой душ невозможно построить там, где он жил.

– И вы по прежнему остались друзьями? – Спросила я.

– Да, но подарки, которые я всегда приносил с собой: одежда для двух его сестер, радиоприемники и портативный телевизор уже казались неподходящими.

Занавеска на двери раздвинулась, и вошел высокий худой молодой человек с обаятельной улыбкой, одетый в американские левисы, черную кожаную куртку и бейсболку. Он обнял Карлоса, несколько раз похлопав ладонями по спине. Затем взглянул на меня, сидевшую на диване, и застенчиво улыбнулся, когда нас представили. Обменявшись несколькими предложениями по-английски, он, казалось, исчерпал свой словарный запас, и разговор вернулся на испанский.

Через отверстие в занавеске я увидела девочек, играющих на улице. В какой-то момент донья Мерседес повела меня к заднему крыльцу, покрытому рамадой. Это также была кухонная зона, где пища готовилась в огромных алюминиевых кастрюлях над отверстием, выложенным камнями. Сбоку я увидела резервуар для хранения воды.

Я осмотрела всю территорию глазами подрядчика, гадая, можно ли построить ванную комнату. Там было достаточно места, но, конечно, не было водопровода. Я вспомнила красивую ванную комнату в доме Клары, где вода таинственным образом текла из-под пола. Вода подавалась из естественного подземного источника. Но вокруг дома Бенни не было проточной воды, за исключением колодца, использование которого было ограничено, так как приходилось таскать воду ведром. Я поняла, что построить ванную комнату в доме Бенни – действительно невыполнимая задача. Надо было всё перестраивать.

После дружеского разговора мы встали и попрощались. Бенни пошел с нами, чтобы сопровождать нас, часть пути. Он вызвался показывать нам дорогу, поскольку указателей не было и мы легко могли заблудиться, если свернем не туда. Кроме того, он также хотел посетить Бакум, где жил его любимый дядя. Пока мы ехали, Карлос разговаривал с Бенни на переднем сиденье. Я могла бы сказать, что Карлос нервничал. Его руки крепко держали руль, как будто он сжимал кулаки. Сначала я подумала, что это из-за присутствия Бенни в машине, но потом пришла к выводу, что его заставляет нервничать предстоящая встреча. После тщательного анализа я пришла к выводу, что никогда не ходила на многолюдные сборища, так как боялась их и не хотела выставить себя дурой. Позже у меня появилась веская причина не связываться с людьми и их делами. И Клара, и Эмилито предупреждали меня, чтобы я не становилась жертвой социального гипноза.

– Единственная забота мужчин, – сказала Клара со своей обычной откровенностью, – это манипулирование женщиной, с целью оставить своих светящихся червей внутри твоего тела.

– О чем ты говоришь? – потребовала разъяснить я.

Клара объяснила. Во время секса мужчина оставляет свою энергию внутри тела женщины. Эти светящиеся черви, как она их называла, питаясь энергией женщины, заставляют ее энергично удерживать мужчину против **ее** воли или желания. Маги не тратят свою сексуальную энергию зря, но накапливают ее для использования при сновидении или сталкинге.

– И то и другое требует огромного количества энергии, – сказала Клара. – Наша основная энергия – это сексуальная энергия. И мы не должны рассеивать её в мгновенном порыве с кем-то, о ком мы не заботимся. По её словам, женщины загипнотизированы мужчинами на энергетическом уровне. Только сделав перепросмотр своей жизни, женщина может избавиться от бремени постоянной необходимости делиться своей энергией с мужчинами.

Автомобиль внезапно свернул на проселочную дорогу и чуть не столкнулся с гигантским кактусом сагуаро, упавшим на обочину**.** С этого момента дорога стала ухабистой. Я подняла стекло, чтобы пыль не попадала в машину, и осмотрела местность через стекло, испачканное насекомыми. Я ожидала увидеть колониальный особняк, спрятанный среди густых мескитовых кустов и рощ, наподобие того, как был у Клары. Но все, что я увидела, это группа домов из высушенных на солнце глиняных кирпичей, соединенных прессованной соломой – типичная конструкция этого района. Карлос припарковал машину на гравийной обочине.

Мы приехали? – тихо спросила я, – Я не вижу здесь места, достаточно большого для вечеринки. – Мы должны оставить Бенни здесь, – сказал он, – Здесь живет его дядя.

Мы попрощались и пообещали встретиться снова на следующий день и поискать маски Пасколы, которые Карлос хотел подарить Этнографическому музею при университете.

Затем Бенни крепко похлопал по крылу машины, как будто желая поставить его на место, и мы проехали еще несколько миль. Мы снова остановились перед стеной из густых кустов.

– Нам нужно немного пройти пешком, – сказал Карлос, выходя из машины.

Мое сердце упало при мысли о том, как я пойду здесь в босоножках. Но мы пошли. Вернее, Карлос шел. А я хромала за ним, как раненый мул. Моя льняная юбка покрылась пылью, а голые руки царапинами от колючек.

– Мне нужно снять нейлоновые чулки, – сказала я минут через двадцать после начала нашего пути, – на них появилось слишком много затяжек. Я не могу появиться на людях как оборванка.

Карлос согласился. Я зашла за дерево туле, осторожно стянула колготки и воспользовалась возможностью помочиться из-за моей явной нервозности. Положив нейлоновые чулки в сумку, я догнала Карлоса, который смотрел на небольшой кактус возле дороги. Я понятия не имела, куда мы идем. Все, что я могла сделать, это следовать за Карлосом, которому было спокойно и комфортно в его рубашке с длинными рукавами и левисах. Я позавидовала ловкости, с которой он ходил по пересеченной местности в своих походных ботинках. Иногда он отталкивал ветку или колючий куст, когда мы проходили мимо.

– Может мы вернемся к машине, чтобы переобуться? – спросила я, зная, что мы не сможем этого сделать. Я действительно уже хотела бросить всю эту затею, поехать в мотель, зарегистрироваться и посидеть в тени зонтика у бассейна, попивая холодную газировку.

– Нет. Мы не можем вернуться, – твердо сказал он, – Нас ждут, а мы уже опаздываем.

Я скорчила недовольную гримасу.

– Мы почти пришли, – успокаивающе сказал он.

Запах дыма заставил меня ускорить шаг, поскольку я знала, что мы приближаемся к жилью.

Мой желудок урчал; У меня разыгрался бешеный аппетит. Я задавалась вопросом, смогу ли я съесть еду или мне придется довольствоваться вежливым перекусом, когда услышала, как Карлос сказал: «Я вижу, что они уже начали празднование. Поторопись, они нас ждут.

Мы перешли деревянный мост через овраг; под ним в канаве была вода. Сломанные доски скрипели, когда мы проходили по ним. Я остановился, чтобы посмотреть вниз. Вода была мутной и медленно текла. Это было похоже на поток бегущего молочного шоколада. Должно быть, а пришла из района плотины Обрегон, где находились отложения красноватой глины. Я назвал ее «Шоколадной рекой», потому что она выглядела как густое какао.

Затем я увидел дом, приютившийся среди зарослей мансанильи. Это было не красивое поместье, как у Клары, а группа скромных глинобитных хижин. Во дворе бегали дети и куры. Облезлая собака искала объедки. Около дома осел был привязан к столбу в земле и мог пастись только настолько, насколько позволяла веревка на шее.

Я почувствовала настоящий ужас. Я ничем не отличалась от того осла с петлей на шее, не позволяющей ему выйти за пределы известного ему мира. Тем не менее, мы все такие. Если бы мы потянули за веревку слишком сильно, мы бы задушили себя. В нашем распоряжении есть средства, чтобы разрезать наши связи, но страх не позволяет нам даже попытаться, и даже когда мы перерезаем одну веревку, становится видимой другая веревка, в гигантском узле, связанном бесконечным количеством веревок, которые служат одной и той же цели: удерживать нас и не позволять нам отклоняться от жизни, в которой мы родились.

Переходя по шатким ступенькам скрипучий мост, я знал, что Клары и Нелиды не будет среди приглашенных гостей: я не встречу их здесь сегодня.

Глава 8: Вечеринка

Дома были обозначены дорожкой из круглых речных камней. Рядом горел огонь для приготовления пищи; Я почувствовала знакомый запах дыма мескитового дерева, характерный для этой местности. Мы пошли по узкому переулку к задней части дома, в котором было единственное окно без стекла и сетки. Рамада покрывала открытую кухню, где на гвоздях, вбитых в два внешних столба, висели кухонные принадлежности и корзины. Кукуруза, собранная в связки, лежала на навесе для просушки на солнце.

Под рамадой две женщины готовили еду на открытой печи. Одна из них сидела на скамейке напротив холщовой сумки. Она лепила ладонями лепешки, а затем клала их на сковороду и готовила на огне. Другая женщина отвечала за их переворачивание и снятие со сковороды, когда они были готовы. Члены семьи или гости сидели на оранжевых ящиках, перевернутых на бок, либо стояли небольшими группами, потягивая безалкогольные напитки. При нашем приближении курица и пара худосочных собак кинулись прочь. Девочка, лет шести-семи, одетая в комбинезон levis и грязную футболку, грызла возле порога початок кукурузы.

Я просто стояла там, окруженная странными образами, звуками, и множеством улыбающихся людей. Все, о чем я могла думать, это о боли в ступне из-за небольшого камня застрявшего между ремешками моих босоножек. Теперь я жалела, что не надела подходящую для ходьбы обувь. Мне хотелось выглядеть элегантно, но всё словно сговорилось против. Мои волосы растрепались, моя юбка была мятой, моя блузка порвалась и я сильно вспотела.

Все обняли Карлоса, как старого друга. Когда меня представили им, они осмотрели меня и вежливо пожали руку. Кажется, они были рады встрече со мной. Они хвалили мою одежду и изучали цвет и текстуру моих волос, как если бы я была обезьяной в зоопарке. Одна женщина обеспокоенно смотрела на царапины на моих руках. Маленькая девочка была застенчивой и вообще избегала меня. Пришла собака и помочилась на мои ноги, и одной из женщин пришлось извиняющимся тоном прогнать ее. Миниатюрная женщина с длинной черной косой на спине и острыми белыми зубами попросила меня сесть на оранжевый ящик и гостеприимно подала мне бутылку газировки. Я поблагодарила её и, тайком протерев горлышко открытой бутылки, сделала глоток.

Началась беседа и я обнаружила, что все здесь очень быстро говорят по испански. Каждый раз, когда кто-то говорил со мной напрямую, я улыбалась и пожимала плечами, не в силах использовать те фразы, которые я выучила на уроках разговорного испанского. Эти уроки не подготовили меня к настоящему социальному взаимодействию, когда все говорят одновременно, и мне оставалось проводить время, наблюдая, как группа новорожденных цыплят клюет грязный пол.

Было странно видеть цыплят и собак, бегающих там же, где должно быть, живёт семья. Я спрашивала себя, хватило бы у меня сил и выносливости, чтобы долгое время жить в таких условиях. Карлос смеялся и чувствовал себя совершенно непринужденно, он был очарователен, когда рассказывал свои истории. Время от времени он кивал на меня головой, показывая, что я была темой разговора. Все они смотрели на меня и улыбались, а я улыбалась им в ответ, кивая, и гадая, о чем они говорят. Молодой человек задал мне вопрос, смех прекратился, и все взгляды упали на меня. Казалось, они ждут от меня ответа, но я понятия не имела, о чем он спросил, поэтому я просто кивнула, и все засмеялись ещё громче.

– Они спрашивают, как мы познакомились, – объяснил Карлос. – Я сказал им, что ты изучаешь антропологию, а я твой учитель.

Люди улыбались и хихикали.

– Он научил тебя тому, что умеет лучше всего? – прошептала женщина за моей спиной.

Я была удивлена, услышав английскую речь и обернулась. Это была женщина из ресторана в Санта-Анне, которая заменяла свою сестру. Я не узнала ее раньше; теперь ее волосы были заплетены в косы, и на ней было вышитое белое платье. Я смотрела на нее ошеломленно, пытаясь понять смысл ее вопроса и то, что она делает на этой вечеринке.

Я ошибочно предполагала, что никто из собравшихся не говорил по-английски. Глядя на нее, я разглядела: ее светящиеся глаза были янтарными, а не черными, у нее оливковая кожа и она, на самом деле, очень красива. Впервые я увидела ее как человека, а не просто мексиканку или индеанку. Ее жестокий взгляд заставил меня понять, что я, оказывается, никогда не смотрела людям прямо в глаза, а только на их очертания, их общие контуры и казалось, я только делала вид, что смотрю на них. И дело не в моем плохом зрении, мне не нужны были очки. Напротив, я гордилась своим отличным зрением. Скорее, это был тот случай, когда я оказалась слишком напугана и не хотела смотреть кому-либо в глаза, и не хотела, чтобы кто-то смотрел в глаза мне. Несмотря на мое желание быть заметной я сама хотела оставаться в тени.

Я хотела спросить женщину, что она имела в виду, но она уже ушла. Я вернулась к основной группе. Беседа казалась бесконечной. Я до онемения отдавила себе копчик, сидя на деревянном ящике. Через некоторое время я больше не обращала внимание на происходящее и не пыталась притвориться, что слушаю. Я чувствовала себя чужой, как будто меня бросили в бурлящую реку, где нет смысла барахтаться. Больше никаких фальшивых улыбок и нервного хихиканья, я не буду притворяться, что хорошо провожу здесь время. Мне захотелось встать и пойти прогуляться пешком, хотя с моей стороны это выглядело бы как грубость. Еще хуже то, что жалость к себе и недовольство вызывали во мне совсем не дружественный внутренний диалог. Карлос привел меня туда, где на меня никто не обращает внимания. Это расстраивало меня.

Карлос намекнул, что я буду почетным гостем, но когда первоначальное любопытство улеглось, про меня забыли. Кроме того, я ожидала оживленной вечеринки в доме с большим количеством музыки и хорошей едой. Мягкие диваны, может быть, даже группа нанятых мариачи, которые сыграют старые мексиканские шлягеры, возможно, танго с континентальным оттенком. В глубине души я ожидала увидеть Клару, Нелиду и мистера Абеляра. Чем больше я зацикливалась на своем разочаровании, тем более и более угрюмой я становилась.

Вскоре я заметила несколько черных точек, летающих в воздухе вокруг меня. Сначала я подумала, что жара и усталость заставили глаза обмануть меня. Присмотревшись, я увидела как эти точки, казалось, отрываются от земли и подпрыгивают примерно на три фута в воздух. Оцепенев от странных звуков, я забавлялась, наблюдая за движениями черных точек. Казалось, они двигаются: как только одна приземлялась, другая тут же подпрыгивала. Странно, но вокруг никто их не замечал.

Я почувствовала облегчение, когда коренастая индианка в синем платье, которая, видимо, была хозяйкой, встала и предложила всем нам перебраться к столику под деревьями, где подавали жареную свинину с бобами. Женщина положила на тарелку мясо вместе с черпаком фасоли и риса и протянула мне, вместе с вилкой.

Во время еды у меня чесались ноги. Я подумала, что под столом наверняка летают комары, поэтому попыталась отогнать их одной рукой.

Одна из женщин заметила мои движения и сказала, что в приличном обществе принято держать руки на столе, а не под ним. Все засмеялись, кроме меня. Я не осмелилась осмотреть мои ноги, но когда я небрежно положила руку на свою икру, я обнаружила, что мои ноги все искусаны. Я начала чесаться и чесалась до тех пор, пока хозяйка не заметила и сама не осмотрела мои ноги. Теперь я и сама увидела свои сплошь искусанные ноги. Я догадалась, что черные точки, которые развлекали меня ранее во время разговора, были гигантскими блохами, которые лакомились моими голыми ногами. Я никогда раньше не видела таких больших наглых блох, да ещё и в таком количестве.

Эффектная женщина с черными как смоль волосами, собранными в пучок, встала, схватила меня за руку и повела в соседний дом. Карлос последовал за мной и заверил, чтобы я не волновалась, так как, если что-то меня укусило, то я оказалась в нужном месте.

Женщина, в доме которой я находилась, была могущественной целительницей. Она сжала мою руку, как бы подтверждая сказанное Карлосом. У нее были высокие скулы, сильный широкий рот и гладкая кожа кофейного цвета, плотно облегающая лицо, что придавало ей жуткий вид, похожий на маску. Она тоже выглядела немного вялой, как будто только что проснулась после долгого сна.

– Ее зовут Зулейка, – сказал Карлос.

Незаметным движением подбородка донья Зулейка пригласила Карлоса сесть на скамейку рядом с домом у двери и быть на страже, меня она усадила на стол, а мои ноги положила на табурет. Она осмотрела мои ноги, покачала головой и прищелкнула языком, как будто ей не понравилось то, что она увидела. Затем она что-то сказал Карлосу на быстром испанском.

– Зулейка говорит, что укусы блох – плохое предзнаменование, – сказал Карлос.

– Что ты имеешь в виду под плохим предзнаменованием? – спросила я.

– Это означает, что твоя жизнь будет трудной. На своем пути ты встретишь множество препятствий, – пояснил Карлос. Если ты не избавишься от озабоченности о себе, неприятности будут пировать на тебе, как блохи напали на твои ноги. Я пожала плечами. Именно этого мне и не хватало. Ещё больше препятствий, как будто их и у меня и так мало. Донья Зулейка сочувственно посмотрела на меня и сказала что-то о том, чтобы остаться с ней, чтобы она могла меня вылечить.

– Она хочет, чтобы я сказал тебе: есть способ избежать проблем, – продолжил Карлос. – Но для этого тебе придется измениться. Она говорит, что тебе придется переродиться.

Я не понимала, как мне ещё можно измениться. Я уже полностью перепросмотрела свою жизнь, начиная с настоящего и возвращаясь к самым ранним воспоминаниям. Затем я сделала перепросмотр ещё раз от прошлого к настоящему. И что же такого плохого в моем образе жизни, подумала я.

Я собиралась в колледж, подготавливая «роман со знанием», как рекомендовал мне Эмилито. Я чувствовала, что делаю все, что мне нужно. И все же мрачный прогноз Зулейки напугал меня. Донья Зулейка посмотрела мне прямо в глаза и сказала что-то еще. Я озадаченно повернулась к Карлосу.

– Она хочет тебе помочь, – сказал он, – Она говорит, что, если ты не перестанешь потакать себе, накопленная Сила обратится против тебя, и ты станешь хуже, чем раньше.

– Что я могу сделать? – спросила я, – Назовите шаги, которые мне надо предпринять.

– Она говорит, что нет никаких шагов, – перевел Карлос, – Когда человек всем сердцем решил безупречно следовать по пути знания, возникает только общее ощущение этого. Зулейка говорит, что у тебя еще нет этого чувства.

Я вздохнула, признав свое поражение. У меня даже не было сил спорить.

– Она могла бы помочь тебе окрепнуть, но тебе придется остаться с ней, – сказал Карлос. – Лично я бы не советовал этого делать, – добавил он.

– Почему бы и нет? – спросила я, – и уже из упрямства, добавила, – По моему, это хорошая идея.

У меня не было намерения оставаться в месте наполненном блохами с женщиной, которая выглядела так, словно она была сонной или пьяной. Вдобавок ко всему, по тому, как она смотрела на меня, я могла сказать, что в ней была полоса безумия, которую она не могла скрыть. Я уже видел этот взгляд раньше — у Эмилито, а иногда и у себя самой.

– Зулейка – учитель сновидения, – сказал он. Ты не привыкла к её прикосновениям. Это может принести тебе больше вреда, чем пользы.

Я понятия не имела, о чем он говорит, поэтому промолчала. Я осмотрела комнату. На полу лежал матрас, покрытый мешковиной. В одном углу стояли корзины с сушеными травами и кореньями. На столе стояли баночки с порошками разного цвета. Здесь царил хаос и запах страха. Блохи, крысы, насекомые и змеи, наверняка, сожрут меня здесь живьем. По крайней мере, я была бы совершенно не в своей тарелке и в состоянии полного дискомфорта. Я покачала головой.

– Мне нужно вернуться в Лос-Анджелес, чтобы пойти в колледж, – сказала я Зулейке.

Донья Зулейка улыбнулась самой жуткой улыбкой, от которой у меня волосы встали дыбом. Она похлопала меня по руке, ее взгляд был наполнен презрением. Затем она натерла мои опухшие ноги пахучим лосьоном и это на время уменьшило зуд. Она на мгновение повернулась спиной и вытащила с полки пузырек со светло-коричневым порошком, похожим на молотый шоколад. Она перемешала его с водой, а затем протянула мне чтобы выпить. Я посмотрела на Карлоса в поисках ответа, пить мне эту микстуру или нет. Он, в свою очередь, посмотрел на донью Зулейку в поисках знака. Её почти незаметный кивок заставил его подтвердить: – Можно пить. Донья Зулейка говорит, что это снимет зуд.

Я взяла чашку из протянутых рук Зулейки, приготовилась к чему-нибудь горькому и сделала несколько глотков. Удивительно, но на вкус это оказалось не так уж плохо, как можно было ожидать. Я была уверена, что в этой банке был какао-порошок. Выпив остаток напитка, я запила всё чаем, так как ранее съеденная свинина была очень соленой и мне хотелось пить. Донья Зулейка погладила меня по спине, затем взяла чашку, удивившись, что я выпила ее содержимое так быстро. Тогда я поняла: она ожидала, что я буду пить медленно. И прежде чем я успела спросить о составе смеси, эта микстура нанесла мне такой удар, что я чуть не свалилась со стула.

Следующее, что я помню, это то, что я рухнула на матрас на полу. Мое тело онемело и я не могла пошевелиться. Я почувствовала, как что-то лизнуло мое лицо. Это была огромная собака. Я с отвращением попыталась оттолкнуть её, чтобы прогнать, но мои конечности меня не слушались. А затем я посмотрела в желтые глаза собаки. Я сразу узнала его: это был Манфред, существо, которое нашел Эмилито, когда оно было ещё щенком, и которое он вырастил в доме Клары. Мое сердце забилось от радости. Между нашими глазами текла жидкая любовь, и я протянула руку, чтобы обнять его. Эта волна чистой привязанности дала мне возможность сесть. Я обняла Мантреда за шею, но мои руки прошли сквозь него. У Манфреда не было тела, как и у меня. Мы слились в огромном клубке счастья.

Я была так счастлива видеть его! Мы катались по полу, сцепившись в один пушистый комок, и меня больше не заботило, были ли блохи на полу или были ли они у Манфреда или на мне. Я слышала детские визги и понимала, что они исходят не от Манфреда, значит, эти звуки, должно быть, издавала я.

Потом кто-то подошел и резко нас разнял. Я подняла глаза и увидел стоящего там Джона Майкла Абеляра. Его лицо было более сияющим, круглым и полным, чем я помнила, но это был несомненно он, и у него было очень строгое выражение:

– Не трать энергию на эти щенячьи нежности, – хрипло сказал он.– Зулейка дала тебе не любовное зелье.

– Что же она мне дала? – хотела спросить я, но не могла выговорить ни слова.

Потом я поняла, что мне не нужно говорить как обычно. Я могла подумать об ответе на свой вопрос. Я услышала женский голос очень близко от себя; это была Нелида, и она могла понять, о чем я думаю.

– Зулейка сделала что-то, чтобы направить твою энергию во второе внимание», — объяснила Нелида. Но, как обычно, это подтолкнуло тебя к грани и за ее пределы.

– Но как сюда попали Манфред, мистер Абеляр и ты?

Лицо сеньора Абеляра смягчилось, когда он сказал:

– Мы пришли, чтобы встретиться с тобой в присутствии молодого нагваля, Карлоса, но поскольку ты все еще был поглощена своими заботами, мы не смогли встретиться с тобой в твоем обычном состоянии. Да и членам моей партии ты не дала бы времени.

– А я, отвечая за тебя, не могла этого допустить, - добавила Нелида. Я знаю, что ты способна на более изысканный маневр, Тайша.

– О, но для меня было бы честью встретиться с ними со всеми, - запротестовала я. – Я так долго ждала этой встречи.

– Тогда почему ты была груба и скучна до смерти, когда тебя представили некоторым из членов нашей партии? спросила Нелида.

– Когда это было? Я ни с кем не знакомилась.

– Конечно знакомилась, - сказала Нелида.

– Где? Когда? Я попытался упорядочить свои мысли, но не было никакой линейной структуры. на которую их можно было бы повесить.

– В доме, где тебя покусали блохи. – ответила Нелида. – Тебе было скучно, и натерпелось выбраться оттуда. У тебя даже не хватило вежливости обратить на них внимание.

– Но это же были обычные люди, не так ли? – сказала я. – Я не знала, что они были частью группы магов нагваля.

– Конечно знала, но, будучи столь исключительной особой, у тебя не было Силы увидеть их, не говоря уже о том, чтобы действовать в соответствии с этим. – сказала Нелида. – Каждый раз, когда кто-то хотел сблизиться с тобой, ты отворачивалась от него и сторонилась его.

– Но я не очень хорошо говорю по-испански, – возразила я.

– Мешает не то, что тебе не хватает испанского, а твоя собственная важность, – настаивала Нелида. – Ты считала всех бедными индейцами, которые тебе даже в подметки не годятся.

Я хотела возразить, но что-то во мне знало, что она права.

– Молодой нагваль должен был извиниться перед всеми от твоего имени, – продолжила Нелида, – они бы вышвырнули тебя без всякого рассмотрения. Тебе посчастливилось уйти с несколькими укусами блох. Блохи были безжалостны с тобой, и это было предзнаменованием. С тобой нужно обращаться без жалости. Если бы Зулейка не помогла тебе своей энергией, мы бы сейчас не разговаривали. Ты бы вылетела через мост перед домом, и ты бы никогда не вернулась. Зулейка даже попросила тебя остаться с ней, чтобы научить преследовать двойника, от чего ты отказались, сославшись на какую-то незначительную причину.

Я оглянулась. В углу стояла высокая женщина с волосами, собранными в пучок. Это была Зулейка, она улыбнулась и кивнула светлыми глазами, согласившись со всем, что сказала Нелида. Я знала, что упустила свой шанс. Мое чувство собственной важности все еще подавляло. Если я пускала его на самотек, я всегда, в конце концов, возвращалась к источнику превосходства и самонадеянности, к которому привыкла.

– Разве я не смогу встретиться со всеми сейчас? – спросила я с надеждой.

– Нет, они уже ушли, – сказала Нелида.

– Неужели они отказались от меня?

– Практически. Однако ты будешь находить их по одному, в зависимости от твоей Силы, – ответила Нелида. – Молодой нагваль, который является твоим проводником, приведет тебя к ним. Единственным, кто остался, был Манфред: очевидно, ему все равно, что ты балда. Его привязанность к тебе бесподобна.

Я услышала громкий лай, как будто это было подтверждение, и чувство любви захлестнуло меня.

– Это взаимно, – сказала я собираясь расплакаться. Фактически, слезы уже начали капать. Я подняла руку, чтобы смахнуть их, когда почувствовала как кто-то теплый тянет меня за руку.

Я повернула голову и увидел симпатичную молодую девочку моего возраста, подмигивающую мне. У нее были короткие вьющиеся темно-каштановые волосы, тонкие черты лица, карие глаза и таинственная, как у Зулейки, улыбка.

– Я тоже осталась, потому что я сумасшедшая, как и ты, – сказала она и засмеялась как кукла, которая внезапно ожила.

Я думала, она сожрет меня своими маленькими зубками, как у пираньи. Я хотела уйти, но она держала меня со сверхчеловеческой силой. Когда она начала тискать меня, я крикнула Нелиде, чтобы та оттащила ее от меня.

– Я думала, ты приехала в Мексику в поисках любви, – хрипло сказала она. – Что ж, я твой мужчина. – Она сладострастно повела бедрами, а затем поцеловала меня в губы. Когда я изо всех сил пыталась освободиться, я услышала сзади хоровой смех.

– Вы двое, ведите себя прилично, – сказала Нелида и оттащила девушку от меня, – Это Хосефина. Не беспокойся о ней. Она всегда прямолинейна и по делу.

– Я не хотела тебя пугать, – сказала девушка по-испански. Она нежно коснулась моих волос. Она снова была образцом миловидности и благопристойности. – Но ты была такой засранкой со всеми, что я подумала, что тебе нужно хорошенько потрахаться.

У меня отвисла челюсть. Такой грубый язык не сосчитался с её нежной внешностью. Она улыбнулась и кивнула, словно я должна была ей поверить.

– Хосефина всегда говорит правду, – сказала Нелида, – Или вообще не говорит. Разве это не так, Хосефина?

Девушка молча кивнула. Именно тогда я поняла, что у меня не было проблем с пониманием испанского. Фактически, я была уверена, что где-то раньше выучила язык. Но я не знала где, и Нелида пришла мне на помощь.

– Во втором внимании можно легко понять другой язык, – сказала она, – Как только ты обойдешь рациональный разум, у тебя не возникнет проблем с языками, ты говорила по-немецки, по-венгерски и немного по-испански, помнишь?

Это было правдой. Я знала эти языки, когда была ребенком, но забыла так как перестала ими пользоваться.

– Ты никогда их не забудешь, – сказала Нелида, – Точка сборки просто перемещается в другое положение, где этот язык больше не востребован, но ты всегда можешь вернуться назад. Теперь тебе лучше поспать. Ты исчерпала почти всю энергию сновидения, которую дала тебе Зулейка.

Я хотела спросить, как Зулейка дала мне энергию для сновидений, но потом я вспомнила – мне что-то было нужно. Словно я потеряла нечто, бывшее со мной, но я не знала, что. Затем я услышала голос, и недостающий кусок встал на место. Я увидела, Карлоса, сидящего рядом и поняла, что мы с ним знакомы уже очень давно. Фактически, мы прожили вместе жизнь. Как я могла забыть то чувство, которое испытывала к нему? Я коснулась его руки и легла на левый бок. Затем наши руки слились вместе, и я больше не могла удерживать его образ. Мои веки были такими тяжелыми, что сомкнулись, несмотря на все усилия держать их открытыми.

– Увижу ли я тебя снова? – удалось мне спросить Нелиду.

Нелида знакомым жестом взъерошила мне волосы:

– Это полностью зависит от тебя, от того, насколько ты безупречна с собой и с другими. Но долг нового нагваля – привести к свободе. Сам дух доверил вам взаимную заботу. Доверяй ему и поддерживай его, потому что ваши пути переплетены навсегда.

Я дала ей торжественное обещание. Затем она сказала что-то еще, может быть, даже много чего, но я ничего уже не смогла вспомнить, так как заснула под нежные убеждения Нелиды, которые звучали как колыбельная. Мне приснилось, как меня подвешивают к шлейке, привязанной к ветке дерева. Кто-то толкал меня, словно я была на качелях. Я посмотрела вниз и увидела, как Карлос схватил меня за лодыжки и опять толкнул. Он весело засмеялся. Рядом с ним Эмилито прыгал вверх-вниз, как большой мальчик, который тоже хочет поиграть.

Я проснулась от глубокого сна. В комнате было темно. Это была кромешная тьма. Нигде не было света. Когда мои глаза привыкли к формам и теням в комнате, я поняла, что лежу на жестком матрасе. Кто-то набросил на меня одеяло, и от его тепла укусы на моих ногах ужасно чесались. Мне оставалось только пытаться не расцарапывать их. Грубое одеяло на моем лице душило меня. Я почувствовала, какое оно колючее и чихнула. Карлос лежал рядом со мной. По звуку его ритмичного дыхания я поняла, что он спит. Я была рада, что мое сдавленное чихание не разбудило его. Я долго лежала, боясь пошевелиться и встать. Мне нужно было сходить в кусты помочиться, но страх столкнуться со змеей или одной из собак не позволял мне рисковать в темноте. Чтобы скоротать время, я попыталась вспомнить, произошедшее накануне днем: мы пришли на вечеринку. Они познакомили меня с группой людей, затем Зулейка дала мне выпить зелье. Оно меня нокаутировало. Дальнейшее было слишком расплывчатым, и я не могла о нем думать.

Я вспомнила, как видела Нелиду, мистера Абеляра и симпатичную молодую женщину, которую раньше не знала. И Манфред тоже был там, лая на заднем плане. Я вспомнила, как видела нового нагваля, Нелиду, которая гладила мне голову и рассказывала разные вещи. Но в одно мгновение они исчезли, и я погрузилась в навязчивый сон.

Карлос перевернулся на бок. Я попыталась снова заснуть, но не смогла. Какая-то часть меня была бодрствующей, полностью настороженной, готовой бороться с опасностью. Вдали беспрерывно лаяла собака. Я, должно быть, все же заснула, потому что следующее, что я почувствовала, это то как Карлос трясет меня и говорит, что пора идти. Он хотел вернуться на станцию Викам, встретиться с Бенни и поискать маски Пасколы которые затем подарить этнологическому музею. Я надела рубашку с длинными рукавами и хлопковые брюки с завязками, которые кто-то оставил в моей сумке. Так же, с благодарностью, я надела пару гуарачей.

Когда мы пересекли деревянный мост, возвращаясь к тому месту, где припарковали машину, я обернулась и в последний раз взглянула на дом. Вдалеке я увидела Зулейку, которая махала мне рукой, улыбаясь так, словно у нас был общий секрет. Я помахала в ответ. И когда наши глаза встретились, у меня появилась уверенность, что я встречу ее снова. Я приму ее приглашение остаться с ней, и Эмилито тоже будет там, и моя жизнь изменится.

Глава 9: Маски Пасколы

Мои ноги были красными и опухшими. Лосьон от укусов блох, который дала мне Зулейка, совсем не помог. Напротив, что-то в нем, казалось, делало укусы еще более несносными. Это напомнило мне время, когда я болела ветряной оспой в детстве, только теперь было ещё хуже.

– Чем это Зулейка меня так вырубила? – спросила я Карлоса, когда мы ехали к станции Викам.

– Какао.

– Ты имеешь в виду, что в том напитке был только какао-порошок? Я так не думаю.

Карлос кивнул.

– Она думала тебе нравится горячий шоколад и это отвлечет тебя от укусов.

– Мне нравится какао, но оно никогда так раньше на меня не действовало.

– На тебя повлияло магнетическое искусство Зулейки. – объяснил он. – Она может перемещать центр осознания человека с помощью своего тела сновидения. Все, что ей нужно сделать, это посмотреть тебе в глаза или прикоснуться к твоему лбу, задней части шеи или лопатке, и ты выключишься, как свет.

– Ты уверен, что в напитке больше ничего не было?

– Абсолютно. Я настаиваю на этом. Нет нужды прибегать к употреблению лекарств или зелий. Зулейка – ведьма высочайшего уровня. Нагваль Хулиан сам научил ее. Она испытывает к тебе близость, потому что ты похожа на нее, тоже немного сумасшедшая. Когда-нибудь она покажет тебе свое искусство.

– Что это за искусство? – спросила я. – способ вырубить человека похлопыванием по спине?

Карлос опустил козырек над стеклом, чтобы защитить глаза от солнечных лучей.

– Зулейка – непревзойденная сновидящая. Следуй за своим телом сновидения. Когда ты снова найдешь ее, она научит тебя преследовать двойника.

– Что такое преследование двойника? – спросила я.

– Тебе придется подождать, пока Зулейка покажет тебе это. – сказал Карлос. – Она в этом мастер. Как я уже сказал, она училась у нагваля Хулиана и кое-кого еще из нашей линии:

– Кто был этот другой человек?

– Маг с безграничными возможностями. Линия дона Хуана обязана этому человеку, так же как и он обязан нашей линии.

Я хотела расспросить больше об этом таинственном персонаже и об искусстве Зулейки, но мы уже прибыли на станцию Викам. Бенни ждал нас перед своим домом. Когда он увидел нашу машину, то вскочил и сказал, что знает нескольких человек, у которых могут быть маски на продажу.

Он предложил сопровождать нас, чтобы мы не заблудились. Сначала я подумала, что он просто вежлив или хочет побыть в компании своего друга, но когда я увидела, как обычный камень или кактус служат указателями поворота на дороге, было очевидно, что нам необходимо руководство человека, который знает местность в совершенстве. Было бы невозможно найти чей-то дом или магазин, если ты там не был раньше, а иногда даже если и был. Хотя Бенни ехал с нами, все же несколько раз приходилось возвращаться назад, и мы блуждали по дороге, которая была едва видна.

Мы пересекли автостраду и свернули на дорогу, которая, по словам Бенни, вела в Потам, где жил Дон Фелипе, резчик масок. Найти конкретный дом было подвигом, потому что все они были похожи.

Типичный дом имел стены из плетеного тростника, иногда покрытые глиной, и крышу, так же из тростника, присыпанную землей. Для строительства использовались незамысловаты материалы: саманный кирпич, тростник и мескитовое дерево для опорных столбов и балок. Иногда я видела рваные тростниковые циновки, служившие частью крыши. Все дома имели две или три комнаты и рамаду, которая состояла из крыши, поддерживаемой кривыми мескитовыми шестами. Помимо защиты от солнца, рамада служила местом для хранения трав и кукурузы, которые подвешивались сверху для сушки. Дома были окружены забором высотой в пять или шесть футов из плетеного тростника, который иногда полностью скрывал двор.

Я видела загоны в которых бегали малочисленны козы, свиньи или ослы, ну и конечно же цыплята, а так же самые тощие собаки к югу от границы. Повсюду я чувствовала запах горящего мескитового дерева от кухонных печей. Удивительно, но вокруг было очень тихо, за исключением случайного лая собаки или карканья вороны. Я не могла не заметить резкий контраст между шумной мексиканской общиной Викама, где жил Бенни, и поселениями яки.

Мне повернуть направо? спросил Карлос, когда мы проезжали через заросли.

Иии, поверни здесь, - сказал Бенни, показывая в окно.

Это то мескитовое дерево, из-за которого я повернул налево?

– Еeec, поверни налево.

– Как ты думаешь, резчик масок будет дома? – спросила я.

– Еeec, он всегда там. – сказал Бенни. – Если нет, пойдем к магазину.

Я пыталась понять, почему Бенни перед всеми своими ответами ставил «Еeec». Наверное, это какой-то испанский сленг, используемый в той части Соноры, или, может быть, диалект яки. Пока мы ждали Бенни, который побежал в кусты, я спросила Карлоса, что означает его «Еeec».

– Бенни использует его каждый раз, когда что-то говорит, – сказала я.

Карлос засмеялся.

– Он говорит "да" по-английски. Бенни пытается выучить английский. Поболтай с ним. Не стесняйся. Когда Бенни вернулся, я спросила его, что яки продают в своих магазинах.

– Седла и консервы, – сказал он, – Кофе, сахар и кока-колу.

Бенни сказал, что знает, где находится магазин и отвезет нас туда.

– Где все женщины? – спросила я, так как по дороге нам попадались одни мужчины.

– Сидят по дома. – ответил Бенни. – Они не выходят, если у них нет причины, например, набрать воду из колодца, дров для костра или купить припасы в магазине.

– Не могу поверить, что здесь есть магазин, – сказала я. Я не видела ничего, кроме развалин из саманного кирпича и пустынной растительности.

– Еэээс, теперь мы идет туда искать маски, – пояснил Бенни.

Мы проследовали по глиняной дороге, промытой дождями, пока не добрались до глиняного домика. Он был такой же как все, разве что чуть побольше. У него не было окон, только дверь, окрашенная в бирюзовый цвет. У стены лежали мешки с зерном. У входа стояло несколько высоких индейцев яки; другие сидели на скамейке, потягивая газированные напитки из апельсина и лайма. Все они были в шляпах, чтобы защитить себя от полуденного солнца.

У некоторых мужчин были усы, и они были старше, другие были молодыми парнями в подростковом возрасте, а женщин, как обычно, не было.

Карлос припарковал машину, а я последовала за ним и Бенни в магазин. Я была удивлена, увидев разнообразие продуктов. Внутри стоял длинный прилавок, а на стенах висели полки с консервами, а также мешками с мукой, сахаром и кофе. Часть магазина была посвящена инструментам и легкому сельскохозяйственному инвентарю, такому как веревки, лопаты, и др.

Бенни поговорил с владельцем, с которым, казалось, у него сложились дружеские отношения. Через некоторое время мужчина вышел через занавешенную дверь, ведущую в заднюю комнату.

– У него в задней комнате есть несколько масок, – сказал мне Карлос, – Он сейчас их принесет и покажет нам.

Бенни открыл холодильник и достал несколько бутылок с газированными напитками, которые мы выпили, пока ждали возвращения продавца.

Подняв глаза, я заметила, как из-за стойки на меня смотрит девушка. Она, должно быть, вышла из задней комнаты, потому что ее не было в магазине, когда мы вошли, и я была уверена, что она не прошла через парадную дверь. У нее были короткие темные вьющиеся волосы и красивые тонкие черты лица. Ей было не больше семнадцати лет. Ее кожа была гладкой и смуглой, и у нее были самые большие черные глаза, которые я когда-либо видела.

Карлос заговорил с ней. Они говорили так тихо, что я их едва слышала, но по серьезным выражениям их лиц я видела, что они обсуждали что-то важное. Молодая женщина чуть не расплакалась. Карлос попытался утешить ее. Он обнял ее и погладил по голове. Наконец, девушка повернулась ко мне и бросила на меня такой ненавидящий взгляд, от которого даже у ящерицы свернулась бы кровь. Затем, приоткрыв занавеску, она скрылась в задней комнате.

Прежде чем я успела спросить Карлоса, кто была эта девушка, владелец магазина вернулся с тремя резными деревянными масками и положил их на прилавок. Это были маски, которые использовали танцоры во время празднования Пасколы. Они были окрашены в черный цвет с красными отметинами вокруг глаз и на щеках. Белая грива окружала бахромой лоб и служила бровями, в то время как более длинные пряди конского волоса свисали с передней части маски и изображали остроконечную бороду. По краям были вырезаны треугольники и круги. У двух масок на лбу был крест, у третьей маски на каждой щеке были нарисованы ящерицы.

Карлос пытался договориться о цене, но мужчина, похоже, не хотел расставаться с тремя масками. Тогда Бенни потащил нас за собой к выходу, желая показать, что мы не заинтересованы. Продавец сразу смягчился, согласился на сделку, и я увидела, как деньги переходят из рук в руки.

На выходе мы прошли мимо шляп, висевших на вешалке. Карлос примерил некоторые из них, пока не нашел ту, которая ему подошла, и водрузил её себе на голову. Бенни тоже снял свою потрепанную шляпу и надел новую.

– Выбери себе одну. – сказал мне Карлос. – Никто в Соноре не обходится без шляпы.

Первая, которую я надела, мне показалась подходящей, но в магазине не было зеркала, чтобы посмотреть, как я выгляжу. Я поймала свое отражение в термосе из нержавеющей стали, который стоял на стойке. Мне понравилось. В шляпе я выглядела чуть менее похожей на иностранку.

Карлос заплатил за шляпы и газированные напитки. Хозяин вышел с нами, и когда я оглянулась, то увидела девушку, стоящую у двери и наблюдающую за нами. На мгновение мне стало ее жалко. У неё не было здесь перспектив. Она могла только выйти замуж за одного из молодых людей, которые стояли у магазина, восхищаясь ею, а затем провести всю свою жизнь, заботясь о нем и его детях. Скорее всего, она никогда не уйдет отсюда дальше, чем на десять миль. Возможно, она навестит родственника на свадьбе или день рождения в одном из соседних городов и обменяется сплетнями о последних родах или поплачет о недавно умершем человеке. Или, если ей повезет, она может устроиться горничной в один из мотелей в Сьюдад-Обрегон или Гуаймас.

Короче говоря, будущее молодой женщины было предрешено самым мрачным образом. Громкое карканье вороны с ближайшего тополя застало меня врасплох. Я вспомнила другой случай, когда у меня был похожий мысленный диалог о женщине, обслуживавшей нас в ресторане в Санта-Анне, и оказавшейся целительницей. Тогда я была не права. И по тому, как девушка посмотрела на меня, я почувствовала, что снова ошибаюсь.

Я наблюдала за ней через боковое зеркало, пока Карлос и Бенни разговаривали с владельцем и некоторыми из молодых людей у двери. Один, казалось, давал указания Карлосу, показывая вдаль на восток. Девушка смотрела на Карлоса с таким чувством, которое я могу назвать только восхищением или любовью. Потом меня осенило: она в него влюблена! Я почувствовала приступ ревности, который немедленно попыталась скрыть, улыбнувшись Карлосу, садившемуся в машину. Когда мы уехали, оставив Бенни поговорить с друзьями, я наблюдала за девушкой, смотревшей на нас, пока мы не скрылись за кустами и облаком пыли.

– Кто эта девушка? – спросила я, когда мы снова выехали на грунтовую дорогу. На мгновение пыль попала мне в глаза, и я вздрогнула. Карлос молчал.

– Это Хосефина. – наконец сказал он. – Разве ты не помнишь?

Имя было очень знакомым. Вдруг у меня в ушах что-то лопнуло, и я вспомнила, где я ее видела. Она была той девушкой, которая напала на меня в доме Зулейки:

– Она ведьма! – сказала я прерывистым голосом. – Что она здесь делает? И не говори мне, что она помогает хозяйке магазина, как та женщина в ресторане в Санта-Анне.

– Нет, она просто пришла за продуктами.

– Ты имеешь в виду, что она живет здесь?

Снова долгое молчание.

– Похоже, ты ей очень нравишься, – сказала я. – Ты давно её знаешь? О чем вы двое шептались?

Карлос пожал плечами.

– Она хочет, чтобы я отвез ее в Соединенные Штаты, – сказал он. – Я учу её английскому языку.

На мгновение я впала в знакомую меланхолию. Я была уверена, что Карлос учит её английскому, чтобы она могла переехать в Соединенные Штаты.

Здесь отсутствует страница...

– Эти чувства любви и ненависти, ревности или зависти не исчезают, если ты просто переедешь куда-либо. Они глубоко укоренились, похоронены в каждой клеточке нашего существа. Чтобы избавиться от этих чувств, нам нужно сделать больше, чем просто перепросмотреть свою жизнь.

По словам Зулейки, нам необходимо трансформироваться.

Машина с глухим стуком ударилась о кочку на дороге. Я с облегчением увидела улыбку Карлоса. Возможно, все-таки он не был привязан к девушке в магазине. Я вздохнула с облегчением и забылась, наблюдая за тенями и красками, которые солнце отбрасывает на пустынный пейзаж, пока мы ехали к дому дона Фелипе, мастера масок. Его дом находился на краю возделываемого поля, а во дворе стоял деревянный крест. Он оказался просторнее, чем другие дома, которые я видела, и был построен из хороших сырцовых кирпичей, а земля вокруг него была чистой и хорошо утрамбованной. Карлос попросил меня подождать в машине, пока он разговаривает с доном Фелипе, но я настояла на том, чтобы зайти внутрь. Дон Фелипе представил нас своей жене, которая сразу же вышла из комнаты, как будто стеснялась разговаривать с незнакомцами.

Дон Фелипе был старше, высокий, и вокруг него царила тишина. Его глаза не были яркими или горящими, но отрешенными, словно смотрели в другой мир. Я подозревала, что он читает по-испански, так как у него на полке стояли несколько книг. В своей разговорной манере он проявлял простоту и интеллект. Он оказался хорошо осведомлен по многим вопросам. В какой-то момент я почувствовала, что дискуссия сосредоточилась на хронике Рахума и некоторых легендарных героях истории Яки, потому что услышала имена Калисто Муни, Кахеме, Тетабиата и Хуана Бандера, которые упоминались неоднократно.

Карлос рассказывал мне раньше, что Калисто Муни был вождем яки в 18-м веке, он организовал яки в воинское подразделение для борьбы с мексиканцами. Хуан Бандера, который утверждал, что ему было видение Девы Гваделупской, также организовал воинские части яки под флагом Богородицы. Тетабиат после поражения при Кахеме реорганизовал остатки сил яки в горах к северу от реки Яки и в течение многих лет вёл партизанскую войну против мексиканцев. Я чувствовала, что дон Фелипе не хотел продавать маски Карлосу. Но когда Карлос сказал, что работает с доном Хуаном, которого дон Фелипе, похоже, знал, он встал, пошел в заднюю комнату и вынул маску, обернутую красной тканью. Он осторожно развернул ткань, показывая маску, которая отличалась от купленных нами в магазине.

Эта маска была действительно жуткой. Она была неокрашенной и без конского волоса. Черты лица искажены, как при рычании. Рот открыт, глаза слегка раскосые, один выше другого. Древесина была белой со слоями естественных завитков в текстуре. Это было красиво, но в то же время впечатляюще. Карлос поблагодарил дона Фелипе, и мы ушли.

– Почему эта маска совсем другая? – спросила я, когда мы шли к машине.

– Это маска союзника, – сказал Карлос, – Другие, более дорогие, предназначены для танцоров Пасколы. Карлос осторожно положил маску в багажник и бережно завернул ее в полотенце.

– Что за союзник? – спросила я, пытаясь понять, обращались ли когда-нибудь Клара или Джон Майкл Абеляр к этой теме.

– Союзник – это Сила, существующая за пределами мира обычного восприятия, – сказал Карлос,

– Эта Сила может принимать любую форму, когда она находится на службе у колдуна.

– Ты имеешь в виду, всё, что угодно может быть союзником? – спросила я

– Нет, это особые сущности, не имеющие формы, но они могут принимать форму всего, чему они хотят подражать, в зависимости от энергии, которую они используют из человеческого мира.

– Ты когда нибудь видел подобное, – спросила я

– Дон Хуан несколько раз показывал мне своего союзника и почти до смерти напугал меня. Однажды мне пришлось сразиться с ним, и я думал мне конец.

– Это как шар энергии? Шипящий и голубоватый?

– Это может быть человек, гигантская дверь, яростное животное, что угодно. И да, он полон кипящей энергии

Я рассказала Карлосу о серии повторяющихся снов, которые мне снились, или, по крайней мере, я думала, что это были сны. Я жила в доме Клары в красивой комнате, которую она мне предоставила. Я засыпала, когда услышала шум за дверью в коридоре. Сначала я подумала, что это шаги кого-то большого, идущего по коридору. В ужасе я засунула голову под одеяло и стала ждать, пока шум утихнет, но этого не произошло. Иногда в дверь кто-то царапался, как будто снаружи крадется огромное животное, пытаясь проникнуть внутрь. В полусонном состоянии я вставала и толкала тяжелый комод, подпирая дверь, чтобы ничто не могло попасть внутрь. Но все было напрасно.

Сила, или что-то еще, что было за дверью, видимо, была настолько ужасно сильной, что комод отшатывался в сторону, движимый испепеляющей энергией. Я просто стояла и смотрела, как антикварный буфет отодвигался от двери, и, как дверь выпирает снаружи внутрь под давлением огромной силы, готовой сломать петли. Тогда я бежала к своей кровати и пряталась, в основном, под неё. Или я стояла так окаменевшая, и не могла пошевелиться. Я вспомнила, как пыталась закричать, но ни звука не вырвалось у меня изо рта.

Иногда я просыпалась, задыхаясь, вся в поту. Или же я просыпалась на полу перед дверью, частично прикрытой комодом. Мое сердце колотилось так сильно, что требовалось несколько часов, чтобы успокоиться. Эти встречи стали очень частыми, и я вынуждена была рассказать о них Кларе.

– Эту Силу не следует игнорировать, – серьезно сказал она, – Ты говоришь, что дверь вот-вот сорвется с петель. Осторожно! Что бы там ни было, оно пытается попасть внутрь.

– Что, если это случится? – спросила я, – я умру?

– Кто знает, – сказала она. Эта Сила полна решимости добраться до тебя.

– Из-за чего она меня преследует? Что я сделала не так? – Мысленно я пробежала по палитре всех своих грехов действия и бездействия, и их было много.

– Это не то, чего ты не делала, – сказала она, сочувственно покачав головой. – Это то, что ты сделала. Ты выполняешь свои магические пассы, особенно тот, в котором ты хватаешь воображаемую раздвижную дверь и открываешь ее. Это то, с чего все началось. И это то, что может спасти тебя в крайнем случае.

– О каких проблемах ты говоришь, Клара? Неужели Сила идет за мной?

– Можешь держать пари, что это так. Я бы сказала, она вылезет из двери в любой момент, и когда это произойдет, тебе придется сражаться.

Я почувствовала, как у меня в животе что-то оборвалось.

– Я лучше убегу, чем буду драться, – сказала я. Я трусиха. Я просто притворяюсь крутой. А иногда я даже не умею хорошо притворяться.

Клара в изумлении оглядела меня и покачала головой.

– Ты просто по привычке называешь себя трусихой. – прокомментировала она. – Ты сильнее, чем позволяешь себе быть.

– Позволь мне судить об этом, Клара, – настаивала я, – И я говорю, что когда дело касается кошмарных сил, я трусиха.

Она рассмеялась и смиренно вздохнула.

– Будь по-твоему, Тайша. Неважно, кто ты. Имеет значение то, что ты делаешь, когда Сила входит в эту дверь.

Что мне делать? – спросила я.

– Возьми ЕГО вот так и встряхни, как огромное турецкое полотенце. – Она показала как, подняв оба кулака, словно она что-то схватила в воздухе, и начала дико раскачивать руки вверх и вниз, дрожа, как будто она держит что-то невидимое, что было неудержимо в своей ярости. – Не смей отпускать, как бы сильно оно тебя ни ударило.

Тут я поняла, что запуталась, но моему разуму нужно было знать самый худший вариант развития событий, поэтому я спросила.

– Что будет, если я отпущу?

Она прекратила свои странные телодвижения и посмотрела мне в глаза. Выражение её лица было холодным и зловещим.

– Союзник проглотит тебя, – сказала она. – Ему нравятся милые маленькие трусишки. А потом она издала самые зловещие кусающие звуки зубами, повторяя снова и снова: «Ммм, какая жирная, какая хорошая!», одновременно поглаживая круговыми движениями свой живот. Потом она хлопнула себя по голове и завертела рукой по животу в противоположную сторону. Тогда я поняла, что один из нас сошел с ума, и подумала: не я ли это? В этот момент я решила проигнорировать её совет, поскольку он граничил с абсурдом, и, к своему облегчению, больше не встречала этого монстра до конца недели. Но на следующей неделе, как раз перед менструацией, я снова почувствовала Силу.

На этот раз он бродил за моей дверью с еще большей свирепостью. Когда я встала перед дверью, я поняла, что это было что-то очень серьезное, излучающее яростный белый свет, который прорывался через щели, снизу и по бокам двери. Трещины становились всё больше, пока прочная дверь не сорвалась с петель. Я даже не успела отбежать к кровати. Дверь отлетела в сторону, вернее, сломалась, и ее оттолкнули, и я оказался лицом к лицу с ослепляющим белым светом размером с дверной проем. Я окаменела, заледенела до глубины души. Я не могла ни кричать, ни дышать. Когда он начал приближаться ко мне, я чуть не потеряла сознание. Затем я поняла, что этот шипящий шар света был живым и полностью осознавал себя!

Перед тем, как упасть в обморок, я услышала голос Клары в моем ухе, повторяющий: «как вкусно, как вкусно!». Снова и снова, передо мной становился выбор: либо дать себя утащить за край мира, либо схватить и встряхнуть его, как показала мне Клара. Какая-то сила начала подниматься внутри, и, позабыв о себе, я инстинктивно бросилась вперед на светящийся шар, так, словно кинулась на огромную морскую волну. Я знала, что меня ударит током и я могу поджариться до хрустящей корочки, словно от фена, упавшего в ванну. Но, к моему удивлению, электричество было совсем не горячим. Шипение было освежающим, но дико энергичным. Я схватила его и тряхнула, продолжая держать изо всех сил, когда он ударил меня, сначала дернув из стороны в сторону, пытаясь от меня избавиться, затем по кругу, пока мы катались на земле.

Я чувствовала себя так, словно меня унесло волной на дно океана. Его Сила была настолько мощной, что я потеряла сознание, хотя нечто во мне продолжало держаться. Затем постепенно Сила, казалось, уменьшалась. Он стал тверже, жестче, а затем более вялым, потеряв основную часть своего «шипящего» свойства. Он стал плоским и пушистым, затем парообразным, пока полностью не испарился, а я оказалась на полу, сжимая пустоту в руках. Я глубоко вздохнула и, вспотев, пошла к своей кровати. Все, о чем я могла думать: «Что, черт возьми, это было?»

Проснувшись на следующее утро, я рассказала Кларе произошедшем. Она уже не казалась заинтересованной.

– Теперь они больше тебя не побеспокоят, – вот и все, что она сказала, – Ты будешь удивлена, как быстро расходятся слухи в энергетическом мире. Теперь Силы знают, что их ждет, если они свяжутся с Тайшей.

– Что это за Силы? – спросила я Клару.

Она сказала, что это просто Сила, которая пронизывала вселенную, лучи энергии, сознательные и хищные, как и всё, что существует. При воспоминании об этой встрече меня охватил озноб. Я придвинулась к Карлосу на переднем сиденье, пока моя рука не прикоснулась к нему. Мы вернулись на вокзал Викам в полном молчании.

Глава 10: Танцы Пасколы

Мы встретили Бенни в магазине на станции Викам, где покупали себе на обед хлеб и фрукты. С его слов, если мы поспешим, то сможем добраться до Потама вовремя и увидеть танцы Паскола, которые были частью празднования в честь покровителя церкви Святой Троицы. По дороге я попросила Бенни рассказать мне о празднике, который включает танцы, пение, игру на музыкальных инструментах, красочные шествия и фейерверки после наступления темноты. «И, конечно же, много еды и напитков», – добавил он со смехом. Под опытным руководством Бенни мы прибыли в Потам за рекордно короткое время. Улицы оказались так переполнены, что нам было трудно маневрировать на машине сквозь толпы зевак. Яки и мексиканцы со всей Соноры собрались на торжества, проходившие на площади перед церковью.

На восточной и западной сторонах площади были установлены две рамады. Ими управляли две группы распорядителей по четыре человека в каждой.

– Те четверо, в красных головных уборах и с красными флагами, управляют западной рамадой, – сказал Бенни, – Те, кто в восточном рамаде, носят синие головные уборы и несут синие флаги.

Я вытянула шею, чтобы увидеть, какие распорядители идут к каким рамадам.

– Почему у них костюмы разного цвета?

– Синие – это христиане, – объяснил Бенни, – Красные – мавры

– Не знала, что в Соноре есть мавры, – сказала я удивленно. Карлос подтолкнул меня.

– На самом деле они не мавры, – нетерпеливо сказал он. – Они просто играют роль мавров. Видите ли, фиеста – это драматическая постановка конфликта XV века между христианами и маврами в Испании.

Как эта европейская борьба была вплетена в церемонии в небольшом городке яки, было за пределами моих исторических познаний.

Я заметила, что красные тусовщики или мавры носили небольшую конусовидную шляпу из дерева высотой в несколько дюймов. Сверху был металлический полумесяц, с которого свисала красная ткань, покрывающая голову и большую часть лица мавра.

– Мы должны смотреть на синих, – сказал Карлос, указывая в противоположном направлении. – Христиане на восточной стороне.

– Почему мы должны наблюдать за христианами? – спросила я, заинтригованная действиями мавров.

– Потому что христиане в восточной Рамаде, где танцуют паскола и олени, – объяснил он.

Я встала на цыпочки и увидела мужчин, одетых в голубую одежду. Я заметила, что у них на головах были повязаны синие ленты; ткань полностью покрывала их волосы и верхнюю часть плеч. У них также были деревянные палки, но с металлическим крестом вместо полумесяца на конце. Мне было плохо видно, поэтому мы прошли через промежуток в толпе к свободному месту у ступеней церкви. Оттуда открывался панорамный вид на восточный или христианский конец площади, где должен проходить танец.

Музыканты уже начали разогревать свои скрипки, арфы, свистки и барабаны. Затем вышли танцоры, одетые в брезентовые фартуки, жилетки с бахромой, леггинсы и маски.

– Что означают танцы и маски Пасколы? – спросила я, стоя на низкой стене, чтобы лучше было видно. – Есть ли в танцах религиозный смысл?

– Есть, – ответил Карлос. Яки считают, что крещение существовало еще до прихода испанцев. Те, кто не хотел креститься, продолжали существовать в волшебном мире. Они обладали Силой преодолевать смерть и существовали в параллельном невидимом мире, который был наложен на территорию племени яки. Яки верят, что есть другой мир, который всегда существует точно так же, как этот мир вокруг нас.

– Это невидимые духи умерших или призраки?

– Они не мертвы, – объяснил Карлос, – Яки называли их народом Горы. Они верят, что некрещеные невидимые существа являются источником танцев и музыки, играемой для пасколы.

– Есть истории о пещерах на холмах, где люди встречали невидимых существ и учились играть музыку Паскола, перенимая танцы прямо от них, – вмешался Бенни.

– А как насчет самих танцев? – спросила я. – Кто научил их самим движениям?

– Народ Горы, – сказал Бенни.– Их тоже учат с помощью невидимых людей. Иногда можно услышать музыку паскола в безлюдных горах. И яки знают, что играют именно люди с Горы. Лично я считаю, что это ветер. Но эй, я не яки.

Я посмотрела на восточную часть площади, где начались танцы. Танцоры делали самые странные движения, словно не могли контролировать мускулатуру рук и ног.

И звуки, которые они издавали, небыли похожи ни на какие человеческие звуки, которые я когда-либо слышала. Это было похоже на рычание и визг животного.

– Они выглядят потрясающе, – прошептала я Карлосу, – И они звучат еще более впечатляюще.

– Это потому, что они намеренно показывают, что они из мира духов. Причина, по которой они носят маски и издают эти неразборчивые звуки, заключается в том, что они еще не научились говорить на человеческом языке и двигать руками и ногами, как это принято у людей. Танцы постепенно вводят их в мир людей.

Когда мы подошли к восточной рамаде, Бенни объяснил, а Карлос перевел другие аспекты традиции яки. Я узнала, что танцоры, как полагают, имеют прямую связь с животными Горы, которых они считают своими хранителями и учителями.

Весь танец – это драматический переход из невидимого царства вечного существования в мир временных и пространственных ограничений, населенный человеком. А затем они снова возвращаются в безвременье с помощью животных, маски которых они представляют. Когда я наблюдала за танцорами в их костюмах, я заметила, что на икрах и лодыжках они носили повязки, к которым были пришиты сотни маленьких коконов. При каждом шаге они тряслись и стучали друг об друга. Они танцевали по кругу, ритмично двигая руками и ногами в такт музыке. Через некоторое время их движения, казалось, утратили свою странность и они стали плавно двигаться вместе с музыкой.

Затем они устремились к центру площади, после чего повернулись друг к другу спинами, обращаясь во все четыре стороны и постоянно топая ногами, так что погремушки коконов издавали сухой резкий звук. Сами танцоры слились с музыкой скрипок, барабанов и флейт, образовав, в результате, реверберирующий гипнотический музыкальный поток.

Через некоторое время к группе танцоров пасколы присоединился другой танцор. Бенни назвал его «танцором с оленями», это видно , так как он носил голову оленя как часть своего костюма. Он символизировал волшебного оленя, населявшего Гору, королевство, существовавшее до начала времен. «Танцора с оленями» сопровождали певцы, исполнявшие особые песни.

– Песни оленей очень поэтичны, – сказал Бенни.

– О чем они? – спросила я.

– Это песни о вещах, которые произошли давным-давно. Но вам не нужно верить в то, что они действительно произошли или в то, что это правда, чтобы оценить красоту песен. Яки с гордостью рассказывают эти истории.

Я видела, как «олений танцор» двигался, словно испытывая сильное сопротивление. Похоже, он обладал большой выносливостью. Его голова была наклонена, как будто он в трансе, вызванном ритмичными движениями гигантских тыквенных погремушек, которые он держал в каждой руке. Казалось, что он больше не осознает окружающий мир, как будто его собственные повторяющиеся движения перенесли его в другое царство. Я поняла, что монотонные звуки пагубно сказались и на мне.

Я словно впала в легкий ступор, вызванный повторяющимся звуком инструментов и ритмичным треском погремушек на лодыжках танцоров. В какой-то момент мне казалось, что я вижу мир танцора, наложенный на реальность передо мной. Чем больше я сосредотачивала свое внимание на танцоре в маске оленя, тем сильнее начинала качаться моя собственная голова. Я услышала внутри себя голос, говоривший мне не спускать глаз с танцора. Его движения казались особенно плавными, словно движимые внешней силой; как будто его тело больше не было из плоти и крови. Он был текучим, пустым, сливался с миром невидимых существ и животных Духа. Возможно, то, во что верили яки, было правдой, а танцы и ношение масок позволяют человеку выйти за пределы своей человечности, выйти из-под контроля времени и на мгновение увидеть всё с другой точки зрения. Так же, как и маги, обучавшие меня, танцор может постигать знания и видеть вещи за пределами ограничений нашей человеческой формы.

Возможно, на мгновение, благодаря слиянию с танцами и звуками тростниковой свирели, барабанов и грохота тысяч сушеных коконов, он сможет стать тем, чем он был до того, как аналитический ум начал доминировать над человеком. Он находится на пути к возрождению своего наследия и снова становится единым целым с невидимыми существами вневременного мира.

Когда я наблюдала, как танцоры ударяют о землю ногами и движутся полукругом, я осознала, насколько непостижимым был этот мир индейцев яки для чужаков. До тех пор, пока человек не станет танцором паскола, погруженным в традиции яки, он не сможет по-настоящему оценить происходящее. А чтобы быть танцором, нужно быть членом культуры яки, и даже тогда требуются годы обучения с учителем для совершенствования своего искусства. Мне стало ясно: до тех пор, пока кто-то не получит Знание напрямую от одного из невидимых существ или животных на Горе, любое внешнее описание, подобное исследованиям антропологов, не может адекватно описать то, что происходит в голове «оленьего танцора» яки.

Антрополог как наблюдатель может описать увиденное только со своей внешней точки зрения, например, костюмы, танцевальные шаги или песни, в которых певцы рассказывают истории яки. Антрополог анализирует мифы яки, записывает их музыку и, в конечном итоге, архивирует их в этномузыкологических архивах как часть умирающей традиции. Или он может исследовать социальную структуру яки, чтобы увидеть, как люди организованы с точки зрения статуса и ролей. Или их родственные отношения, или исследование может касаться их табу и законов. Он может обсудить задачи, которые возложены на распорядителей, чтобы их праздник прошел без проблем. Например, каковы обязанности у синих и красных организаторов.

Или он мог бы изучить роль фестивалей и танцев в служении сообществу, или их важность в укреплении социальной солидарности. Было очевидно, что празднования дали людям сильное чувство сплоченности. Сотни людей собрались со своими семьями и родственниками из соседних городов, чтобы посмотреть танцы, дождаться подачи еды и начать пить. Без сомнения, антрополог сообщил бы, что торжества предлагают участникам и зрителям возможность вырваться из рутины повседневной жизни.

Посредством ритуального выражения, празднество выводит коллективный разум из царства мирского и поднимает его до уровня священного, возрождая вездесущие мифы прошлого. Когда танцоры рассказывают истории с помощью своих масок и движений, люди могут заново пережить события истории Яки, тем самым придавая плоть и содержание событиям, которые могли или не могли произойти в реальном времени.

Когда у меня в голове пробежал весь спектр антропологических объяснений праздников, стало очевидно, что для того, чтобы что-то понять, недостаточно видеть вещи с объективной точки зрения, описывая их так, чтобы другие исследователи могли воспроизвести то, что один слушал и видел. Чтобы понять это явление, нужно быть членом данного общества или группы. «Каково это, – подумала я, – находиться за маской танцора, участвовать в фестивале не как гость, а как член группы, и видеть мир таким, каким его видит сам «олений танцор»? Другими словами, нужно было откусить яблоко, чтобы попробовать или ощутить его сущность, а не просто описать его свойства со стороны.

Однако верно и обратное. Для индейца яки, не окончившего университет, было бы невозможно понять концепции и теории дисциплины антропологии. Для человека, не умеющего читать и писать, правила академической жизни были бы непонятны. Танцор в маске никогда не смог бы стать профессором антропологии, если бы он не поднялся по служебной лестнице и академической карьере. Для этого вам придется начать в юном возрасте, чтобы изучать разветвления академической жизни, а это соответствует годам специальной подготовки, которую проходит танцор Пасколы.

Когда танцы закончились, танцоры смешались с толпой, развлекая детей, – это было частью их обязанностей. Родители усадили детей на плечи, чтобы они могли видеть происходящие выходки и шалости. Я заметила перед собой мальчика, который ехал на плечах своего отца. На мгновение я была уверена, что тоже ездила у кого-то на плечах, но не в детстве. Тем не менее, хоть убей, я не могла вспомнить, когда это было. Затем, когда я наблюдала за мальчиком, оглядывающимся через плечо своего отца, меня поразило полное воспоминание, как будто устойчивый бриз со всей силы ударил меня и прошелся по затылку.

Я видела себя свисающей со страховочных ремней на гигантском дереве перед домом Клары. Кто-то стоял у подножия дерева, хватал меня за ноги и раскачивал из стороны в сторону. У меня не было тошноты или головокружения. Напротив, я кричала от ликования, когда меня толкали, потому что ощущение качания было для меня восхитительно. Я посмотрела вниз и увидела, что это Карлос толкает меня. Он спросил, хочу ли я покататься на его плечах. Я сказала ему, что я слишком тяжелая, но он ответил, что подвеска возьмет на себя большую часть моего веса. Я взобралась ему на плечи и держалась за его голову. Он обвил руками мои ноги, и мы двигались маленькими кругами. Мы так смеялись, что я даже не заметила, что ремни запутались. Когда он отпустил меня, я завертелась, как накрученный волчок. Я помотала головой, чтобы развеять воспоминания. «Этого не могло быть, – подумала я, – это просто мое воображение».

Однако, это видение и ощущение от встречи с Карлосом раньше было настолько сильными и определенными, что мне было трудно развеять его. Пробираясь сквозь толпу, я держала его за руку, чтобы не потерять, пока мы возвращались к машине. Бенни хотел остаться на танцы и фейерверк, но Карлос сказал, что ему нужно ещё кое-куда съездить и повидаться с несколькими людьми а так же, возможно, приобрести набор коконов для музея.

Мы оставили Бенни с его друзьями и вернулись на станцию Викам. Но не доехав до города, Карлос внезапно свернул с главной на темную дорогу, как будто он точно знал, куда едет. После нескольких миль ухабистой дороги он припарковал машину на участке с хорошо утрамбованной почвой возле глинобитного дома, почти полностью скрытого кустарником. Мы вышли из машины и Карлос небрежно проронил, что мы приехали сюда не за масками, а чтобы повидать Дона Хуана. Карлос хотел посмотреть, дома ли он. Он покричал, давая знать о нашем присутствии, но никто не вышел к дверям.

Я осталась ждать в машине, пока Карлос пошел по дороге посмотреть, сможет ли он поймать Дона Хуана на пути из магазина. По словам Карлоса, у него было сильное предчувствие встретить Дона Хуана по дороге, как уже не раз бывало ранее, во время предыдущих визитов. Некоторое время я ждала в машине, потом я устала и решила сесть на скамейку, стоявшую около дома. Я хотела зарисовать забор и конструкцию дома Соноры, чтобы дополнить эскизы, ранее сделанные мной в пустынном чапарале. Я принесла из машины бутылку минеральной воды и удобно устроилась на грубо вырезанной скамейке. Через несколько минут из дома вышел плотный мужчина лет пятидесяти и потянулся, словно после сна. Я поздоровалась с ним и попыталась объяснить по-испански, кто я такая и почему я сижу под его рамадой.

– Я знаю, кто ты, – сказал он по-английски. На нем была шляпа, и когда он представился как Хуан Матус, он снял ее с головы и сделал легкий поклон в манере джентльмена.

Когда он снова встал, я увидела его лицо. Я испытала мгновение чистейшего замешательства почувствовав, как «обрывается» у меня в животе и открывается мой рот. Это был Джон Майкл Абеляр. Я с трудом узнала его, но это был несомненно он. У него была та же Сила и жизненная энергия, и такие же сияющие глаза, которые могли мгновенно становиться из спокойных свирепыми.

– Мистер Абеляр, что вы делаете, одетый как индеец яки? Я с трудом узнала вас.

– Когда ты в Риме, делай то, что делают римляне. – сказал он с улыбкой. – В этих краях меня называют Хуаном Матусом. Но ты можешь называть меня как хочешь.

После того, как первоначальный шок от встречи прошел, я была поражена тем, насколько легко мне находиться в его компании. Энергия, которую он вложил в нашу встречу, заставила мою врожденную жесткость исчезнуть. Я знала, что мне следовало испугаться его, но почему-то этого не произошло. Он излучал чувство разумности и уравновешенности, которое создавало впечатление о его безупречности во всех делах. Фактически, я была с ним настолько спокойна, как бывают спокойны рядом с очень близким родственником.

– Только не называй меня дедушкой, – пошутил он, читая мои мысли.

– Я буду называть вас Доном Хуаном, как Карлос, – сказала я ему. – Как вы и сказали, когда ты в Риме, делай то, что делают римляне.

Он кивнул.

Я заметила, на его крыльце набор погремушек – коконов, подобных тем, которые носили танцоры Пасколы, а также несколько масок, похожих на купленные Карлосом в магазине.

– Здесь живут танцоры Пасколы? Вы замаскировались под одного из них? – спросила я.

Дон Хуан засмеялся.

– Я немного учился танцам яки в юности, – признался он, – Я много лет жил в Паскуа, городке яки в Аризоне.

– Какие танцы вы танцевали? – спросила я

– «Танец Оленя» был моей специализацией, – сказала он, подходя ко мне. Он взглянул в мою записную книжку, где уже я начала рисовать часть рамады и несколько масок.

– Вы можете рассказать мне о танце оленей? – спросила я, прикрывая свои рисунки предплечьем.

Я не стала рассказывать ему о танцах, которые только что видела в Потаме.

– Хочешь, покажу? – предложил он.

Мгновение я колебалась, задаваясь вопросом, не следует ли мне подождать возвращения Карлоса.

– Карлос вернется лишь ненадолго. – сообщил мне дон Хуан. – Прямо сейчас он собирается по делам в Сьюдад-Обрегон.

– Что за дела? – встревоженно спросила я. – Наша машина находится здесь, как он собирается туда добраться?

– Кто-то отвезет его на своей машине, – сказал он и уточнил, – На своей машине.

Он посмотрел на меня, словно желая оценить мою реакцию, и я почувствовала беспокойство.

– Вы имеете в виду, что он ищет ещё маски? А как же я? Что мне делать? Ждать в машине, пока он не вернется?

– Ты не единственное его дело, мисс, – строго сказал дон Хуан. – Сейчас он занят в другом месте. Он оставил тебя здесь под мою опеку.

– Но когда он вернется?

– Не сегодня, – сухо сказал он.

Он посмотрел на меня взглядом, который не оставлял места для дальнейших вопросов или комментариев.

– Тебя всегда интересовали движения и боевые искусства, – напомнил он мне. – Танцы яки сильно отличаются от восточных движений.

Дон Хуан наклонился и начал надевать погремушки из коконов, которые он снял с жерди. Вблизи я могла видеть, что они сделаны из сотен высушенных личинок бабочек, пришитых на широкий кожаный ремешок, завязывающийся вокруг голени. Затем он одел маску оленя, похожую на ту, которую носил «олений танцор». Часть её, с ушами, острой мордой и рогами, была сделана из головы настоящего оленя. Дон Хуан приготовился продемонстрировать танец оленей. Я нетерпеливо потянулась за блокнотом и карандашом, чтобы делать заметки. Бенни объяснил, что танцоры в масках общаются с царством невидимого своими движениями, но он все еще не знал, как это делалось и что означают танцевальные шаги.

Дон Хуан начал мягко скользить подошвами ступней по земляному полу рамады, видимо, имитируя движения оленьего тела. Его спина была слегка выгнута, а голова смотрела вниз. С согнутыми лодыжками и коленями, его движения приобрели элегантный и изящный вид, как если бы он отождествлял себя с животным, которому принадлежала маска. Его тело стало более подвижным, движения легкими, но энергичными.

Он крутил талию и туловище из стороны в сторону, ритмично размахивая руками за спиной под сухой треск коконов. Затем последовала серия сильных, но приглушенных рывков, когда он многократно ударял о землю то одной ногой, то другой, а затем он начал монотонно петь на языке, которого не я понимала. Стук и дребезжание продолжались, пока мои веки не стали тяжелыми. Я подумала, что, должно быть, меня утомляет жара или волнение, и изо всех сил старалась держать глаза открытыми. Но вскоре моя голова начала качаться, как у дона Хуана, и я больше не смогла бодрствовать. Последнее, что я помню – мой блокнот соскользнул с моих колен на пол, но у меня не было желания поднимать его. Я видела растущий круг пурпурного света перед глазами, и я больше не видела человека, изображающего оленя, продолжая внимать мелодии песни и погремушек.

Я смотрела на лес, и передо мной стоял чудесный олень, разглядывая меня своим черным глазом. Звук погремушки почти растворился, смешавшись с шепотом ветра в сосновых ветвях и журчанием ближайшего ручья. Я была загипнотизирована, я смотрела на оленя, а олень смотрел на меня. Он знал, о чем я думала. Немые звуки без слов вылетали изо рта, как пузыри, которые сразу же улетают прочь. Мгновенно я и олень стали друзьями, потому что он тоже мог понимать мои мысли.

– Не удивляйся, что ты понимаешь меня, – сказал олень, не шевеля ртом. Хотя он говорил без слов, смысл сказанного выражали его глаза, – Если ты отбросишь свои ограничивающие представления о том, что реально и что нереально, могут случиться самые разные вещи.

«Олень тоже может говорить и иметь чувства, – подумала я. – Я сплю? Что случилось с пустыней? Как я попала в этот забытый лес?» Я только успела подумать об этом, как олень сказал мне, что лес существует в другом мире, царстве мифов, и что человек входит в это царство, отпуская мир, в котором он живет. Я спросила:

– Я только что заснула?

– Погремушки шамана помогли тебя перенестись, – объяснил олень. Его влажные глаза блестели в мягком полуденном свете, – их ритмичные звуки заставили заснуть и разбудили в этом волшебном мире. Я твой друг, твое животное-хранитель. Если у тебя есть какие-либо вопросы, просто найди меня, и я дам тебе ответы. Есть ли сейчас что-то, что ты хотела бы узнать?…

Я инстинктивно потянулась за своим блокнотом. Я хотела записать все, что сказал олень, чтобы, когда проснусь, у меня было доказательство его существования и присутствия. Я хотела задать оленю всевозможные вопросы, расспросить о лесе и природе мира, в котором он находился, но чем больше я пыталась думать, тем меньше я могла сформулировать свои мысли:

– В чем смысл жизни?

Олень мгновение смотрел на меня, а затем начал смеяться, и когда он засмеялся, миллион пузырьков начали вылетать из его рта, до тех пор, пока золотой туман не окружил меня, полностью скрыв и лес и самого оленя.

Все, что я слышала, – это бегущий ручей, и именно этот звук вернул меня в хижину в пустыне. И я увидела «танцующего оленя» в маске, стоящего над моим упавшим телом и наблюдающего за мной. Постепенно я вспомнила, кем и где я была, и поразилась магии, с помощью которой дон Хуан перенес меня в царство снов. Я хотела спросить его, видел ли он тоже, или сам реально превратился в оленя, но разговор потребовал бы слишком много усилий. Дон Хуан снял маску и осмотрел меня с головы до пят. Я знала, что Видела. Я хотела спросить его, как это было сделано, как синее пятно возникло прямо передо мной, но Дон Хуан жестом велел мне хранить молчание. Он еще несколько раз тряхнул своими погремушками-коконами, отходя от меня, затем потянулся и отвязал колокольчики с лодыжек.

– Коконы сделаны из высушенных личинок бабочки, – объяснил он, показывая их мне, – Когда их объединено так много, то появляется Сила, способная разрушать барьеры и преодолевать препятствия. Маска оленя призывает духа-хранителя приблизиться к окну этого мира. Однако он может легко ускользнуть. У тебя было короткое путешествие, но теперь ты знаешь, что это возможно. И ты можешь вернуться в мир снов, когда захочешь.

Я посмотрела на дона Хуана, поверив ему только наполовину. Мне показалось, что он подсыпал галлюциногенный порошок из трав в мой стакан с водой, когда наклонился, чтобы посмотреть на мой рисунок. И поэтому меня так жестоко глючило.

Я бросила взгляд на бутылку, стоящую на печке из кирпича-сырца.

– Это были только маска оленя и погремушки-коконы, – заверил он меня. – В твоем напитке ничего нет. Если танец и танцор обладают силой, вместе они могут переместить друг друга на другую сторону.

Дон Хуан повесил колокольчики на гвоздь на столбе рамады. Он осторожно завернул маску оленя в кусок ткани, затем извинился и пошел в дом, чтобы убрать ее. Сумерки разлились по земле, отбрасывая ползущие тени повсюду.

Я долго смотрела на блокнот на полу, ожидая, когда дон Хуан вернется, чтобы ещё его порасспросить. Но когда он не вышел наружу, у меня, наконец, хватило сил зайти в дом и поискать его. Но дона Хуана там не было. Казалось, что он исчез, возможно, в том иллюзорном разломе в мире снов.

Глава 11: Очищающая Ангелика

Было слишком ветрено, чтобы сидеть под рамадой в сумерках, и слишком жутко ждать в доме Дона Хуана, поэтому я решила посидеть в машине, пока не вернутся Карлос или Дон Хуан. Я была поглощена написанием своих заметок, когда услышала стук в лобовое стекло. Я чуть не выпрыгнула через крышу машины.

Дон Хуан смотрел через стекло и жестом велел мне опустить окно.

– Пойдем!, – сказал он, когда я вышла из машины. К спине у него, наподобие рюкзака был привязан какой-то узел.

– Но ведь скоро стемнеет? – сказала я.

– Тем лучше, – ответил он.

Я послушно надела пончо, шляпу и последовала за ним в чапараль.

Судя по компасу, который я всегда носила с собой, мы двигались на запад. Идя за ним, я обратила внимание на его руки. Кончики его среднего и безымянного пальцев были согнуты и прижаты к ладоням, в то время как большой, указательный и мизинец вытянуты в естественном положении.

– Держи пальцы так, и ты не устанешь. – сказал он, поднимая руку, чтобы я увидела её. – А взгляд прямо над горизонтом помогает успокоить мысли. Если ты преуспеешь в этом, то у тебя появится больше энергии во время ходьбы.

– Куда мы идем? – спросила я, пытаясь скопировать положение его руки. Я выстраивала в голове все вопросы, которые раньше не могла ему задать. Но они упорно разбредались.

– Неужели Сила маски и движения танца дали мне то видение оленя? – рявкнула я.

– Шум коконов был нитью, которая привела тебя в мир снов, и связью, которая вернула тебя обратно, – сказал дон Хуан, – Но и сам танцор может переместить кого-нибудь своим намерением.

– Что вы имеете в виду под намерением? – спросила я.

– Я имею в виду, что энергия, исходящая от танцора, может влиять на энергию наблюдателя и может изменить мир вокруг него. Ты, будучи подвижной, легко сдвинулась.

– Но есть ли на самом деле другой мир, в который можно войти? Вы верите в миф яки о Царстве Горы, населенном невидимыми существами? А как насчет животных Духа, они существуют?

Он на мгновение остановился, чтобы взглянуть на меня.

– После того, что ты видела, как ты можешь задавать эти вопросы?

– Мне просто нужно ваше мнение, – сказала я защищаясь.

– Женщины лучше подходят для этого, чем мужчины, потому что вы менее жестки в своих ожиданиях и убеждениях. Хватит вопросов. Пойдем в тишине.

Далекие холмы уже были залиты темно-фиолетовыми тенями. И небо было тем, что мои учителя рисования всегда называли «безупречным акварельным небом», с вздымающимися облаками разных оттенков серого, красного и розового. Мы подошли к группе зеленых кустов и длинному ряду тополей. Когда мы подошли ближе, я увидела, что верхние ветви деревьев были укорочены, как если бы кто-то их специально оборвал или плохо подрезал. Тем не менее, это было одно из немногих мест с пышной растительностью в этой местности.

– Это река Яки, – сказал дон Хуан, указывая на группу деревьев. Она пересекает территорию, являясь единственным источником воды на этой земле. Вот почему места вдоль неё являются энергетическими точками. К ним стекаются растения и животные, а также духи, ищущие влаги.

Мы пересекли невысокий дощатый мост, который, казалось, вот-вот рухнет под нашими ногами.

– Она не очень большая, – прокомментировала я, глядя вниз, – И практически высохла.

Почему-то я ожидала увидеть настоящую реку, полную воды.

– После дождя она наполняется, – заверил меня Дон Хуан. – Но она никогда не бывает очень широкой.

Мы спустились по ущелью к ручью на другой стороне. Это оказалось одно из немногих мест, где земля была влажной. Дон Хуан сказал мне быть осторожной, потому что камни скользкие. Пройдя некоторое время вдоль ручья, мы сели на камень. Дон Хуан снял рюкзак, сунул в него руку и протянул мне круглый мексиканский хлеб, апельсин и несколько тонких полосок сушеного мяса. Я проголодалась, так как не ела с самого обеда. Мы пропустили угощение на фестивале Святой Троицы, потому что гостям здесь небезопасно покупать еду у уличных торговцев. Я начала чистить апельсин, вытирая пальцы засохшими листьями. С того места, где мы сидели, я могла слышать, как грузовики грохочут по шоссе, поднимая облаками пыли и дымя выхлопными трубами.

– У грузовиков в Мексике есть имена, которые им дали владельцы и которые они рисуют на бамперах, – объяснил дон Хуан, – Тот, который только что проехал, называется «раненым сердцем».

Я недоумевала, откуда он это узнал, потому что он никак не мог увидеть грузовик с того места, где мы сидели.

– Потому что я Вижу, – сказал он безучастно.

– Что это такое, дон Хуан?

– У разных людей это выражается по разному. Иногда это просто твердая уверенность в чем-то. В других случаях это голос, говорящий тебе что-то конкретное. Или это может быть визуальное ощущение видения волокон энергии или цветов, движущихся вокруг человека, растения, животного или объекта. Это может быть даже тоска, которая захватывает тебя и не отпускает.

– У меня есть тоска, которая не отпускает меня. – сказала я. – Но я не знаю, что это такое. Я никогда не могу это выразить. Это идет издалека.

Дон Хуан на мгновение взглянул на меня, а затем покачал головой.

– Это не видение, это называется индульгированием, – он искренне рассмеялся. Я хотела поспорить с ним, но он покачал головой.

– Держу пари, это как-то связано с поиском любви, – сказала он, подталкивая меня.

– Думаю, вы правы. – признала я. – Но разве маги не любят и не хотят, чтобы их любили?

– Любят. Но не так, как обычные люди влюбляются и разлюбляются. Любовь мага безупречна. У них нет личного интереса или привязанности к своим чувствам. Они дарят её без каких-либо обязательств и договоренностей. И то что отдано, никогда не возвращается назад.

От резкости его заявлений у меня мурашки пробежали по коже и я поежилась. В свете того, что он сказал, любое мое представление о любви выглядело незначительным неполноценным и пропитанным эмоциональной меркантильностью.

– Я не знаю, смогу ли я принять для себя такие окончательные и абсолютные обязательства, – сказала я, предлагая ему половину хлеба.

Дон Хуан засмеялся и ответил, что это не имеет ничего общего с личным выбором или обязательством. Скорее это был вопрос судьбы, которую либо принимали и действовали безупречно, либо сопротивлялись до последнего вздоха.

– Поток судьбы, объединяющий людей, редок и загадочен, – мягко сказал он. – Только слепой дурак или «преступник знания» не примет такой подарок.

– Что такое «преступник знания»?

Его глаза сияли, как будто он вспомнил что-то, что произошло давным-давно.

-Кто-то, кто знает, что лучше, но упорно отказывается действовать, исходя из своих знаний, – Затем он засмеялся и в шутку сказал:

– Не волнуйся, это не предложение от старика.

Я тоже засмеялась, но немного нервознее, чем хотела. Дон Хуан был далеко не старик. Проехал ещё один грузовик. Мне стало интересно, куда он едет. Может быть, в Масатлан или Гвадалахару, или даже на юг до Мехико. Я сказала дону Хуану, что никогда не была ни в одном из этих мест.

– Скоро ты там побываешь, – сказал он с такой уверенностью, что я почувствовала себя обязанной спросить.

– Откуда Вы знаете? Вы снова Видите?

– Карлос отвезет тебя туда. – сказал он. – Зулейка ждет вас в Гвадалахаре. Ей есть чему тебя научить.

– Могу я остаться с Вами? – Я чувствовала себя комфортно в его компании и до смерти боялась того, чему Зулейка собиралась меня учить.

– Нет, у тебя другой Путь. Мы все обязаны тебе помочь, но ты не такая, как мы. Тебе нужно вернуться в Лос-Анджелес. У тебя есть другие дела.

– Что мне делать? – встревоженно спросила я.

– Это решать Духу. Он поведает тебе, и твоя Сила направит тебя, – Он подтолкнул меня и мягко сказал, – Ты способна на большее, чем думаешь.

В этот момент порыв ветра зашевелил листья тополей. Я почувствовала холодок, пронзавший меня до самых костей. Я не знала, что такое вызов Духа и не знала, к каким последствиям может привести, если я приму его, но, тем не менее, я решила его принять.

– Расскажите мне больше об «Оленьем танцоре», дон Хуан. Как именно танцор попадает в другой мир?

Дон Хуан снял шляпу и вытер лоб платком, который был у него в кармане рубашки.

– Вначале вход в мир снов может быть ужасающим; или это может показаться просто сном, от которого человек не просыпается. Но для мага это сновидение реально, и если ты входишь в этот мир достаточно часто, оно станет реальностью и для тебя.

– Как яки или маги могут говорить, что мир снов реален? – спросила я, – Разве вы не можете отличить состояние бодрствования от сновидений?

– Для магов это реально, потому что они могут действовать в состоянии сна с уверенностью и контролем. Они охотятся на свои сновидения, они могут изучать вещи, находить вещи, понимать вещи, которые непонятны в повседневном мире.

– Какие вещи?

– Вещи о будущем или о том, что кто-то делает за много миль отсюда. Это способ видеть за пределами того, что находится перед тобой.

– Вы говорите о гадании, дон Хуан?

В антропологической литературе полно упоминаний о том, как в примитивных культурах шаман впадает в транс, чтобы увидеть будущее, диагностировать болезнь или найти соответствующее лечение. Африканские шаманы для своих предсказаний особенно любили использовать дым, обугленные кости или куриную печень. Магия, колдовство, гадание – все эти области являются частью изучения антропологии, но они всегда кажутся очень далекими от нашей повседневной деятельности, нашей личной жизни. Для яки такие действия совсем не казались странными.

Сам дон Хуан использовал танец, чтобы открыть дверь в мир духов, в иную реальность. Мир, который был для мага таким же реальным и предсказуемым, как и повседневный мир для нас.

– Магический мир не является чем-то необычным, – сказал дон Хуан, – Это не часть сверхъестественного или аспект дихотомии сакрального и профанного, которую антропологи так легко объединяют.

– Откуда вы знаете, что делают антропологи?

– Аризона полна антропологов, – засмеялся он, – Особенно в районах проживания племен вокруг Тусона. Кто-то всегда пытается за несколько долларов заставить ни в чем неповинного беднягу заполнить опросник. Они продолжают составлять новые схемы и категории, сами не догадываясь, что они означают.

– Я с этим полностью согласна. – сказала я. – Но как-то я попыталась рассказать об этом одному из моих профессоров, а он обвинил меня в том, что я не профессионал материалист и выгнал из своего кабинета.

– Ты должна научиться преследовать своих учителей, – порекомендовал дон Хуан, – Или они сожрут тебя на завтрак. Эти учителя пируют молодыми ученицами.

– Как мне их преследовать? – спросила я.

– Относись к университету как к охотничьим угодьям. Если ты пойдешь туда, чтобы тебя заметили или для удовольствия, или чтобы заявить о себе, это закончится провалом. Если они почувствуют, что ты бросаешь им вызов, чертовы тираны начинают драться и почти всегда побеждают.

– Как я могу их победить? – спросила я, – они мужчины, они злые и сила всегда на их стороне.

– Ты должна ходить вокруг них, словно кошка, никогда не показывая им свое мнение или то, о чем ты думаешь. У опытного сталкера нет мнений. Он приспосабливается к любым обстоятельствам, быстро и плавно, как ветер. Когда они думают, что загнали тебя в угол, ты оказываешься уже в другом месте. Будь неуловимой и неудержимой, но разрушительно-могущественной.

Для меня это звучит как противоречие, – сказала я. В этот момент еще один порыв ветра пошевелил листья на земле. Он дунул сильнее и листья оказались у меня на коленях. Дон Хуан засмеялся и сказал, что я собираюсь стать отличным сталкером, если я буду относиться ко всему как к контролируемой глупости и обнулять себя так, чтобы никто не мог меня поймать.

– Кроме того, только тот, кто так легок, как ветер, способен пройти через трещины между мирами, – продолжил дон Хуан.

– Что вы имеете в виду под трещинами между мирами? – спросила я.

– Маги видят, что мир духов существует и что есть другие сущности, помимо людей и животных, которые бродят по земле. – сказал Дон Хуан. – Но они существуют за стеной, которая, так сказать, в трещинах. Маг принимает это знание как должное, так же как западный человек принимает как должное веру в Бога, рай, научный метод, непогрешимость Папы, или высадку на Луну, или что-либо еще, что составляет его повседневную жизнь.

– Вы хотите сказать, что Нил Армстронг никогда не высаживался на Луну? Или что он прошел через какой-то космический раскол, чтобы попасть туда?

– Нет. Для того, чтобы получить конечный результат, нужно приложить колоссальные усилия, например, направленные для полета в открытый космос. Или убедить себя, что человек в Риме является прямым представителем Бога на земле, или что Дева зачала сына. В свете этих подвигов Намерения, знание того, что другие сущности живут с человеком на Земле, не требует большого подвига веры.

Я огляделась. Я никогда не считала духов частью своего повседневного мира, но в детстве видела, как оживают тени, а иногда ощущала присутствие ангела-хранителя. Я также предполагала, что существуют святые, феи, эльфы и гоблины, хотя и никогда их не видела. Таким образом, было не так сложно признать, что у индейцев яки также были духовные сущности, такие как дух оленя, с которым я столкнулась, которые защищают их и дают им советы, как и наши сверхъестественные покровители.

– Если яки говорят, что существует мир духов и требуется обучение сновидению, человеку придется пройти этот тип обучения, чтобы знать, о чем они говорят. – сказала я дону Хуану. – Если яки попадают в мифический мир и рассматривают его как реальность, то чтобы понять его, антрополог должен сделать то же самое. Он должен сделать свои мифы реальностью.

Я сказала Дону Хуану, что задача антропологов – как можно лучше описать то, что происходит в другой культуре, в другой реальности, то, как члены этой культуры видят и переживают это. Следовательно, он должен быть одинаково открытым и доступным для явлений, с которыми сталкивается, какими бы странными они ни были, независимо от того, насколько они отличаются от его собственных ожиданий или опыта. Короче говоря, полевой исследователь должен приостановить выносить суждения на момент своего исследования. Только так он сможет выйти за пределы своего ограниченного мышления, своего этноцентризма, и своей предвзятости восприятия. Более того, когда он увидит другую реальность, ординарная реальность автора перестанет иметь для него господствующее значение.

– Женщины – лучшие маги, – сказал дон Хуан, услышав мою речь, – и, без сомнения, также лучшие антропологи.

– Почему?

– Потому что они намного более чувствительны, чем мужчины. Им легче переживать и принимать вещи, недоступные для них, не настаивая на самоутверждении, как это делают мужчины. С другой стороны, женщины гораздо более уязвимы и должны быть защищены от потрясения при встрече с другими реальностями. Они склонны потакать себе и терять свою основу в мгновение ока.

Я рассмеялась, потому что на мгновение подумала, что он сказал, что женщины теряют свои «трусы» в мгновение ока.

– И это тоже, – сказал дон Хуан, смеясь. – Но, к сожалению, в этом вопросе никогда не бывает недостатка в мужчинах, чтобы поддержать их. Но, – добавил он, – если говорить серьезно, будь женщина трезвой, смелой и предприимчивой и не потеряет своих трусов, она могла бы раскрыть тайны, превосходящие ее самые смелые ожидания.

– Но разве нам не нужны духовные помощники? – спросила я.

– Это правда, некоторые духи – помощники, – продолжил дон Хуан. – Каждый человек при рождении получает тотемное животное, которое защищает и дает ему советы на протяжении всей жизни. Может у тебя олень.

Мне олень понравился. Я родилась в районе, полном лесов и оленей. Мне нравилось быть в лесу, оставаться в тени. У меня есть что-то общее с оленями в отношении темперамента.

– Какое у вас тотемное животное? – спросила я его.

– Ворона. Я всегда испытывал к ним симпатию с тех пор, как мой учитель показал мне, как превращаться в ворону.

– Я тоже люблю птиц, – сказала я ему, – Мне часто снится, что я лечу.

– Вороны – отличные сталкеры, – добавил дон Хуан, – И некоторые из масок Пасколы изображают их.

Я прикончила апельсин и оставшуюся часть сушеного мяса.

– Танцор, если у него есть Сила, может стать животным, которое он представляет, – продолжил дон Хуан. Я разговаривал с большим количеством танцоров касколы и наблюдал за ними. Для некоторых танец – это просто средство хвастовства, но для других танец – средство путешествовать: маска, музыка и гипнотическое колыхание погремушек-коконов переносят танцора в духовное царство. Там ты можешь узнать о загадках Вселенной и даже найти ответы на фундаментальные вопросы жизни.

Дон Хуан подтолкнул меня, и я поняла, что он имеет в виду мой вопрос к духу оленя. Или, может быть, Карлос рассказал ему о нашей встрече на кафедре антропологии, когда я задала ему тот же вопрос.

– Если ты найдешь оленя во сне, – посоветовал он мне, – спроси его о смысле жизни, – Он скажет тебе то, что ты хочешь знать.

– Это то, чем вы занимаетесь, Дон Хуан? Учитесь в сновидении?

Дон Хуан кивнул:

– И через Видение. Прямо сейчас я вижу, что там растет дягиль (angelica). Именно это растение мы искали.

Мы встали и пошли к излучине ручья, где, как сказал дон Хуан, росли эти растения.

– Для чего это растения?

– Они бесценны для магов, – сказала он, – это растение придаёт магам трезвость, целеустремленность и смягчает беспорядочные изменения восприятия, к которым они склонны, особенно у женщин во время менструальных периодов.

Раньше, когда мы гуляли, он время от времени останавливался, чтобы я могла рассмотреть вблизи некоторые растения.

Он предупредил меня не собирать их, а запомнить, как они выглядят, на случай, если мне когда-нибудь понадобится их найти. Тут были ромашка, шалфей и небольшое растение с синими цветками. Он сказал, что мы пришли сюда не для того, чтобы собирать травы, а для того, чтобы научиться сохранять энергию. Он заверил меня, что если мне когда-нибудь понадобится исцелить себя, я должна напрямую манипулировать энергией, не употребляя никаких растений. Но было исключение из этого правила, и это был дягиль.

Мы подошли к большим желтовато-зеленым растениям, которые выглядели как высокие заросли сельдерея. Они были высотой около ярда, с сухими зонтиками на верхушках, полными маленьких коричневых семян.

– Это дягиль, – сказал дон Хуан, слегка сдавливая лист и растирая его между пальцами.

– Он пахнет сельдереем. – сказала я, принюхиваясь, – На что он похож на вкус?

– Узнай сама, – посоветовал он и дал мне пожевать несколько семечек. На вкус они напоминали горький сельдерей.

Из листьев и семян нужно сделать чай, – спросила я.

– Ты можешь просто пережевывать семена, но в твоем случае лучше их курить.

– Как мне их курить?

– Сначала сушишь стебли, потом немного разминаешь их, набиваешь трубку и зажигаешь при помощи спички.

– Я ничего не курила в своей жизни, – сказала я.

– Даже марихуану? – пошутил он.

– Один друг дал мне попробовать косяк, но мне это не понравилось. Дым действительно повредил мне легкие и заставил чихать. Видите ли, у меня аллергия на дым.

– Это не марихуана, – серьезно сказал он. Кроме того, ты, вероятно, вдохнула слишком много дыма в легкие, хотя ты должна была позволить дыму поглотить тебя.

– Что делает дым дягиля?

– Очищает энергетические волокна тела, – Он отступил и окинул меня колеблющимся взглядом, двигая глазами вверх и вниз с головы до пят.

– К твоим светящимся волокнам прилипло много мусора, несмотря на перепросмотр, который ты сделала. – сказал он. – Поэтому в таких сложных случаях, как у тебя, нужно дважды использовать дым для очистки. Тебе не нужно его вдыхать. Просто позволь дыму ласкать тебя. Он знает, что делать. Он очистит тебя без твоего участия.

Дон Хуан взял несколько засохших стеблей и положил их в свой рюкзак. Он сказал, что отдаст их мне позже. Когда я их использую, следующую порцию я должна буду собрать сама.

– Что мне делать, если я не смогу вернуться сюда?

– Я сказал, дягиль растет везде. – ответил он. – Ты можешь найти его в изобилии в каньонах вокруг Лос-Анджелеса. Нужно дать стеблям высохнуть. В своих снах найди трубку, а потом найди такую же в своем обычном мире. Положи в трубку несколько измельченных листьев. Или ты можешь зажечь прямо кончик стебля.

Мы сели на бревно, и он попросил у меня спичку. Я вынула из кармана коробку спичек. Вместе с компасом я всегда ношу в карманах коробку спичек, чтобы я могла наблюдать за пламенем спички всякий раз, когда мне это нужно. Я задавалась вопросом, откуда дон Хуан узнал, что у меня с собой спички? Он зажег сухой стебель длиной около трех дюймов, держа спичку у кончика. Затем он поводил стеблем туда-сюда перед моим носом, позволяя дыму окутать меня. Дым поймал меня, обжег глаза, и мне совершенно не понравилось это чувство. Но когда дым рассеялся, я ощутила беспрецедентное спокойствие и ясность: сначала я не могла точно определить, в чем разница, потом я поняла, что мое спокойствие было результатом полного прекращения внутреннего диалога.

У меня больше не было мыслей. Меня вполне устраивало непосредственное восприятие, без использования слов и мыслей в качестве фильтра. Я чувствовала, что «я», которое всегда командовало, исчезло. Каким-то образом дым делал вещи абсолютно неподвижными, так что не было разделения между аналитическим «я» и вещами, о которых я думала. Это было словно день и ночь. Днем здесь царит суматоха, улицы полны транспорта и шума, энергия людей, напряжение и суета жизни наполняют само существо. Ночью все успокаивается. Никто никуда не идет. Птицы тоже вернулись в свои гнезда, и все отдыхают.

Вот, что я почувствовала после того, как вдохнула несколько клубов дыма. В полном покое, без спешки, без забот, все вернулось на свои естественные места. Мир был таким, каким он должен был быть, без постоянного вмешательства мыслей и ожиданий. Это было тонкое чувство безмятежности, которое приносил дым. Это было похоже на курение ладана в церкви.

Я начала глубоко дышать животом и наслаждаться спокойствием и легкостью, когда не о чем говорить, нечего делать и некуда идти, кроме как иметь возможность быть там, где я нахожусь в тот самый момент. Как будто мое существо смешалось с вечностью, простирающейся перед моими глазами.

– Дым Ангелики такой и есть, – сказал дон Хуан, ощущая мое состояние ума. – Он ничего от тебя не ждет. Он смиренно выполняет свою работу по уборке остатков прошлого. Если ты эмоционально расстроена или взволнована, окури себя дымом дягиля. Вдыхать его не обязательно. И используй его только тогда, когда возбуждена и чувствуешь, что срочно нужно успокоиться. Никогда не злоупотребляй им. Наряду с перепросмотром, это поможет очистить и успокоить беспорядочные наклонности твоей натуры.

Дон Хуан повторил, что мне не нужно использовать трубку или действительно вдыхать. Я могла поджечь стебель и позволить дыму заструиться, держа кусок корня дягиля в левой руке. Эффект будет такой же. Запаха дыма вокруг меня будет достаточно, чтобы очистить мой разум и прекратить внутренний диалог. Он развел небольшой костер из дров, а затем положил в огонь несколько веток Ангелики, которые собрал тут же с земли. Мы немного посидели напротив него. Дон Хуан то и дело использовал свою куртку, чтобы раздувать дым в мою сторону. Когда огонь погас, он взял палку и указал на пепел.

– Ты хотела знать о том, как Видели раньше, – сказал он, – Древние маги нашей линии использовали множество различных методов, чтобы понять положение дел. Они использовали зерна кукурузы, картины в облаках, рисунки листьев на деревьях или узор золы на земле, оставшийся после костра.

Глава 12: Сон ворона

Было уже за полночь, когда мы вернулись в дом дона Хуана. Машина Карлоса оказалась припаркована там же, где он ее оставил, поэтому я знала, что он ещё не вернулся. Я хотела спать, закрывшись в машине, но дон Хуан даже не желал об этом и слышать.

– Мой дом в твоем распоряжении, – сказала он с галантным видом, – Пожалуйста, будь как у себя дома.

Он заверил меня, что это будет совершенно безопасно, и лично гарантировал, что в его доме нет блох, потому что у него не было животных. Он зажег керосиновый фонарь и поставил его на стол рядом с койкой. Он протянул мне сложенное шерстяное одеяло и сказал, что ему нужно поехать в Торим, чтобы увидеться с некоторыми людьми. Он подчеркнул, что не вернется до следующего дня.

– Что, если кто-нибудь явится сюда? – смущенно спросила я.

– Никто тебя не побеспокоит, – заверил он меня.

– Как вы можете быть так уверены?

– Этот дом хорошо защищен.

– Чем? Невидимой сигнализацией?– сказала я со смехом.

– Можно и так сказать. У меня есть хранитель, который отпугивает любых нежелательных посетителей.

Сначала я подумала, что он имел в виду сторожевую собаку, но прежде чем я спросила, кто его хранитель, он сказал.

– Хочешь, покажу?

– Нет, нет, нет! Я верю вам на слово! – сказала я, внезапно испугавшись. Если я собираюсь тут спать, то не хочу, чтобы что-нибудь жуткое витало в моем воображении.

– Если ты услышишь что-то необычное, тебе лучше проигнорировать это, – сказала он.

Я кивнула и взяла одеяло. Когда он вышел из комнаты, я легла на койку с грубым матрасом из конского волоса. Я пыталась уснуть, но сон никак не шел. Часть меня бодрствовала, будучи настороже; другая часть отчаянно пыталась заснуть. Вместо того, чтобы ощущать твердость матраса под собой, я чувствовала себя погруженной в мягкую и теплую вату. Я объяснила это необычное ощущение странными вибрациями в комнате, которые растворили всё твердое. Это была жидкая комната, двигающаяся и меняющая форму в темноте. Или, может быть, это была моя кровь или адреналин, хлынувший по моему телу, или пребывание в логове нагваля, но гудение стало громче, и мое тело, казалось, исчезло, и все, что от меня осталось, было легким общим покалыванием. Это ощущение напоминало первую ночь, которую я провела в домике на дереве у Клары. В том случае, я была подвешена над землей, и мое тело расширилось, как воздушный шар, меня окутало тем же ощущением полета, которое не имеет ни малейшего отношения к моей физической форме или размеру.

Позже Эмилито объяснил это чувство выходом моего двойника и движением в его сторону, потому что пребывание в домике на дереве подавляло воздействие силы тяжести на мое физическое тело. Я вспоминала Эмилито и таинственный дом на дереве, когда услышала щелчок, похожий на треск ветки, исходящий от стопки корзин в углу комнаты. Все мои чувства были начеку. Передняя часть моего тела казалась широко открытой, как если бы на месте моего живота и груди находилась зияющая дыра. Я изо всех сил пыталась разглядеть что-нибудь в темноте, но могла видеть только очертания предметов в комнате; несколько тыкв, висящих на веревочках, две маски яки, одна – оленя, другая – вороны, привязанные к шесту; силуэт керосиновой лампы на столе.

Я снова услышала шум. Щелчки мог издавать гигантский сверчок, только звук был слишком резким, слишком хрупким. Это было больше похоже на щелчок металлической игрушки в форме лягушки или мышки из дешевого магазина, которая подпрыгивает и щелкает при нажатии и отпускании металлического рычага.

Теперь щелчок раздавался уже по комнате; казалось, он придвинулся ближе к койке. Я немного привстала, прислонившись к сложенной мешковине, служившей подушкой. Я подпрыгнула, когда услышала звук рядом с моей головой.

Потом щелчок прозвучал снова, на этот раз через дверь. Каждый раз, когда он звучал, в моем животе что-то подпрыгивало. Каким бы ни был звук, он определенно прыгал по комнате, как будто пытался привлечь мое внимание. Когда я лежала без сна, пытаясь предугадать место, откуда прозвучит следующий щелчок, я поняла, что волшебный мир полон неожиданностей. Я решила последовать совету дона Хуана и не обращать внимания на все, что творится в комнате.

Я, должно быть, заснула, или меня унес по течению сон, который казался полностью реальным. Я сняла со стены маску ворона и надела ее на голову. Дон Хуан собирался показать мне некоторые движения. Сначала он продемонстрировал, как я должна поставить ноги. Сгибая колени, он встал на подушечки стоп, а затем упал на пятки. Он проделывал это многократно. Я скопировала его , оторвав пятки от земли, а затем быстро опустив их снова. Через некоторое время я поймала ритм и уже делала всё движение только сама, используя голеностопные суставы и колени. Я почувствовала, как мои ноги стали эластичными, вязкими; мои руки свободно свисали по бокам. Я представила себя виноградарем, топчущим босыми ногами виноград в чане, затем, следуя примеру дона Хуана, выгнула верхнюю часть спины, как будто меня подняла сила, и протянула вверх руки, как будто из боков своего тела я расправляю их, подобно крыльям огромной птицы. Моя голова оказалась наклонена вперед, и я смотрела вниз, поднимая и опуская руки вместе с вдохом и выдохом. Я снова и снова повторяла это движение, размахивая руками

Прошла, как мне казалось, вечность, и вдруг пол подо мной растворился и мне больше не снилось, что я машу руками, имитируя полет. Я действительно находилась в воздухе, летая над захватывающим дух видом на пустыню. Я видела растительность, оросительные канавы, дороги и заборы из питайи вокруг глиняных домов с плоскими крышами. Когда мне приходилось подыматься ввысь, я махала руками с такой силой, что в конце концов устала. Я слышала, как дон Хуан сказал, что мне не нужно так сильно махать ими; и что я могу, если захочу, просто парить. Я отпустила себя и испытала самое изысканное ощущение скольжения по воздуху. Я чувствовала, как ветер треплет мои элегантные черные перья. А вдали виднелись красивейшие заснеженные горы. Я подозревала, что это священные горы мифического мира яки, но они были такими же реальными, как и любые другие образования в мире бодрствования. Они впечатляли своим великолепием; красивее, чем любой пейзаж, который я когда-либо видела на этой земле. Я пролетела над долиной, взлетая, а затем взмахивая крыльями, только чтобы снова скользить. Потом я услышала музыку, идущую ко мне издалека. Музыка наполнила все мое существо, я испытала состояние восхитительного счастья. Я слышала, как дон Хуан сказал, что я могу приземлиться, если устану.

Я посмотрела вниз и, увидев рощу деревьев, направилась к их верхним ветвям.

– Ты можешь перестать махать руками, – сказал дон Хуан.

«Ворон-я» благополучно приземлилась и села на ветку, чтобы передохнуть. Я чувствовала свое воронье тело, клюв и голову, а также свои пернатые крылья. Я ухаживала за собой, как птицы и была счастлива сидеть на дереве, а ветерок шептал мне сквозь листья.

Когда я отдохнула, я слетела в поле и начала прыгать по земле. Через некоторое время подошел еще один ворон и прыгнул в мою сторону. Затем произошло самое странное. Ворон оседлал меня, и мы спарились, как вороны. Не то чтобы я имела хоть какое-то представление, как спариваются вороны. И все же я была уверена, что пережила это действие, как ворона. Фактически, другой ворон за очень короткое время поставил меня в положение, которое он хотел, и последовал «приятный обмен мнениями». Осознание того, что другим вороном был Дон Хуан, сделало всё ещё более захватывающим.

В этом сне я видела и чувствовала вещи, которые для рационального ума непостижимы. Например, глубочайшая привязанность. Именно эта волна эмоций вызвала такой переворот глубоко внутри меня, что я навсегда запомню ощущение моего вороньего тела и то, каково это – скользить по воздуху легче ветра.

Через некоторое время поле исчезло, и я снова обнаружила, что стою у дома Дона Хуана, размахивая руками, изображая полет ворона. Я почувствовала, как что-то грубое коснулось моего лица, и услышала дыхание, которое не было моим. Я поняла, что одеяло натирает мою щеку и это я сама тяжело дышу во сне. Как и в момент слияния своего сознания с двойником, я проснулась и обнаружила, что лежу на койке. Я вспомнила каждую деталь сна и закрыла глаза, чтобы снова почувствовать ветер, несущийся мне навстречу, и представила великолепный горный хребет, который окружал захватывающую долину.

Долгое время я лежала без сна в темноте, наполовину прислушиваясь к звукам щелчков, на случай, если они возобновятся, но их не было. То же самое произошло с громким гудением, пронизывающим комнату. На рассвете в окно начал проникать свет. Я наклонилась к блокноту и ручке и записала все, что могла вспомнить о своем «вороньем сне». Изображение местности было кристально чистым, и я могла слышать музыку гор и чувствовать, как их мелодические ноты мягко вибрируют в моем теле. Когда я закончила писать свои заметки, я отложила блокнот в сторону и снова заснула. Проснулась я через несколько часов, когда мне в глаза уже светило солнце. По его свету я поняла, что день будет очень жарким. Я села, услышав как дон Хуан вошел в дверь.

– Как переночевала? – спросил он, открывая мешок с продуктами, который поставил на стол, – надеюсь, не очень неудобно?

– У меня был самый яркий сон о полете над пустыней, – сказала я.

Он попросил меня подробно описать этот сон, что я и сделала, так как он был еще свеж в моей памяти. Он посмотрел на меня и улыбнулся, как будто знал, что я сознательно упустила часть о двух воронах, резвящихся в поле.

– Превращение в ворон во сне не так уж и надумано. – сказал он. – Другое дело, проделать это в бодрствующем состоянии.

– Как ты можешь превратиться в ворона в бодрствующем состоянии?

– С непоколебимым намерением тело будет следовать за разумом, куда бы оно ни шло, – заверил он меня.

Я попросила его объяснить, что он имел в виду под этим.

– Ты делаешь это все время, – сказал он. – Например, когда ты активируешь воспоминание о несчастье, все твое существо погружается в это чувство, и ты становишься несчастной. Именно поэтому не рекомендуется ничему отдаваться полностью. Разум неотделим от тела, хотя мы предпочитаем думать наоборот.

Я открыла бутылку минеральной воды и сделала небольшой глоток.

– Каждый раз, когда мы смотрим на себя в зеркало, – сказал дон Хуан, – или видим свое отражение на водной глади пруда, мы думаем, что видим того же человека, которого видели и прежде. Конечно, мы замечаем некоторые изменения, такие как морщины, более длинная борода или другое выражение лица. Но мы знаем, что эти различия поверхностны. Они не делают нас другим человеком. Мы научились распознавать себя как существо, которое меняется, но для нашего внутреннего взора, однако, мы такие же.

Он наклонился ко мне и приблизил свое лицо к моему.

– Но это всего лишь мираж, – прошептал он, – Вот почему никогда не следует слишком внимательно смотреть в зеркало; ты навсегда останешься такой, какой ты не хочешь быть.

Я заподозрила, что Клара рассказывала ему о моей неоднократной просьбе установить зеркала в ванной в её доме. Мне было трудно привыкнуть к тому, чтобы не видеть свое отражение, и я все время пыталась увидеть себя на любой блестящей, отражающей поверхности.

Он повторил, что мы постоянно меняемся, и мы никогда не бываем прежними. Каждая новая мысль, действие или опыт изменяет нас и делает отличным от того, кем мы были раньше. Только память о себе гарантирует, что мы постоянны, стабильны и узнаваемы.

– Если мы постоянно меняемся, – сказала я, – как мы вообще себя узнаем?

Он ответил, что нет возможности узнать себя, потому что мы есть загадка. Совершенно неизвестная другим и самим себе.

– Это одно из правил сталкинга, – подчеркнул он, – Я узнал его от моего бенефактора, Нагваля Хулиана, и передаю тебе. Мы – неописуемая загадка.

– Но я знаю, кто я, – сказала я.

– Это потому, что ты дура, – сказал дон Хуан, смеясь. – Глупо полагать, что только потому, что у тебя есть имя, адрес, работа или что ты ходишь в школу, ты уже знаешь себя или других. Эти атрибуты не являются твоим истинным «я»; это просто способы описать, кто ты есть, чтобы ты могла говорить о себе как о социальном человеке.

– Вы говорите, что меня не существует?

– Ты существуешь, но не так, как ты думаешь, – сказал он. Дон Хуан подчеркнул, что идея о том, что тело - это постоянная непрерывная сущность, является одним из наиболее трудно разрушаемых предположений.

– Почему так происходит? – спросила я, откусив кусок от принесенного им хлеба.

– Потому что люди отождествляют себя со своим телом, которое они воспринимают так, как принято в окружающем их мире.

Я возразила, что физическое тело реально, а не просто видимость, но он настаивал, что придерживаться такой позиции - значит иметь ограниченное восприятие и ошибочные рассуждения.

– Твое тело - это идея, абстракция, - повторил он. – То, как ты относишься к нему, зависит от твоей культуры и модальности времени, в котором ты живешь. Например, люди прошлого не имели такого же представления о теле, как мы сегодня, а западный человек не имеет такого же представления о нем, как маг.

– Разве тела у нас физически отличаются? – спросила я, – те же две руки, две ноги и туловище.

– Если бы у нас было одинаковое физическое состояние, мы бы все могли делать одни и те же вещи, – ответил он, – Но большинство людей не могут летать по воздуху, проходить сквозь стены или распространять свои светящиеся волокна на большие расстояния. Или исчезнуть прямо у тебя на глазах.

Я, должно быть, бросила на него вопросительный взгляд, потому что он добавил:

– Некоторые люди не могут воспринимать эфирное или энергетическое тело, которое позволило бы им совершать эти экстраординарные подвиги. Поэтому, в отличие от мага, который ежедневно настраивает и укрепляет свое энергетическое тело, своего двойника, обычный человек ничего не делает для его улучшения, но он делает все, чтобы повысить чувство своей собственной важности, свою социальную личность.

– Что вы имеете в виду под чувством собственной важности? – спросила я.

Дон Хуан на мгновение задумался, подбирая слова.

– Это чрезмерный упор на представление человека о самом себе. Чтобы эта Идея стала реальностью, её необходимо постоянно подпитывать энергией. Нужно всегда заботиться о ней, поддерживать её, укреплять, потакать, чтобы поддерживать её в живых.

Когда я спросила его, почему это так, дон Хуан ответил, что люди потеряли связь со своим истинным истоком, который является таинственным и непостижимым, а остались всего лишь с имитацией, призрачной идеей, которую они считают реальной.

– Если бы люди осознавали, что они непостижимы для себя и для других, они не считали бы себя важными и не поддерживали бы эту важность, чувствуя себя особенными. Они бы знали, что они уже особенные. Но, забыв о своей истинной тайне, они пытаются выглядеть и стараются казаться важными. Но это смертельная ошибка.

– Почему это ошибка?

– Потому что мы никогда не должны пытаться из себя кого-то изображать, – ответил он, – Наша таинственная природа уже делает нас такими, какими мы могли бы быть.

Дон Хуан сказал, что хочет еще раз прогуляться, и велел мне закончить есть, чтобы я могла сопровождать его.

— А что насчет Карлоса? Спросила я. — Разве я не должна ждать его здесь? Разве он не вернется сегодня?

Дон Хуан протянул мне кусок вяленого мяса и сказал, чтобы я медленно его пережевала.

– У меня такое чувство, что Карлос будет занят сегодня большую часть дня, – сказал он.

Мне очень хотелось узнать, чем именно будет занят Карлос. Без сомнения, это была та хорошенькая девушка, которую я видела на днях в магазине. Я представляла, что они проведут целый день занимаясь английским или бог знает чем еще. Заметив мою озабоченность, дон Хуан крепко постучал меня по макушке костяшками пальцев.

– Я знаю, о чем ты думаешь. Зачем мужчине нужна другая женщина, если у него уже есть ты? Здесь твое мелкое собственничество бесполезно, – резко сказал он. У тебя представление о себе, как о ревнивой, и собственнице. Чем раньше ты избавишься от этой идеи, тем лучше.

– Таким образом думают большинство женщин, – сказала я.

– Как раз именно от этого ты и должна беречься, – сказал он строго. – Помни, чувство собственной важности убивает. Не трать свою ограниченную энергию на поддержку несостоятельных позиций. Держись за свои подпорки.

Он посмеялся над своей игрой слов. Затем продолжил с земной прямотой.

– В тот момент, когда мужчина обращает внимание на женщину, она теряет свои подпорки.

– Это не так, – сказала я, – Женщина может любить мужчину чисто, без какого-либо физического участия..

– Но может ли она любить его и не беспокоится об этом, если он любит других женщин?

Я на мгновение задумалась. Он был прав. По моему собственному опыту и по мнению людей, которых я встречала, такая бескорыстная любовь действительно не окупается в нашей культуре. Я пожала плечами.

– Если вы говорите о полигамии, – сказала я ему, – то я не думаю, что женщины должны мириться с этим.

Я была настолько против мужских измен, что для меня была приемлема только полная верность.

Я вспомнила, какой несчастной была жизнь моей матери из-за неосмотрительности моего отца. От нее я усвоила мнение, что мужчины — бессердечные хозяева, которые не остановятся ни перед чем, используя женщину, а затем отвергнут ее, не оглядываясь назад.

– Я не говорю о полигамии, – сказал дон Хуан. – Я говорю о свободе от чувства собственной важности. Никто не уникален и не привилегирован ни при каких обстоятельствах.

– Но если мы не считаем себя уникальными или особенными, как мы можем отличить себя от других людей и вещей? – спросила я.

– Почему ты так хочешь отличаться от людей или вещей? – вопросом на вопрос ответил он, – Индивидуальность нужна, чтобы взаимодействовать в мире людей, но ты уже знаешь, как это делается. Я предлагаю альтернативный способ существования, при котором твое энергетическое тело взаимодействует с Духом.

– А что такое Дух? – спросила я.

Дон Хуан на мгновение посмотрел на меня; его холодные глаза стали свирепыми, как у орла. Его взгляд заставил меня отвести глаза. Он усмехнулся, взял одну из тыкв, которая была привязана у него к поясу, вытащил пробку и сделал глоток. Я почувствовала себя обязанной повторить свой вопрос.

– Я действительно не знаю, сказал он, – Мы можем вернуться к своему истоку, даже действовать, исходя из этого, но мы никогда не сможем узнать или сказать, что это такое.

– Так что толку, если мы не можем говорить об этом? – возразила я тоном, граничащим с жалобой.

Дон Хуан схватил меня за плечи и встряхнул, как тряпичную куклу.

– Перестань жалеть себя и веди себя как воин.

Дон Хуан топтался по земле как бык, готовый к атаке, и яростно смотрел на меня, раздувая ноздри. Его пантомима была настолько реалистичной, что мне пришлось отойти в сторону, опасаясь, что он меня протаранит. Но вместо того, чтобы броситься, он внезапно слегка повернулся на каблуках и вышел за дверь.

Он жестом велел мне следовать за ним. Некоторое время мы шли по грунтовой дороге, затем неожиданно он свернул в чапараль. Это было все, что я могла сделать, чтобы оставаться возле него. После напряженного перехода, во время которого я применила техники «не-делания», такие как удерживание глаз на горизонте, правильное положение рук и полное молчание, я все равно задыхалась, когда мы подошли к подножию огромной скалы. Дон Хуан приказал мне сесть на большой валун и замедлить дыхание. Он сказал, что в магическом знании есть сотни, если не тысячи неделаний, каждое из которых предназначено для создания определенного эффекта, который пытались получить маги его линии. Положение рук было одним из них, как и наблюдение за точкой на горизонте во время ходьбы. Он повторил, что лично считает неделание одним из лучших способов для сталкера прервать распорядок дня или привычные реакции в повседневной жизни.

– Используй технику спичек, – предложил он, – чтобы успокоить себя.

– Прямо сейчас? – спросила я.

Он кивнул и вылил несколько капель воды из фляги в углубление на скале.

Я достала коробку спичек, удерживая одну спичку между большим и указательным пальцами, чиркнула и зафиксировала её пламя на семь или восемь дюймов перед глазами. Созерцая, я вдыхала пламя в область между глазами, пока оно почти не погасло. Затем, не загасив пламя до конца, я окунула кончик спички в воду, чтобы остудить его и перехватилсь за него большим и указательным пальцем левой руки. Теперь я держала спичку уже вверх ногами и пламя догорало в нескольких дюймах от моих глаз.

– Поднеси голубое пламя к своим глазам, – сказал дон Хуан. Используй намерение, чтобы втянуть его внутрь себя.

Я повторила это действие с девятью спичками, сначала сжегши один конец, а потом перевернув вверх ногами и переложив в левую руку, наблюдая, как пламя поглощает другой конец. После девятой спички он сказал мне остановиться. Он проинструктировал меня глубоко дышать животом, а затем начать практиковать другую технику неделания, которая заключалась в расширении моего сознания за пределы физического тела – вперед, назад, вверх и вокруг меня.

– Что я должна искать или чувствовать?

– Это не имеет значения, – сказал он, – Возможно, дерево позади тебя, или птица на ветке над тобой, или облако в небе над твоей головой. Цель этой техники неделания – растянуть себя, как если бы ты бросаешь во все стороны гигантскую сеть. Он объяснил, что преднамеренное расширение своего сознания, которое обычно направлено вперед, имеет эффект пробуждения энергетического тела или двойника, нарушая жесткие границы, которые каждый научился рассматривать как свое физическое тело.

– Когда твой разум и твое дыхание способны выйти за пределы границ физического тела, – объяснил дон Хуан, – тогда ты узнаешь, что вещи пусты, и что физическая и ментальная непрерывность – это просто выражение ума или социального существа.

Он заверил меня, что наше восприятие мира фундаментально связано с тем, как мы воспринимаем наши тела и насколько гибким является наше дыхание. Чтобы изменить восприятие мира, мы должны начать с изменения нашего осознания своего тела. Мы должны знать, что наши тела находятся в постоянном движении; однако, чтобы не потерять контроль во время своих неземных странствий, наше сознание должно быть твердо зафиксировано.

– На чем должно быть зафиксировано наше сознание? – спросила я

– Не на нашем «я» и не на объектах мира, – заверил он меня, – Потому что это будет держать тебя взаперти. Скорее, осознание привязано к дыханию человека. Дыхание – это линия, которая может вывести тебя за пределы твоих ограничений и заставить твое физическое тело появляться и исчезать. Дон Хуан сказал мне закрыть глаза и привязать мое сознание к дыханию. Я испугалась. Иногда, когда я практиковала некоторые магические пассы, которым меня научила Клара, я чувствовала, как мое тело тает. Но я никогда не рисковала заходить слишком далеко в этом направлении из-за страха потерять себя или вообще перестать себя узнавать.

Даже когда мне снилось, что я ворона, я осознавала свой сон и себя как ворону. Поэтому сейчас я начала с осторожностью. В соответствии с инструкциями дона Хуана, я собиралась позволить своему сознанию течь наружу во всех направлениях, в то время как я удлиняла дыхание. Затем мне пришлось связать расширение моего внимания с ритмичным потоком дыхания. В конце концов, мне нужно было соединить мое ограниченное дыхание с безграничным дыханием земли. Он сказал мне направлять поток дыхания назад, вверх и в разные стороны, пока огромная пустыня вокруг меня не начнет ритмично колебаться в такт с моим дыханием.

Через некоторое время после начала сосредоточения у меня появилось ощущение, что я двигаюсь как огромный мех; вся панорама пульсировала с одинаковой частотой. В какой-то момент я была так далеко, что едва могла слышать голос Дона Хуана, побуждающий меня открыть глаза и описать ему свой опыт.

– Я больше не осознавала свое тело, – сказала я. – Оно стало таким огромным, что, казалось, полностью исчезло.

– Твое тело не может исчезнуть, – сказал он, – по той простой причине, что его никогда и не было.

Я потерла свои затекшие икры, чтобы разогнать кровь.

– То, как ты направляешь свое внимание, заставляет тебя думать, что у тебя есть физическое тело, – сказал дон Хуан, – Направь свое внимание по-другому, и у тебя будет другое тело, возможно, тело лошади, коровы или ястреба.

Я сказала ему, что мне не нужно тело лошади или коровы. Но я была бы не против временно стать ястребом.

-Тебе не нужно беспокоиться о том, что ты можешь застрять в новой форме, – заверил он меня. Судьба создала тебя человеком, и независимо от того, где ты находишься, эта память всегда вернет тебя к этой конкретной конфигурации, по крайней мере, на данный момент. Он предположил, что, поскольку я мечтала стать вороной, летающей над ландшафтами, я могла бы попытаться, если у меня есть достаточно энергии, удержать эту конфигурацию на короткое время, используя свое дыхание и свое внимание, чтобы вызвать изменение.

– Преследование с двойником – это то, что позволит тебе фиксировать точку сборки в новом положении сновидения, – сказал он, – Это означает раскрыть все возможности быть вороном: летать как вороны, чувствовать себя и двигаться как ворона, взаимодействовать с другими птицами и даже спариваться как птица. Ты делала это раньше во сне. Давай посмотрим, сможешь ли ты сейчас переместить точку сборки в это положение, начиная с состояния бодрствования.

Он очистил участок земли и расстелил мое пончо. Затем он сказал мне лечь на живот и повторить дыхание, которое я только что делала. И снова мне пришлось вынести все свое сознание за пределы себя, а затем использовать свой разум, чтобы представить, что я сформировала крылья и свое дыхание, чтобы создать ощущение полета. После периода интенсивной концентрации и контролируемого дыхания я почувствовала тяжесть по обе стороны от себя.

Как будто у меня были гигантские крылья, ритмично двигающиеся в такт моему дыханию. Область вокруг моего лица стала длинной и заостренной, а ноги и руки онемели, стали тяжелыми, а потом и вовсе исчезли. Я посмотрела вниз: ракурс обзора изменился, словно я смотрю не в землю, а прямо вперед. Я могла видеть поля вокруг себя. Ритмичное дыхание постоянно заставляло мои крылья двигаться. В какой-то момент я услышала шепот дона Хуана, который говорил, что мне следует замедлить дыхание и на мгновение взлететь. При этих его слова дыхание замедлилось. Я почувствовала ветер, затем земля подо мной задвигалась, и показывались верхушки деревьев, десятки кустов и далекие холмы. Я сделала еще один вдох и взмыла ещё выше. Через некоторое время дон Хуан сказал мне остановиться. Он сказал, что я должна открыть глаза и снова сосредоточиться на своем физическом теле. При этом я заметила, что область, соответствующая моему подбородку, полностью онемела – он был прижат к твердой земле.

Мои руки и ноги тоже затекли, и прошло некоторое время, пока я снова смогла ими двигать. Дон Хуан энергично массировал мои икры и руки, пока я не почувствовала резкое и болезненное покалывание. Когда это чувство исчезло, я опять почувствовала себя твердой.

– Я спала? – спросила я Дона Хуана после того, как описала ему свой опыт.

– Ты не спала, – заверил меня дон Хуан. – Ты использовала свое намерение и сосредоточилась на дыхании, чтобы изменить форму. Когда дыхание воплощает идею в жизнь, эта новая конфигурация становится реальной.

Он сказал, что ключом к любой магической трансформации или смене облика является сочетание дыхания с идеей воплотить это в жизнь.

– В большинстве случаев у человека есть идея, не имеющая силы дыхания, чтобы материализовать ее, – сказал он, – Или ты можешь иметь надлежащую энергию дыхания, но не пытаться придать ему форму и направлениено когда дыхание и намерение становятся едиными как движение и направление, энергия и форма, тогда новая реальность создается и поддерживается до тех пор, пока они соединены. Это то, что маги называют преследованием двойника. Это означает использование энергетического тела для восприятия реальности с полной энергетической и вещественной достоверностью.

– У меня определенно было ощущение, как если бы у меня были крылья и я летела. И я не помню, чтобы засыпала, – сказала я. – Это было так же реально, как мир передо мной сейчас.

– Конечно, долго это не продолжалось, – заметил дон Хуан, – Потому что сосредоточение дыхания и воплощение идеи требует необычайной энергии. Я одолжил тебе немного своей, чтобы у тебя не было проблем с концентрацией на дыхании и воплощением другой реальности в жизнь. Реальности, которую ты сама нашла раньше, когда сновидела. Теперь ты снова активировала то же самое место восприятия. Итак, теперь у тебя есть другое положение, которое так же реально, как то, где ты являешься человеком.

Он повторил, что, комбинируя намерение и дыхание, можно на какое-то время изменить свое восприятие и свою реальность, если кто-то захочет выйти за ограниченные пределы конфигурации собственного тела

— Это то, что маги называют преследованием двойника, — повторил он. «И вот что делают маги: они расширяют возможности восприятия за пределы дозволенного нам как социальному человеку. Другими словами, это максимизирует их опыт как разумных существ».

Дон Хуан продолжал, говоря, что превращение в птицу или животное было одной из позиций Силы, переданных древними магами его линии. Это одна из техник неделания, которая используется до сих пор.

– Быть человеком – это больше, чем просто родиться, жить и затем умереть, – сказал он. Это означает расширение своего потенциала за счет выхода за известные пределы своего существования и прыжок в неизвестное. Потому что иметь тело – это не просто быть определенной массой плоти и крови, которую нужно кормить и поддерживать в живых любой ценой.

– Быть живым, – подчеркнул он, – означает осознавать, быть точкой зрения, которая никогда не знает своих границ. Однако, нужно с позиции ограниченного восприятия попытаться интуитивно, понять свою природу, свои бесконечные возможности.

Дон Хуан сказал, что еще одна заповедь сталкера состоит в том, что он никогда не знает, с чем он сталкивается, но всегда действует так, как если бы он знал. Придавать реальности более существенное содержание, а затем отказаться от него.

– Вот что значит быть живым, – сказал он. – Интуитивно, несмотря на наши рациональные ограничения, постигать чудеса мира и смело прыгать в бесконечность, связывая наше дыхание со всем, что мы можем вообразить, пока мы не станем настолько подвижными и незнакомыми себе, что станем невообразимыми. Сталкинг или преследование с двойником означает прикосновение к бездонным истокам нашего загадочного происхождения.

Дон Хуан предложил мне посидеть в тишине на мгновение и подумать о том, что он сказал, потому что изменение форм в традиции магов было преднамеренным актом неделания тела, сложным маневром сталкинга.

– Только начав с внутренней тишины, мы можем достичь глубокого уровня осознания, который позволит нам понимать и двигаться интуитивно, – сказал он. – Только благодаря отдыху и отречению можно избежать неустанного контроля разума.

Он откупорил свою тыкву и дал мне отхлебнуть. Я сразу почувствовала себя лучше и заметила, что нервная дрожь, охватившая мой живот, почти прошла.

– Не наше тело делает нас одинаковыми изо дня в день, — заявил он после долгого молчания. – Тело человека постоянно меняется, деградирует и вскоре умрет. Относись к своему телу как к самой себе, и ты тоже деградируешь и умрешь.

– Так что же я должна считать собой? – спросила я.

Дон Хуан улыбнулся. Когда он посмотрел на меня, его глаза превратились в две щелочки.

– Представь себя духом, блуждающим по царству неизменного, – ответил он. – Считай себя единым с таинственной тьмой, которая никогда не рождалась и не умирает. Считай себя такой, и твой потенциал будет безграничным.

Дон Хуан объяснил, что, хотя наши тела и поступки находятся в постоянном движении, только царство таинственной тьмы остается неизменным, потому что туда ничего нельзя добавить или убрать. Следовательно, чтобы иметь подлинную непрерывность, которая, по сути, вовсе не является непрерывностью, мы должны установить связь со слоем за пределами мира явлений. Наши тела должны стать настолько абстрактными, чтобы мы осознавали небытие.

– Мы то, чем мы не являемся, – загадочно изрек Дон Хуан. – А то, что мы думаем о себе, временно, иллюзорно и является лишь малой частью нашей истинной природы.

–Так значит, мы никогда не познаем самих себя – сказала я, – этот путь кажется слишком изолированным и одиноким, вряд ли от него будет польза.

Я всегда думала, что даже если люди равнодушны к другим, они все равно всегда рядом и к ним можно обратиться. Отказаться от себя значило отказаться от других и это представлялось мне самым холодным и унылым способом существования.

– Нет возможности, находиться с собой или с другими, – повторил Дон Хуан, – за исключением контролируемой глупости. Мы – пустое проявление непостижимой Силы, которую маги называют Орлом.

Он сказал, что свет, который достигает наших глаз, – это эманация Орла. Он подчеркнул, что с нашей стороны неправильно рассматривать наши действия как свои собственные или думать, что мы отвечаем за них или подчиняемся им. Потому что это лишь увековечивает ложную дихотомию существа, которое является мотивирующей силой действия, а другое существо является исполнителем этого действия. Такое неправильное представление о разуме и теле лежит в основе нашего заблуждения. Это ведет к ложному видению мира.

– Отдай свое дыхание и энергию на укрепление социальной личности, и твоя истинная природа останется навсегда скрытой, – предупредил дон Хуан, – усиливать свой социальный, и культурный имидж своей жизненной силой, это ошибка. Это всего лишь способ думать и говорить, а не то, чем мы вообще являемся.

Он признал, что наша истинная природа едина с основополагающей силой, которую маги называют Орлом. Видящие могут видеть, как его энергия течет через нас и составляет наше собственное существо; и мы должны смиренно признать эту жизненную силу, иначе мы останемся слепыми ко всему, что нас окружает.

Я хотела, чтобы дон Хуан рассказал мне больше об этой таинственной силе, которая действует через нас. Он пожал плечами и ответил, что больше об этом нечего сказать; мы просто являемся разными аспектами эманации Орла, как и все остальное в сущем. Я настаивала на том, чтобы он объяснил всё подробно.

– Маги не смогли разгадать его тайну, хотя, начиная с древних времен, все видящие приложили максимум усилия, чтобы понять это. И из-за такой неспособности они называли его Великим Непостижимым. Старые маги называли его Орлом, потому что он стоит с открытым клювом, готовый поглотить осознание в момент смерти. Его эманации являются командами, потому что мы должны им следовать, так же как планеты должны следовать своим орбитам в небе. Те, кто смиренно принимает повеления Орла, остаются здоровыми и сильными; Те, кто борется с ними, выгорают и встречают преждевременную смерть.

Он подчеркнул, что только приняв силу, которая движет нами, мы можем обрести благополучие, цель и счастье; борьба с ней приносит болезни и несчастья.

– Чтобы создать что-либо, – объяснил он, – мы должны извлечь это из эманаций орла, из его темной стороны и привести в действие, то есть в поле человеческого осознания. В этом суть магии, вот так маги и добиваются своего. Поскольку у всего есть темная сторона и светлая сторона, двойные элементы движения и отдыха, активности и бездействия, все может быть перевернуто с ног на голову. И с помощью этого маги переходят границы видимого мира и устремляются в царство невидимого.

– Вы говорите о мифическом мире индейцев яки? – спросила я.

– Я говорю не только о мире индейцев яки, – подчеркнул он. – Я говорю обо всем существующем. Если твое осознание связано с истоком всех вещей, оно может совершать, казалось бы, невозможные подвиги.

– Как вы это делаете?

– Следуй естественному ритму вещей и двигайся вместе с энергией вокруг себя, – сказал он. Если ты хочешь действовать, ты должна сохранять спокойствие. Точно так же, если ты хочешь отдохнуть, ты должна наполнить себя деятельностью.

Он сказал, что когда оба элемента, бытие и небытие, находятся в равновесии, то внутри мы неизменны и невозмутимы, но снаружи мы текучие и изменяющиеся, именно тогда мы отражаем силу, стоящую за всеми вещами. Он добавил, что для отражения неизменного мира мы должны отказаться от своего повседневного взгляда на мир. Он подчеркнул, что приостановление наших человеческих суждений – это первый шаг в царство непознаваемого, и для того, чтобы это произошло, успокоение внутреннего диалога является фундаментальной предпосылкой. Поэтому крайне важно достичь внутреннего молчания через практики перепросмотра, магических пассов и другие техники магических неделаний, которым тебя учили, – сказал он. – Только так ты сможешь исчезнуть и стать единым целым с Бесконечностью.

Глава 13: Места силы

День принес освежающую легкость. Дон Хуан и я подошли к месту, где миллионы лет назад произошло извержение вулкана. Местность была усеяна огромными кусками лавы и обломками искрящегося обсидиана, которые простирались в пустыню, как толстый серый ковер.

– Индейцы яки считают это местом Силы, – прокомментировал дон Хуан. Они говорят, что во всей этой лаве заключена энергия.

– Что за энергия? – спросила я, затаив дыхание.

– Это та энергия, которая может заставить человека открывать для себя вещи из прошлого. Все, что нужно сделать, это взять камень, замолчать и выслушать его послание.

– Вы действительно думаете, что камни могут говорить? – спросила я. – Разве это не притянуто за уши?

– Не верь мне на слово, – ответил дон Хуан, – Убедись сама, правда это или нет,– Он указал на холм недалеко от того места, где мы были. – Давай взберемся на вершину этого холма. Это лучшее место, чтобы послушать камни, гуляя по неровной местности.

Хотя на мне была пара толстых туфель на крепкой подошве, кристаллы обсидиана были острыми, а шатающиеся камни затрудняли ходьбу. Приходилось быть осторожной, чтобы избежать порослей опунции с колючими шипами, торчащими между каменными глыбами. Мне однажды сказали, что колючки кактуса чрезвычайно опасны, так как они могут застрять в теле и попасть в сердце или даже мозг, вызвав внезапную смерть. Я не знала, правда это или нет, но я не собиралась проверять данную теорию. Когда мы добрались до вершины утёса, я уже задыхалась и присела отдохнуть, глядя на великолепный вид. Я видела всю пустынную долину с ее извилистой дорогой, уходящей в юго-восточном направлении. Пурпурные холмы вдалеке выступали на фоне неба, как зазубрины.

Словно из ниоткуда, прямо над нами с карканьем пролетела одинокая ворона. Дон Хуан поднял глаза и заметил направление ее полета. Она летела на полуденное солнце.

– Полет ворона означает что-нибудь конкретное? – спросила я.

– Могу поспорить, что это так. – ответил он, покачивая шляпой. – Особенно, если кто-то с ними близок. Вороны могут быть носителями сообщений, но приметы легко истолковать неверно.

– Что, если вы неправильно истолкуете сообщение? – спросила я.

– Тогда могут произойти всякие досадные вещи, – сказал он торжественно. – Ты можешь, в конечном итоге, броситься вперед, когда следует тянуть время. Или ты можешь упустить подходящую возможность по пути, потому что не решаешься действовать.

– Вы имеете в виду, что ворона может спасти вашу жизнь? – спросила я.

– Может, – согласился Дон Хуан. – Вороны и другие существа служат проводниками. Они говорят магу, что и когда делать. В мире воина время имеет решающее значение. Если ты упустишь свой шанс, он может никогда не вернуться.

Окончательность его слов заставила меня поежиться. Он знал, что я имела в виду. Это было состояние рассинхронизации с жизнью, чувство внутреннего дисбаланса; когда никак не можешь поймать гребень волны, чтобы скатиться по ней, но она всегда разбивается о тебя. Поэтому вместо впечатляющего путешествия человек чувствует себя подавленным, как будто он столкнулся с непреодолимой силой, когда меньше всего был готов к этому и ничего не может поделать.

– Вот что я имею в виду под «подходящим моментом», – согласился дон Хуан, когда я описала ему это состояние.

– Что вызывает это состояние нессотвествия? – спросила я.

– То, что мы потеряли связь с нашим двойником, – ответил он.

– Я не понимаю. Можете ли вы объяснить, что имеете в виду?

– Я имею в виду, что когда мы рождаемся, мы неразрывно связаны со своей другой стороной. Линии связи с более широкой картиной, так сказать, открыты, но по мере того, как мы растем, мы постепенно отсекаем эту связь и живем только половиной своего существа. Поэтому мы всегда неуравновешены и чувствуем, что нам чего-то не хватает.

Дон Хуан на мгновение остановился, как бы гадая, стоит ли продолжать.

– Есть кое-что еще, – сказал он, – Это связано со способом зачатия человека.

– Если вы собираетесь рассказать мне о скучной теории зачатия, я уже слышал ее от Клары.

– Что ж, послушай это еще раз от меня, потому что оно явно не дошло до твоего сознания. Потомство от любого занятия любовью будет полно энергии и будет иметь силу жить в данный момент, только если оба родителя были сексуально возбуждены. Если только у одного родителя случился взрыв возбуждения, энергетическая природа ребенка будет неуравновешенной и часть его всегда будет отставать. Если ни один из родителей не чувствовал себя очень возбужденным, что обычно бывает после многих лет жизни с кем-то, у ребенка будет, что мы называем, скучающее зачатие, и он не сможет энергетически уловить течение жизни.

– Это мрачный сценарий, – сказала я. – И ничего нельзя с этим поделать? В конце концов, мы не несем ответственности за то, что произошло в момент нашего зачатия.

– Конечно, помимо первоначального энергетического толчка есть и другие факторы, и это задача восстановления связи с двойником. Это может сделать любой, независимо от того, насколько вяло он был зачат.

– Как можно восстановить связь с двойником? – спросила я.

– Ограничивая чувство собственной важности. Не заботясь о конкретности вещей. Становясь абстрактным в своем мышлении и поведении. Относясь ко всему как к проявлениям энергии, а не как к объективной реальности. Сосредоточение внимания на себе отнимает энергию, необходимую для эффективного действия. Например, сожаление о прошлых действиях или чрезмерная вовлеченность или озабоченность результатом чего-либо отягощают человека настолько, что он не может действовать эффективно, спонтанно и в правильное время.

– Что, если просто не знаешь что делать или когда это делать? – спросила я жалобным тоном.

– Ты должна остановиться и подождать, пока не уловишь движение вещей, – ответил дон Хуан. – И прислушайся к знакам; наблюдай за проявлениями окружающего тебя мира. Они действуют непосредственно на твое энергетическое тело. Конечно, для этого нужно быть абсолютно текучим и свести свои желания к нулю. Ты не должна спешить, тебе не нужно контролировать вещи или манипулировать ими. Тогда ты сможешь услышать шепот мира. Иногда приметы подсказывают, что надо делать. Например, какое растение выбрать от того или иного недуга. Или они предсказывают исход действий. Естественно, другие силы могут рассказать тебе об этом тоже.

– Что это за силы?

– Голос видения, например. Он исходит непосредственно из твоего энергетического тела. Или он может исходить от другой структуры, которая дает тебе советы. В любом случае он советует тебе из места, недоступного для твоего обычного физического тела. И ты должна открыть канал к этому месту.

Дон Хуан был необычайно серьезен, он все время поглядывал на склон холма, как будто ожидая кого-то, или что что-то произойдет. Неожиданно, он поднял руки над головой и потянулся. Я повторила его движение, которое можно сравнить с обезьяной, свисающей с невидимых ветвей деревьев.

Я не могла не заметить, что небо было лазурно-голубым, а не серым и туманным, как в Лос-Анджелесе, где уже за несколько кварталов иногда не видно небоскребов. Небо представляло собой кристально-чистый и непроницаемый полог. Я представила, что могу слышать звуки за много миль, так как в воздухе не было ничего, что могло бы помешать волнам распространяться.

– Посиди немного здесь, успокой свои мысли и прислушайся к лавовым камням, – сказал дон Хуан, – Я пойду на другую сторону холма, чтобы не нарушить твою концентрацию.

– Это не нарушит мою концентрацию, – сказала я ему, но он уже скрылся за поворотом. Я собиралась последовать за ним, когда мне пришло в голову, что он, возможно, пошел справить нужду за валун. Я решила остаться на месте и попробовать послушать камни, как он предложил, хотя у меня не было ни малейшего представления о том, что он имел в виду, говоря о камнях, и что я должна была услышать, если бы слушала их.

Мне потребовалось много времени, для успокоения мыслей. Я злилась на свою мать за то, что она не была сексуально возбуждена, когда зачинала меня. Хотя Нелида сказала, что Видела как мой отец буквально сошел с ума от страсти, но моей матери он не нравился, и она почти ничего не чувствовала. Я винила ее в своих недостатках, в том, что мое благополучие зависело от других, и я прекрасно понимала, что это была катастрофическая ситуация.

Пока я размышляла об этом, мой взгляд привлек светящийся объект примерно в двадцати футах передо мной. Солнце отражалось в куске стекла, а может, это был обсидиан или даже кусок металла. Пока я смотрела на его, мой внутренний диалог постепенно утих.

В засушливой пустыне разум, кажется разглаживается и сам становится подобен этой местности. Периодические всплески внутреннего беспокойства и недовольства растворяются, так что внутри и снаружи не остается никаких препятствий, ожиданий или предубеждений, которые мешают естественному потоку энергии.

Продолжая свою практику созерцания, я испытала момент долгожданного освобождения, как будто беспокойство, которое давило на меня, внезапно покинуло меня. До этого момента я не осознавала, какое ужасное бремя забот о себе возлагается на человека. Казалось, намного проще просто отпустить его, чем таскать, как бесполезный багаж.

Я сканировала землю, пока не нашла то, что искала. Камень, находившийся близко к светящемуся объекту, казалось, фокусировался на мне как маяк. Я подняла камень и посмотрела на него. Это был обычный кусок лавы, легкий и пористый, но каким-то образом я нашла с ним взаимопонимание. Создание симпатической связи с неодушевленным предметом может показаться странным, но внутри этого камня было движение. Я наблюдала за ним; он был гладким и круглым, и на его черной поверхности выступали желтые точки. Я следила за линиями глазами. Затем я увидела свечение вокруг него, ярко-желтого цвета, который казался дружелюбным и в то же время устрашающим в своем нестареющем состоянии.

Следуя внутреннему указанию, я прижала камень к своему животу. Я не ожидала ничего услышать, потому что не слушала ушами, а дон Хуан не указал, что мне делать. Удивительно, но аморфный кусок лавы начал мне что-то рассказывать. Я подумала, что просто фантазирую, но это уже не имело значения. Я все равно это слышала.

Это была своего рода игра, в которую я играла, пойдя на поводу у Дона Хуана, чтобы потом было о чем доложить. Мысленно я спросила камень, откуда он взялся, и сразу почувствовала сильное покалывание в моей матке, и узнала о камне вещи, которые для рационального разума были бы абсурдными. Например, камень рассказал мне на какой глубине в земле он зародился, описывая, что это было похоже на утробу. Он родился или, скорее, был извергнут огромной силой много лет назад. Он рассказал мне, как он считает время в эонах, а не в годах, как мы. И с учетом ограниченного временного диапазона, который мы называем историей, наши жизни ничтожны по сравнению с прошлыми эонами. Он рассказал мне о нашей слепоте, о том серьезном заблуждении, в соответствии с которым мы действуем, что мы думаем, что манипулируем природой и контролируем ее, себя и других. Хотя на самом деле, это просто мираж, качество саморефлексии и, прежде всего, нехватка времени.

Пока я держала камень, у меня возникло странное ощущение, что я вижу более глобальную картину, в которой я была существом, контролируемым и подгоняемым безжалостными силами к неизбежному разрушению.

Я ощущала это в своем животе, как серию мягких волн. Это было приглушенное движение, исходящее от ядра камня, когда я прижимала его к своему животу.

Я впитывала суть камня, пока все мое тело не покрылось слоями тонких вибраций. Затем, когда один за другим начали возникать различные экзистенциальные вопросы, меня охватила глубокая меланхолия: «Зачем я живу? Кто я? Какой во всем этом смысл?»

Какое-то время я сидела на вершине холма в центре небытия, размышляя о тщетности жизни, когда дрожь, прошедшая через меня, как гром, потрясла меня до самой глубины. Я почувствовала высвобождение чувств, которые не могла назвать или определить. Я вспомнила слова Клары; что нет конца источникам человеческого потворства. Вместо того, чтобы бороться или сдерживать ее, я позволил дрожи пройти, пока все снова не успокоилось.

Я чувствовала себя истощенной, словно извергнулся вулкан, изливший горы зацепок и беспокойства. Переживания, которые я не смогла полностью воспроизвести, возникали так внезапно, что я не могла остановиться, чтобы изучить их. У меня даже не было времени проделать очищающее дыхание, чтобы выдохнуть эти чувства. Я поняла, насколько груз воспоминаний и опыта сделал меня тяжелой, обремененной заботами о том, что я думаю, чувствую, хочу или не хочу быть. Эти мысленные измышления лишь тяготили меня так, что я навсегда потеряла синхронизацию со временем и жизнью.

Я хотела отпустить все, что было внутри меня, оставить все позади, начать с нуля, чтобы я могла быть свободной, но что-то в мне не хотело отпускать. Оно цеплялось за жизнь и боялось забвения. Тем не менее, послание лавового камня заключалось в том, чтобы оставить все как есть; не беспокоиться о пустяках, не бороться и не вмешиваться. Все само о себе позаботится. Жить сегодняшним днем, потому что тяжесть всего нашего вчерашнего дня будет тянуть нас вниз, а мысли о завтрашнем дне будут отвлекать нас от нашей настоящей цели. Камень рассказал мне, что есть способ воспринимать, не обладая, и это просто позволить жизни разворачиваться во-вне, какой бы она ни была, но чтобы она неразрывно сливалась с тобой самим в любой конкретный момент.

Я посмотрела на камень и поблагодарила его за его послание. Я собиралась положить его в карман, чтобы унести в качестве напоминания о том, как важно отпускать все, но вдруг почувствовала, как меня похлопали по правому плечу: «Ты ничему не научилась из своих поразительных прозрений?» Услышав голос, я тут же уронила камень и посмотрела вверх, застыв и поперхнувшись на вдохе. Передо мной стояла Нелида. Я ощутила такой толчок внутри живота, что побоялась, что не добегу до туалета. Нелида приказала мне немедленно принять позу полусидя-полупреклонив колени**,** которую маги используют во время сильного волнения. Она помогла мне подставить правую ногу под промежность, при этом правая ступня прижалась к промежности; мое левое колено было согнуто, а бедро и икра прижаты к моему телу.

– Используй эту защитную позу каждый раз, когда ты получаешь испуг или толчок, – посоветовала она.

Я посидела так несколько мгновений, чтобы прийти в себя. Я была уверена, что Нелида возникла из ниоткуда на склоне холма, как явление Богородицы. Тогда я осознала абсурдность этого и сказала себе, что Нелида, вероятно, ждала на другой стороне холма, и дон Хуан сказал ей, где меня найти.

– Мне больше нравится объяснение появления Девы из ниоткуда, – сказала Нелида с улыбкой. – Это могла быть Дева из лавы. Построим здесь грот. Люди будут приходить отовсюду, чтобы поклониться мне. Как говорится: «Там, где есть поклонение, даже камни излучают свет».

Я посмеялась над её беззаботным настроением, и мне стало легче. Нелида села на ближайший камень. Я не могла не заметить, насколько элегантно она была одета. На ней были брюки-кюлоты цвета хаки, соответствующий жакет и высокие черные ботинки из мягкой кожи напа. Она была похожа на женщину из рекламы туристического журнала.

– Ты завидуешь моей одежде? – спросила она, заметив мой взгляд, и я почувствовала, что краснею. Меньше всего мне хотелось завидовать одежде Нелиды, но что-то во мне ничего не могло с этим поделать. Я была такой неряшливой, помятой, что чувствовала себя грудой грязи рядом с ее прекрасным и свежим видом. Как можно было выглядеть так стильно в пустыне? Мне и в голову не пришло одеться, чтобы бегать по скалам и кактусам.

– Я бы хотела избавиться от постоянной зависти, – пожаловалась я, – Но я ничего не могу поделать. Каждый раз, когда я вижу кого-то в чем-то дорогом или красивом, я тоже это хочу.

Она засмеялась и напомнила мне, что я только что провела час, очищая себя от своих желаний и привязанностей.

— Что случилось с твоим катарсическим осознанием, маленькая мисс "Мне-Тоже"? - сказала она улыбаясь. — Ну, по крайней мере, твой взгляд не касается мужских промежностей.

– Прошу прощения, зачем мне смотреть на мужские промежности?

Нелида улыбнулась.

Ты удивишься, сколько женщин одержимы мужскими ягодицами. Каждый раз, когда некоторые женщины сталкиваются с мужчиной на улице, их глаза автоматически блуждают в этом направлении.

– Ну, для меня промежность – наименее интересная часть их анатомии, – раздраженно сказала я.

– Возможно, – сказала она, подмигивая, – Но я имею в виду, что наши глаза обучены искать вещи. Для некоторых из нас это хорошее лицо или задница, а для других – одежда. Мы все были обучены, как обезьяны, схватывать и жаждать вещей.

– Думаю, ты права, – сказала я. – Но я не могу не желать того, что есть у других.

– Ты не знаешь, но владение вещами не важно? – спросила она. – Нет необходимости напрягаться или бороться. Все позаботится само о себе.

Я рассказала ей, как моя мать всю жизнь боролась за приобретение вещей: фарфор, мебель, украшения для дома. А если у неё не было денег на покупку определенных вещей, что обычно имело место, она чувствовала себя обделенной и несчастной. В ее глазах всегда было выражение разочарования и зависти, когда мы приходили в гости к друзьям, и она видела что-то для своего дома, например, подходящий набор кухонной утвари или подходящие чемоданы, или когда появлялась одна из ее подруг с новым платьем или пальто.

– Когда я уходила, я отказалась взять все, что она приберегла для меня, – сказала я вызывающе.

– Ты, возможно, не взяла ее вышитые скатерти, которые она хранила для тебя в своем сундуке с приданым, – сказала Нелида, – но ты определенно переняла ее зависть. Лучше бы ты взяла салфетки и столовое серебро, а жадность оставила позади. Это чувство жадности было наследием, которое она передала тебе.

– Легко оставить что-нибудь материальное, например салфетки, – сказала я. – Эти вещи реальны. Но зависть не настоящая. Как я могу отпустить то, что нереально?

– Начни с перепросмотра, – посоветовала Нелида.

– Я уже перепросматривала это, но оно не сработало.

– Это работает, но ты продолжаешь возвращаться к вещам, от которых давно следовало отказаться.

– Я даже не осознавала, что это часть моего багажа, – сказала я.

– Что ж, теперь ты знаешь. Энергия выходит из глаз, а также входит через них. Так что контролируй на что ты смотришь. Крайне важно тренировать глаза.

– Как можно тренировать свои глаза?

– Все твои усилия направлены на формирование твоего энергетического тела и никогда не должны отклоняться от этой цели, – сказала Нелида. – Перепросмотр – это только начало. Это ослабляет твою привязанность к повседневной жизни и уменьшает силу, с которой объекты воздействуют на энергию твоих глаз. Теперь используй эту дополнительную энергию не для усиления своей зависти, а для создания своего энергетического тела, своего двойника. Вместо того чтобы отражать зависть, используй глаза, чтобы зарядить двойника энергией. Только своим энергетическим телом ты сможешь совершить абстрактный полет.

– Почему ты называешь его абстрактным полетом? – спросила я.

– Маги верят, что есть и другие вселенные, помимо той, в которой мы родились, – ответила она. – Но только тот, кто накопил достаточно энергии, может перейти и перемещаться через разные перекрестки.

– Чем отличаются другие вселенные? – спросила я.

– Мир, в котором мы рождаемся, материален и определяется органической материей, управляемой физическими законами, – сказала она, – Он линеен и объективно организован во времени и пространстве. Но имея достаточно энергии, мы можем пересечь границы, разделяющие миры друг от друга. Существуют миры, в которых энергия неорганическая – не линейная, а круговая, всегда присутствующая и вневременная. Эти миры состоят не из материи, а из энергии и сознания. А войти в другие миры можно, только став бесформенным и практически абстрактным. По сути, человек становится телом сновидения, и пересечение этой грани является абстрактным полетом. Так что не трать свою энергию на зависть к материальным предметам, которые ты никогда не сможешь унести с собой, они просто сокрушат тебя и заставят остаться. Используй свою энергию на создание своего энергетического тела, чтобы ты смогла совершить абстрактный полет.

– Как мне создать свое энергетическое тело? – спросила я.

Нелида не ответила, но показала направление своим указательным пальцем, чтобы я следовала за ней. Мы покинули вершину холма и остановились на поляне, где она сказала мне развести костер. Когда мы собрали достаточно дров, я зажгла огонь своими спичками. Только тогда Нелида села на большой камень и снова заговорила со мной.

– Один конкретный магический пасс предназначен для создания энергетического тела, – сказала она. И когда-нибудь его тебе кто-нибудь покажет. Но теперь мы должны использовать пламя, для изменения направления твоих глаз, чтобы они больше не отражали человеческие заботы, а отражали тело сновидения, глаза двойника.

Она сказала мне смотреть на пламя через полузакрытые веки, затем повернуть голову влево и визуализировать огонь, идущий с того направления. Затем мне пришлось снова повернуть голову в центр, снова посмотреть на настоящее пламя, опять повернуть голову влево и визуализировать пламя. Я снова повторила это действие и она сказала, что мои глаза теперь отвернуты от направления повседневной жизни, так что мирские вещи больше не будут привлекать меня так сильно.

Глава 14: Гости жизни

Нелида встала и несколькими движениями ноги затоптала огонь.

– Разве мы не должны ждать здесь дона Хуана? – спросила я, и она весело рассмеялась.

– Он будет знать, где нас найти, если захочет.

Мы начали взбираться по ступенчатому каньону. Я была измотана и судорожно глотала воздух.

– Не думаю, что смогу добраться до вершины без отдыха, – сказала я.

– Не будь такой размазней! Тебе не любопытно, куда я тебя веду?

– Мне нужен перерыв, – настаивала я.

– Тебе нужно помнить, что ты – гостья земли, – сказала Нелида, садясь на камень. – Мы можем опереться на камни, прислониться к деревьям, или просто поджать пальцы к центру ладони при ходьбе. Но мы не осознаем, что можем получать энергию от мелочей, потому что верим, что мы здесь как покорители земли.

Я села на камень и сразу почувствовала, как часть энергии камня проникает в мой позвоночник через давление на копчик. Нелида продолжала говорить.

– Когда мы чувствуем, что владеем людьми и вещами, мы становимся расточительными и высокомерными. Мы применяем принуждение и делаем жестокое обращение своим стилем жизни.

К моему удивлению, камень был удобным, и я хотела задать Нелиде вопросы, чтобы таким образом продлить этот момент отдыха.

– Я не думаю, что мы можем расширить понятие собственности и на людей, – сказала я. Это не средневековье, когда феодал владеет своей землей и подданными.

– Не заблуждайся, Тайша. Мать правит своими детьми; мужья по-прежнему владеют своими женами; священник доминирует в своей общине, а средства массовой информации гипнотизируют массы. Мир изобилует тиранами, хозяевами и рабами.

Нелида сказала, что было бы лучше отказаться от такого высокомерного или покорного поведения и взять на себя роль скромного гостя.

– Почему гость? – спросила я, передвигаясь по дивану-камню.

– Гость свободен, – ответила Нелида. От него ничего не ждут, и люди, живущие в тех местах, которые он посещает, не находятся в его власти. Он ничего не ждет, но ему все дано. Маги говорят, что это делает путешествие радостным.

Я молчала, пытаясь применить совет Нелиды к своему состоянию. Я всегда думала, что это характерная черта человека – быть корыстолюбивым, конкурентоспособным и, по возможности, контролировать людей.

– Почему бы просто не признать, что мы ничем не владеем, и ничего не контролируем, – сказала Нелида. Мы должны использовать вещи, чтобы помочь нам в нашем путешествии, это правда. Но ничто из этого не является нашим, чтобы удержать или контролировать.

– Как ты можешь так говорить, – мне показалось, что я почувствовала угрозу. Я выросла с ощущением постоянной нехватки материальных вещей и что я контролирую свою жизнь. Эта ведьма говорит, что иметь материальные привязанности вредно.

Словно ощущая мое отвращение, Нелида сообщила мне, что, вопреки кажущемуся, маги не жаждут собственности и не пытаются доминировать над людьми.

– На самом деле, маги утверждают, что даже одежда на нашей спине не наша, – вспыхнула она, – Как что-то может принадлежать нам, если у нас нет силы удерживать это?

– Обувь, которую я ношу, принадлежит мне. Я купила её сама, – сказала я, изображая адвоката дьявола.

– И я полагаю, ты будешь хранить её всю оставшуюся жизнь, даже после того, как она износится? – усмехнулась Нелида.

Она меня поймала. Для меня было невозможно выкинуть что-либо, даже если это больше не работало или не использовалось.

– Нет смысла цепляться, – чуть мягче сказала Нелида.– Как твоя одежда может принадлежать тебе, если даже тело, которое ее носит, не принадлежит тебе?

Я подумала, что она довела до крайности идею отказа от владения чем-либо. Я начала отстаивать свою точку зрения, как будто от этого зависела моя жизнь. Но она только посмеялась надо мной.

– Лучше с самого начала отказаться от идеи владения вещами, – посоветовала она. И прими новый взгляд на себя и других, в котором ничто не является нашим собственным, даже мы сами. Таким образом, ты минуешь фарс обладания вещами и бремя заботы о своем имуществе. Сталкеры подвижны и бережливы. У них нет балласта.

Мне не понравилось то, что она говорила. Казалось, что мне придется продать свои вещи на гигантской гаражной распродаже. Бессеребреничество мира ведьм было мне противно. Меня воспитывали на идее, что однажды у меня будет дом, мебель, машина и красивая модная одежда. Когда я была подростком, я смотрела модные журналы и воображала, что однажды смогу купить одежду, представленную в них. И я должна была признать, что мечта о собственном доме всегда была за горизонтом.

– Давай поговорим, продолжив прогулку, – сказала Нелида и встала. Она, как щенка, погладила камень, на котором сидела, затем некоторое время принюхивалась.

– Трансформация, через которую проходят маги заключается в том, что они перестают считать своё тело своим, – сказала она на ходу. – Тогда ты уже ничего не можешь потерять, даже саму жизнь.

Нелида объяснила, что одна из основных целей сталкинга – заботиться о теле, не как о предмете, которым владеешь, а как о временном госте. Она сказала, что благодаря безупречному обращению с ним, мы делаем его самым эффективным транспортным средством для нашего путешествия.

– Это означает, что ты не позволяешь себе есть, пить или делать что-либо, что вызывает у тебя усталость, тошноту или дискомфорт. И ты никогда не испытываешь нужды или недостатка, потому что тебе ничего не нужно.

Я утверждала, что то, что чувствует человек, является результатом его обстоятельств. Некоторые люди, сообщила я ей, рождаются в неблагоприятных условиях, например, в бедности, и им приходится бороться, чтобы подняться над этим.

– Да, такое возможно, – признала она, – Но когда человек сделал перепросмотр своей жизни, бедность больше не может его затронуть.

– Не понимаю, как это может быть правдой, – сказала я.

– Просто потому, что такого человека больше нет рядом и к нему нельзя притронуться, – сказала она.

– Как человек может так жить? – возражала я. – Мне исполнилось тринадцать лет, прежде чем у меня появилось новое платье. И я отнюдь не была счастлива.

Нелида засмеялась над моим жалостливым тоном.

– Ты имеешь в виду, что носила одно и то же старое платье тринадцать лет? Это невероятно.

– Нет, конечно, нет, – сказала я раздраженно. – Я имею в виду, что все, что мне приходилось носить до этого момента, – это старые платья, которые мне давали мои кузины. Новое платье было подарком на мой тринадцатый день рождения. До сих пор помню, как мама отвела меня в магазин одежды, чтобы выбрать платье, которое я хочу. Я чуть не упала в обморок от стресса, связанного с выбором идеального платья, которое, как я думала, прослужит мне всю оставшуюся жизнь. Я знала, что никогда не получу другого. Чтобы примерить одежду, потребовались часы и мучительное принятие решения, потому что это должно было быть идеальное платье. Кроме того, я боялась, что в любой момент моя мама потеряет терпение, и мы пойдем домой, ничего не купив.

– Когда я наконец выбрала бордово-темно-синий сарафан с оборками, мама жалобно посмотрела на меня и сказала: «Не говори мне, что ты выбираешь его», и я знала, что приняла неправильное решение. Но я упорно настаивала на том, что хочу именно это платье и никакое другое. Вернувшись домой, я заплакала, потому что платье было похоже на наволочку.

Нелида засмеялась еще громче и призвала меня перестать жалеть себя. Она сказала, что мне повезло, потому что я могла бы превратить это платье, даже если оно выглядело как лоскутное одеяло, в объект силы.

– Или ты могла бы разорвать его на части и выбросить, – сказала она.

Я была потрясена тем, что она сказала.

– Я бы никогда не смогла этого сделать, – сказала я. – Это было единственное новое платье, которое у меня когда-либо было. Кроме того, мне пришлось надеть его на день рождения.

– Посмотри на это с другой стороны, – сказал она. – Когда ты ничего не хочешь, это единственный момент, когда ты действительно можешь быть свободной и наслаждаться жизнью. Ты никогда не знаешь, что будет дальше, но поскольку ты больше ни к чему не привязана, это не имеет значения; ты просто «наслаждаешься поездкой». Таков путь мага.

Мне казалось невозможным достичь такого полного состояния непривязанности, и я безмерно восхищалась Нелидой за то, что она достигла этого.

– Как можно стать таким отстраненным? – спросила я. – Разве это не естественно – хотеть новых вещей?

Нелида покачала головой.

– Маги говорят, что наши привязанности и желания – это гипнотические команды, и поэтому их можно сломать, сначала осознав, а затем используя другие команды. Взять, к примеру, твои глаза.

– Прости?

– Твои глаза. Знаешь ли ты, что ты постоянно их трешь?

Я сказала ей, что у меня чешутся глаза и что у меня, вероятно, аллергия на некоторую флору в окрестностях. Но для меня было новостью, что я, оказывается, тру их всё время.

– У тебя чешутся глаза, потому что ты раздражаешь их, когда трешь. Почему бы просто не оставить их в покое?

Я заявила, что если глаза зудят, их трение – это автоматическая реакция. Нелида покачала головой; ее собственные глаза сияли в солнечном свете.

– Я полагаю, ты считаешь наличие чувствительных глаз преимуществом, – заметила она. – Но уверяю тебя, что это не так. Если ты перестанешь беспокоиться о них, зуд уйдет.

– Как я могу это сделать?

– Осознавая свои руки и давая себе приказ не тереть ими, – сказала она. – Таким образом, у тебя будет короткая пауза, чтобы избавиться от привычки. Это может занять недели или месяцы целенаправленных усилий, но рано или поздно гипнотическая команда сломается, и ты больше не сможешь дотянуться до своих глаз, не осознав этого.

Я не могла понять, почему она делает из мухи слона и снова собиралась коснуться своих глаз, но сдержалась. Нелида сказала, что большая часть того, что мы делаем, является привычками, о которых мы даже не подозреваем, поэтому они управляют нами.

– Ревность, зависть, определенная реакция - все это влечет за собой осознание того, что ты сделала реальностью, и таким образом управляет твоим существом, - сказала она.

– Но ты говорила о чувствах, – сказала я, – Как могут помочь твои чувства?

– Ты можешь изменить чувство так же, как ты можешь прекратить объедаться, пить, курить, или что-то ещё, что ты хотела бы изменить.

Нелида объяснила, что секрет успеха заключается в осознании поведения, которое мы хотим изменить, а затем в сознательном изменении его потока посредством действия неделания. Когда мы прерываем естественный поток чувства или действия, мы практикуем то, что маги называют неделанием.

– Маги практикуют неделание, чтобы измениться, – сказала она, – Но сначала тебе нужно осознать закономерность, а для этого тебе нужно сделать глубокий и тщательный перепросмотр. Если, как в твоем случае, ты научилась реагировать жалостью к себе или завистью к другим, то осознавай это каждый раз, когда это чувство возникает. Преследуй себя, отслеживай свои слабые стороны. Затем у тебя появится возможность продолжить или измениться. Наконец, ты можешь избавиться от чего-либо, прежде чем оно тебя захватит.

– Звучит легко, но действительно ли возможно изменить привычку всей жизни?

– Спорим, да, – сказала Нелида, – Но на это нужно много энергии. Перепросмотр помогает получить дополнительную энергию, необходимую для выдающихся подвигов, таких как разрушение гипнотических приказов людей.

Я вспомнила, как Клара говорила то же самое.

– Сложность возникает, когда мы становимся навязчивыми и превращаем одно в другое, – сказала Нелида, – Ты не должна рассматривать неделание как игру. Практикуй его достаточно часто, и ты увидишь, что чувства и желания – это просто места, где мы аккумулируем энергию. Устрани эту энергию, и ты устранишь само желание.

Нелида встала и потянулась. По крайней мере, я думала, что она это делает.

– Еще одна вещь, — сказала она, — неделание не сработает без покрова доверия магов.

Как я ни старалась, я не могла припомнить, чтобы кто-нибудь говорил о «покрове доверия».

– Магический пасс, который я тебе только что показала, позволяет твоему энергетическому телу закутаться в этот покров, – сказала Нелида.

Она вытянула руки в стороны и глубоко вздохнула. Затем он подняла руки до уровня плеч и согнула локти, держа ладони вниз. Она свела лопатки вместе, а её руки почти не двигались. Затем, медленно и равномерно выдыхая, она вывела руки вперед и сложила ладони вместе кончиками пальцев вверх.

– Почему маги называют это движение «покровом доверия»? – Спросила я.

– Это движение стягивает энергетические ленты в области груди. Выдвигая грудную клетку наружу, а лопатки назад, провисающие энергетические линии снова становятся напряженными. Эта полоса через грудь энергетического тела служит щитом. Все отскакивает от него, и это придает чувство уверенности, когда сталкиваешься с миром делания.

Я повторяла это движение несколько раз, пока не почувствовала себя комфортно. Набравшись сил, я добрался до вершины хребта, спотыкаясь о сыпучие камни, карабкаясь вверх по тропе. Добравшись до вершины я непроизвольно охнула. За высокими лиственными деревьями скрывалась огромная серая стена, которая частично обвалилась, и образовала разрушенный сводчатый проход к заброшенному ранчо. Я видела разбитые статуи и колонны на земле. Заросшие ступени вели на ровную площадку, которая когда-то была великолепным двором. Была даже церковь, которая составляла часть архитектурного ансамбля, и множество внешних второстепенных зданий, сгруппированных внутри стен. Я почувствовала, как мое сердце подпрыгнуло от волнения.

– Что, черт возьми, здесь делает такое большое ранчо? – ахнула я.

– Оно было построено сотни лет назад и перенесено сюда древними магами, – ответила Нелида. – Твое изумление происходит от соприкосновения с энергией, которую маги оставили в этом месте.

– Подожди минутку, Нелида. Ты сказала, что маги переместили его сюда? Как такое возможно? Потребовались бы тысячи людей, чтобы разобрать оригинальные здания и переместить их камень за камнем по этой пересеченной местности.

Нелида покачала головой.

– Они не разбирали его и не перестраивали, – сказала она. – Древние маги «вознамерились». Они могли заставить двигаться целые города, просто используя своё Намерение. Обычная гасиенда не была для них большим подвигом.

Нелида предложила нам прогуляться вокруг, чтобы заявить о своем присутствии, потому что это место источало намерение магов, и мы должны были сначала заявить о себе, прежде чем ворваться туда. Пока мы шли, она рассказала, что здания были намеренно размещены на энергетическом разломе земной коры и поэтому источали энергию. Именно эта сила давала моему телу дополнительный импульс, тогда как раньше оно дремало.

– Если энергия циркулирует, то усталость покидает тело, – сказала она, когда мы подошли к давно рухнувшей стене. Внезапно Нелида издала крик, от которого волосы у меня на руках встали дыбом.

– Мне тоже нужно кричать? – вздрогнув, спросила я.

– Конечно. Ты должна дать понять намерению, что ты здесь. Иначе оно может тебя выплюнуть. Если Сила старых магов обратится против тебя, ты не сможешь сбежать отсюда достаточно быстро.

Я глубоко вздохнула, посмотрела на вход и закричала “*намерение*”, три раза, настолько громко, насколько могла. Эхо закричало в ответ, словно мне вторили древние маги и от этого стало ещё более тревожно. Когда я закончила орать, Нелида посмотрела мне в глаза и спросила, как я себя чувствую. Я сказала ей, что до смерти напугана, но, несмотря на это, я чувствую себя полностью отдохнувшей.

– Хорошо, – сказала она, – Это означает, что энергия древних магов благотворно влияет на тебя, и мы можем продолжить.

А что, если вместо этого я почувствовала бы усталость?

– Нам пришлось бы вернуться тем же путем, которым мы и пришли и ты пропустила бы те уроки, которые приготовлены для тебя здесь. Теперь сядь и позволь тишине окутать себя, чтобы мы могли пройти через порталы.

Я слышала, как Нелида говорила это раньше, много раз, но до сих пор не знала, что значит позволить тишине окутать меня на практическом уровне и я попросила её уточнить. Она ответила, что я, в некоторой степени, только что сделала это с помощью крика мага. Она объяснила, что для того, чтобы молчать, нужно отпустить, а для этого нужно ухватиться за что-то еще, например, за солнечный свет или за дыхание, или за намерение через «крик Силы». Таким образом высвобождается энергия, и ее можно использовать. Нелида объяснила, что раскрытие и накопление силы было основной целью древних магов.

– А как проявляется эта сила? – спросила я.

Нелида села на ближайшую ступеньку. Она приняла положение, поставив правую икру перед грудью, обхватив ее руками и сидя на согнутой левой ноге. Она посоветовала мне принять ту же позу неделания древних магов.

– Есть много способов привлечь Силу, – начала она, – но все они сводятся к одному – выполняй каждое действие осознанно. Сидишь ли ты, гуляешь, ешь или практикуешь магические пассы, каждый твой вдох должен быть вдохом силы. Затем постепенно дух начинает раскрываться и твое энергетическое тело просыпается. Крик позволяет тебе расчистить путь к намерению, а также встряхивает твое энергетическое тело.

Я вскочила, сказав, что готова исследовать руины, и осмотреть некоторые статуи, которые я видела во дворе. Возможно, это были артефакты доколумбовой эпохи, которые я могла бы передать в археологический музей университета. Но Нелида была непреклонна.

– Сядь. Мы здесь не для того, чтобы искать сокровища или проводить исследования для курсовой работы.

Она заверила меня, что такие исследования не имеют смысла, потому что они не помогут мне в моих задачах по раскрытию и использованию Силы. Единственное, что могло иметь хоть какое-то значение для нашей нынешней цели, – это молчание и отрешенность.

– Не умничай и не пытайся превратить всё это в совершенно другое занятие, – предупредила она. – Позволь Силе работать через тебя. Тогда все естественным образом встанет на свои места.

Я сказала ей, что её рекомендации слишком расплывчаты и не имеют никакой практической ценности.

Она наклонилась ближе и прошептала, что раскроет единственную вещь, имеющую практическую ценность, – ключ к свободе.

– Древние маги были очень практичными людьми, – сказала она. Настолько практичными, что они потерялись в процессе. Современные маги видели, что путь древних вел к гибели. Поэтому они выделили безупречность как свой единственный ориентир. И почему же безупречность – ключ к свободе? – Нелида не стала ждать, пока я отвечу, – Безупречность – это другая сторона духа. Как две стороны монеты или две стороны холма.

Я хотела спросить ее, что она имела в виду под безупречностью, но она остановила меня, взмахнув рукой. Она осторожно сменила положение, прижала левое колено к груди и села на согнутую правую ногу. Я скопировала её действие. Она повернулась, чтобы посмотреть на вершину холма, с которого мы только что спустились.

– Древние маги могли перенестись через этот склон и приземлиться на вершине или на другой стороне, – сказала Нелида, – Им не нужно было сначала карабкаться на вершину, как это сделали мы. Им просто нужна была осознанность и попытка контролировать направление своего полета. Но у некоторых из нас меньше энергии, поэтому все наши действия должны быть безупречными. Только так мы сможем накопить достаточно энергии, чтобы отпустить личное «я» и приземлиться на другой стороне горы.

Нелида взяла палку и нарисовала на земле изгиб, который напоминал горный склон.

– На этой стороне безупречность, – сказала она, указывая своей палкой, – Наши тела, наши действия и все, что мы видим и чувствуем, должны согласовываться с осознанием и контролем. С другой стороны, именно чистое понимание заставляет нас отказаться от самих себя. В середине есть барьер из беспокойства, который все скрывает. Это туман, который должен быть очищен, чтобы ясно видеть другую сторону.

Нелида указала на среднюю линию своего рисунка: массивную часть, образующую склон горы. Она сказала, что в нашем гипнотическом состоянии мы видим только личное «я» и все силы направляем на его расширение. Поскольку это «я» управляет нашими действиями, они поверхностны, плохо выполнены и полны этого самого «я». Мы верим, что личность бессмертна, следовательно, мы ленивы, как если бы в нашем распоряжении было все время мира, но как только мы осознаем, что есть что-то за пределами нашего Я, что-то завуалированное и таинственное, мы начинаем фокусировать свое внимание на попытки раскрыть его и исследовать его тайну.

– Чем меньше подчеркивается личность, тем выше поднимается дух, – сказала Нелида. – С другой стороны, чем более мы важны для себя, тем больше мы цепляемся за эмоции, суждения и идеи. Перестань уделять особое внимание своей личности, и дух воспарит.

– Есть ли какое-то особое пение или дыхание, чтобы избавиться от своего «Я» раз и навсегда? – спросила я.

– Что за вопрос? Ты забыла про перепросмотр? Ты потеряла из виду магические пассы?

– Нет, я просто имела в виду, что возможно есть более короткий и быстрый путь. Перепросмотр занимает много времени.

– Коротких путей к Силе нет, – сказала Нелида, – Однако все идет на пользу, когда делается с правильным отношением.

– Каким должно быть правильное отношение?

– Когда человек искренен и выполняет свое предназначение. Когда ты не действуешь ради личной выгоды; когда человек брошен и не озабочен тем, что с ним происходит, гора саморефлексии становится настолько прозрачной, что можно увидеть Дух.

Нелида подчеркнула, что высвобождение энергетического тела и обращение к духу является целью современных магов.

– Почему это их цель?

– Потому что только свобода может принести радость и спокойствие в нашу жизнь, – сказала она. Только чистые и скромные действия могут привлечь Силу, когда необходимо остановить обезьяньи суждения и действия.

Нелида добавила, что так же, как люди не знали, как жить без своего «я», древние маги не знали, как жить без Силы.

– У современных магов другая ориентация, – сказала она.

– Как они связаны?

– Они не заинтересованы в управлении людьми; современные маги привязаны к Духу.

Некоторое время мы были погружены в полную тишину. Я позволила этому месту наполнить меня своей мощной энергией. Затем я услышала пение птиц. Может, они были там все время, просто я их раньше не замечала.

– Отпускать трудно из-за того, – продолжила Нелида, – что мы боимся потерять точку опоры и точку отсчета. Но это только потому, что мы еще не осознали, иллюзорность нашего «я».

– Как же тогда, наконец, отпустить? – Спросила я.

– Отпустить – значит отбросить, отказаться. Ты делаешь всё сразу. Некоторым могут понадобиться годы размышлений; для других это просто внезапное осознание. Но когда человек, наконец, отдаёт себя Силе, она приносит с собой текучесть, по сравнению с которой все его прошлые действия казались скучными и громоздкими.

Нелида подчеркнула, что отпустить себя – это искусство сталкера. Не может быть сомнений в том, чтобы отказаться от личного «я», потому что это слишком тяжелое бремя, чтобы тащить его.

– Почему «Я» – это обуза? – спросила я, – Разве оно не помогает нам в нашей жизни?

– Должно, но в большинстве случаев это источник страха и недовольства. Если действительно прислушаться к своему внутреннему монологу, то поймешь, что это не более чем длинный список жалоб или самоутверждений. Сталкер проводит инвентаризацию своего внутреннего диалога, исследует его, а затем отбрасывает. Я рекомендую тебе поступить так же. Потому что внутренний монолог связывает тебя с чувствами, которые принадлежали твоим родителям и их родителям на протяжении поколений. И если ты не избавишься от них, в будущем они распространятся, захватив тебя в ловушку на всю оставшуюся жизнь.

Пение птиц прекратилось. Даже ветер перестал дуть. Где-то вдалеке я услышал шорох в подлеске; может это пробежал кролик или ящерица. Затем я услышала стрекот сверчка и поняла, что они тоже были под воздействием гипнотической команды.

– Маги, чтобы быть свободными, отделяют себя от человеческого наследия или того, что мы называем человеческими условиями, – продолжила Нелида. – Благодаря дисциплине они вычеркивают себя из обезьяньей цепи существования, и не имеют ни будущего, ни прошлого, которое бы связывало их. Буддисты называют это освобождением от колеса жизни. Маги называют это «извержением из обезьяньего бытия».

Меня охватило уныние. Я знала, что была потеряна. Процесс перепросмотра может быть бесконечным. Все, что я делала, чувствовала или ожидала, было топливом для перепросмотра. Если я не прекращу действовать, то создам еще больше путаницы. Теоретически я понимала ценность неделания, но на практике я хотела держать ситуацию под контролем, хотела чтобы меня любили и уважали другие, и хотела руководить своей жизнью. Мысль о том, что я могу остаться без всего этого, наполняла меня разочарованием.

– Независимо от того, согласны мы с учением магов или нет, – продолжила Нелида, чувствуя мое душевное состояние, – саморефлексия должна прекратиться, иначе мы проведем всю свою жизнь, пытаясь оправдать ожидания наших родителей и наших сверстников. Что еще хуже, мы превращаемся в чертовых тиранов, за свержение которых сражаемся. Только покинув дом, семью, прошлое и будущее, мы можем быть по-настоящему свободными.

Я спросила Нелиду, что она имеет в виду, когда предлагает уйти из дома. Я ушла из дома, но не была свободна.

– Это потому, что ты все еще несёшь с собой чувства своих родителей, – сказала она, – ты амбициозна, как твой отец, ты ищешь любви, как твоя мать; ты хочешь мгновенного успеха без усилий. Ты находишься в смертельной конкуренции со своими братьями, и это ставит тебя в противоречие со всем и со всеми вокруг. Следовательно, человеческие заботы тебе настолько близки, насколько это возможно.

Уйти из дома – это не просто попрощаться с семьей и друзьями или дистанцироваться от них. Это подразумевает отказ от своего места в эмоциональной пищевой цепочке, в той линии, которая состоит из предков и умерших. Ты должна отказаться от своего человеческого наследия, его наград и защиты, и вывести себя из трясины человеческих дел. Только когда ты будешь настолько отстранена, что окажешься не привязаной к личному «я», и сможешь честно сказать, что больше не являешься ребенком своих родителей.

– Пока кто-то привязан к себе, он будет привязан к другим, – настаивала она. По-настоящему человек лишен личности только тогда, когда ничего не имеет, ничего не ожидает и ни в чем не нуждается.

– Но я сделала перепросмотр и все еще привязана к другим, – пожаловалась я.

Нелида встала и удивленно посмотрела на меня, как будто сомневалась в том, что я говорю.

– Ты зацепилась за намерение магов. Все, что тебе нужно сделать, это принять это. Ты эволюционировала через накопление Силы во что-то еще. И поэтому мы находимся здесь, в этом месте древних магов, чтобы доказать твоему разуму, что ты больше не дочь своих родителей.

– Как мы будем это делать?

– Путем изучения переднего и заднего планов.

Я недоуменно посмотрела на Нелиду. Не говоря ни слова, она встала и попросила меня следовать за ней во двор. Мы прошли через несколько маленьких комнат с дверями не более четырех футов высотой.

– Должно быть, древние маги были гномами, – пробормотала я.

– Это камеры для перепросмотра, – сказала Нелида. – Но мы здесь не для того, чтобы перепросматривать, а чтобы практиковать пристальное созерцание и с его помощью переместить нашу точку сборки в место древних магов.

Она сказала мне сесть, поудобнее прислонившись к стене. Передо мной стояла серия колонн, точнее, их было семь, расположенных группой. Казалось, что когда-то они были очень низкими потолочными опорами или очень высоким алтарем. Я долго смотрела на них, глядя не глазами, а чувством, исходящим из моей матки, как учил меня Эмилито. В какой-то момент мне удалось оттолкнуть столбы от себя с помощью пристального созерцания. Затем внезапно оттолкнулись не столбы, а меня выбросило вверх и назад на большое расстояние.

Я оказалась на вершине холма, глядя на столбы. Они были в конце длинного туннеля, крошечные и четко сфокусированные, как будто я смотрел не в тот конец бинокля. Потом каждая из колонн выросла до самого неба. Как будто перед моими глазами образовалась гигантская сетка с трещинами. В обычном понимании мир был разделен на сегменты, каждый из которых был разделен черным столбом. Я смотрела на небо и одновременно на бесконечность за небом. Потом столбы сжались, и я снова посмотрела на них. Нелида толкнула меня локтем. Я поняла, что упала и, возможно, потеряла сознание.

– Что случилось, – воскликнула я, садясь, – у меня было полное искажение восприятия? Эти столбы были огромными, и я смотрела на них с вершины холма.

– Это не было искажением восприятия, – пояснила Нелида, когда я рассказала ей о том, что видела. – С тех пор, как ты вошла в мир магов, твои действия выполняются в другом контексте, только твой разум отказывается принять это. Если ты видишь только то, что тебе подсказывает разум, твои действия будут поверхностными и случайными. Чтобы увидеть глубину контекста, ты должна удалить себя из ближайшего окружения, и это именно то, что ты сделала.

– Скажи мне еще раз, что я сделала.

– Ты расширила свое видение. Место Силы магов позволило тебе это сделать. В противном случае ты бы никогда не узнала, кто ты и где ты находишься в данный момент. Не видеть, откуда ты родом, — это катастрофа.

Я попросила ее более подробно объяснить, что произошло, чтобы я могла лучше понять, к чему она ведет.

– Ты была на скале, глядя на руины, и внезапно обнаружила, что сидишь на скале и смотришь на столбы. Ты могла подумать, что тебе только приснилось, что ты сидишь на вершине холма, а столбы – это твой сон. Это потому, что ты считала настоящими те руины, которые раньше видела с земли.

С другой стороны, ты можешь вспомнить прогулку по склону горы, но если ты не помнишь, что сидела на этом камне, ты можешь подумать, что тебе снится настоящий момент. Вид с вершины холма и вещи, которые ты видишь сейчас, принадлежат двум разным реальностям. Внешний вид руин и само их существование зависит от положения твоей точки сборки. Сегодня тебе удалось её немного сдвинуть, и ты Видела с двух разных точек зрения.

Нелида сказала, что всё воспринимаемое нами зависит от нашей способности и интенсивности восприятия. По мере того как сдвигается наша точка сборки, меняется и наше восприятие мира вокруг нас. Далее Нелида сказала, что мы можем соглашаться и говорить о вещах, которые видим, потому, что можем удерживать точку сборки неподвижной.

– Но мир – это не только то, о чем мы можем договориться, – подчеркнула она. – Маги говорят, что существует множество уровней реальности, и пробуждение энергетического тела позволяет нам обрести более острое осознание того, что ничто не остается прежним. Ты испытала это на себе.

Нелида часто говорила мне, что мир жив и находится в постоянном движении. Но кажется, я всегда возвращалась к своему обычному взгляду. По ее словам, это происходит из-за фиксации шаблонов, которые хранятся в огромном хранилище памяти и периодически извлекаются оттуда для повторного использования. В результате возникает ощущение, что воспринимаемый нами мир конкретен и предсказуем.

– Люди чрезвычайно ограничены в своем репертуаре чувств и действий. Ты должна знать это из перепросмотра. Мы подобны пьяницам, которые направляются прямо к бутылке, даже не задаваясь вопросом, почему и зачем мы пьем.

Она заявила, что набор шаблонов присутствует в нас с детства и подкрепляется гипнотическими командами, которые заставляют нас повторять их снова и снова.

– Мы становимся ограниченными, потому что больше не смотрим на картину в целом. Мы просто позволяем своему телу следовать по линиям наименьшего сопротивления, то есть всему, что нам знакомо. Быть осознанным означало бы позволить нашему энергетическому телу действовать за нас, независимо от того, что мы, возможно, научились считать легким или разумным. Позволить осознанию направлять нас было бы сравнимо с тем, как если бы алкоголик отказался от бутылки, несмотря на то, что все его существо научилось жаждать спиртного.

– Это желание когда-нибудь прекратится?

– Да, опустошая наш склад путем перепросмотра, мы разрушаем конкретное, которое властвует над нами, – сказала она, – Есть более быстрый путь. Энергетическое тело может внезапно проснуться и увидеть, что личность не важна. Человек, освободившийся от ограничений саморефлексии, будет воспринимать совершенно иначе.

С этим мне пришлось согласиться. После пробуждения моего энергетического тела все мои взгляды изменились. Перспектива постоянных изменений казалась ошеломляющей, но в конечном итоге стоила того. Чтобы очистить голову, я посмотрела на камни.

– Неужели мне действительно нужно покинуть знакомый мир и войти в какую-то странную реальность? – спросила я наконец.

– Тебе просто нужно отказаться от своего представления о мире. И это все. Потому что наши идеи фиксируют и делают нас конкретными. И ты можешь спросить, почему мы должны отказаться от наших идей, чтобы стать свободными? Потому что идеи ограничены, а энергия не имеет границ. Чтобы быть единым целым с чистой энергией, мы должны сначала устранить препятствие в себе, потому что это туман, который покрывает реальное и непосредственное ложным и интерпретируемым.

Я начала сжимать лопатки, чтобы обрести уверенность. При сканировании колонн я испытала еще одно искажение восприятия: они раскачивались на ветру. Когда я сказала об этом Нелиде, она ответила, что искажения были всегда. Жизнь была энергией, движущейся без ограничений, но мы заключили ее в тюрьму и ограничили ее, исключив возможности, которые не соответствовали нашим разумным ожиданиям.

– Тот, кто видит что реальность – это просто точка зрения, действует без причины и не ожидает вознаграждения, – сказала Нелида.

– Разве такой человек не был бы ужасно одинок? – Спросила я.

– Такой человек не одинок, потому что он присоединился к той Силе, которая движет нами и делает нас завершенными.

– Как я узнаю, действую я от духа или от себя? – спросила я, сильно сдавливая лопатки.

Нелида бесстрастно посмотрела на меня.

– Продолжая действовать безупречно, ты накапливаешь личную Силу, так что дух и твое существо в конечном итоге становятся единым целым. Тогда все твои действия являются отражением намерения духа.

Глава 15: Энергетическое тело

Нелида отвела меня на вершину утеса, откуда я видела руины. Она сказала, что это было место, которое древние маги называли точкой двойной Силы.

– Почему они его так называли? – спросила я, останавливаясь, чтобы отдышаться. Я оглянулась на долину и увидела тропу, вьющуюся по каньону красной окантовкой. Я поразилась расстоянию, которое мы прошли за короткое время.

– Древние маги своим намерением пропитали камни и землю, – сказала Нелида. – Колонны и пик на скале, откуда ты видела руины, образуют энергетическую дугу, которая позволила твоему энергетическому телу «сняться с якоря». Возвращение в это место запечатает твое энергетическое тело и наполнит его жизненной силой. Однако я бы не рекомендовала оставаться там ночью.

– Почему?

– Потому что черный юмор древних магов отвлечет тебя от цели, – сказала Нелида. – Ты и так достаточно мрачная, не нужно доводить тебя до предела.

Я нервно рассмеялась. Я стояла в опасной близости от края, и любой неверный шаг мог привести к падению с обрыва, высотой в сотни футов. Я увидела зловещие валуны, которые, казалось, застряли внизу во время сильного наводнения. Теперь ручей извивался в неровном русле. Трудно было поверить, что река так глубоко врезалась в склон горы. Теперь ручей, казалось, застрял там, внизу, без всякой надежды на спасение. Нелида указала на плоский «стол» на другой стороне оврага и сказала:

– Это место вон там.

– Я боюсь туда идти, – сказала я Нелиде, отойдя от края. – Это место совсем не кажется мне дружелюбным.

Нелида искоса посмотрела на меня.

– Что заставляет тебя думать, что места Силы должны быть дружелюбными, особенно точки двойной Силы древних магов? Все, что нужно для того, чтобы место было полезным, – это наличие определенного намерения, исходящего от земли.

Мы продолжили движение к тому месту, откуда я увидела руины. Мои бедра горели. Мне приходилось останавливаться каждые пятнадцать шагов или около того, потому что подъем явно шел в гору. Нелида дала мне бутылку воды Peñafiel, которую она посоветовала пить медленно. Я выпила почти всё и хотела выбросить бутылку, но она не позволила мне сделать этого, крепко схватив за руку.

– Ты должна действовать безупречно, – сказала она. Это значит ничего не оставлять позади себя.

Я привязала пустую бутылку к петле на джинсах, и мы продолжили идти. Когда мы добрались до плоского участка, Нелида сделала несколько глубоких вдохов и спросила меня, заметила ли я что-нибудь особенное в этом месте. Я сделала пару вдохов и сказал ей, что воздух стал тоньше, чище и прозрачнее. Я больше не чувствовала усталости.

– Ты права, – сказала Нелида, – Воздух здесь легкий, не то что тот, которым ты привыкла дышать. Этот воздух очищен намерением магов, и представляет собой чистую сущность жизненной силы.

Я не была готова зайти так далеко, чтобы приписать свое улучшение самочувствия «сущности жизненной силы», но дыхание воздухом, казалось, заряжало меня энергией. Нелида призвала меня наполнить легкие жизненным зарядом. Пока я дышала, она рассказала, что древние маги практиковали здесь свои сновидения и что они жили в пещерах, которые усеивают склон горы.

– Почему они выбрали именно это место в качестве точки Силы? – спросила я.

Мы сели на плоский камень с небольшим углублением, словно специально вырезанным для сидения. Хотя я не могла не заметить, что у того, кто там раньше сидел, ягодицы были побольше.

– В земной коре есть определенные естественные трещины, по которым можно проскользнуть, – сказала Нелида, – Древние видящие умели находить эти трещины и проходить сквозь них. Они передавали знания из поколения в поколение. Мы сейчас сидим на одной из этих трещин.

Я подскочила. Нелида засмеялась и сказала, что это не геологическая трещина или разлом, а отверстие в энергетической коре земли.

– Жившие здесь маги были отшельниками?– спросила я, снова усаживаясь.

– Многие из них были, – признала она, – Как и многие современные маги, которые используют эти пещеры сегодня. Но они были изолированы не потому, что жили одни или были святыми людьми, а потому, что им удалось отделить себя от человеческих забот.

– Зачем? Это были маги-мизантропы?

Нелида покачала головой, прижала колени к груди и обхватила икры. Я скопировала ее позу. Сразу же я почувствовала тёплое жужжание в груди и животе, которое согрело меня, несмотря на дующий вокруг нас ветер.

– Колдуны не человеконенавистники, – вспыхнув, сказала она. – Мы очень весело проводим время в компании других людей. Наш учитель, нагваль Хулиан, часто развлекал своих гостей замысловатыми мелодрамами и веселыми театральными представлениями. Однако, даже в разгар этого праздника ему удавалось держаться подальше от людей. Маги, хотя и выглядят как обычные мужчины и женщины, совсем не похожи на других людей.

– Что отличает их?

– Обитая в своих «местах Силы», получая уроки от земли и «Видя» энергию напрямую, они рассматривают всё вокруг как непрерывно текучее и временное. Через перепросмотр маг разрывает свои связи с миром и самим собой. Маги стратегически отделяют себя от отвлекающих факторов, упрощают свою жизнь и желания, изолируют себя от человеческих забот, и намеренно создают и защищают мистическую линию.

– Это энергетическая линия? – спросила я.

– Да, но она идет не к людям и не по земле. Эта линия указывает им путь к НАМЕРЕНИЮ. Когда твоя трансформация будет завершена, ты сможешь вернуться в мир людей, но при этом оставаться отдельно от них. Независимо от того, где ты находишься, одна или в компании других, твоя единственная связь – это намерение, и только Дух может претендовать на неё.

Я почувствовала внезапный озноб от окончательности и одиночества этой связи.

– Давай зажжем огонь, – предложила Нелида, как будто ощущая мое душевное состояние.

Я помогла ей собрать сухие дрова и сложить их в кучу. Она попросила у меня спички и подожгла одной из них ветку. Огонь затрещал, и искры полетели вверх. Вскоре поляну залило теплое сияние. Я рассказала ей про слова Дона Хуана, который утверждал, что древние маги знали как предсказывать будущее по рисунку золы, когда костер погаснет.

– Старые маги знали толк во многих вещах, – сказала она, бросая еще одну ветку в огонь. – Они могли исследовать остатки сгоревших веток и предсказать будущее.

– Как можно было предсказать будущее по обугленным кускам дерева? – хотела узнать я.

Нелида сказала, что маги, знающие эту технику, могут не только предсказывать грядущие события, но также могут исследовать текущее положение дел, чтобы избежать бедствий или нежелательных событий.

– Человек, обладающий способностями, смотрит на расположение угасающих углей и ветвей, и силы огня и дерева говорят ему то, что он хочет знать.

– Ты знаешь, как это сделать?

Нелида кивнула.

– Это связано с расположением углей после того, как огонь погас и с узором, из затухающих искр, которые и дают ключ к разгадке. Например, если огонь внезапно погаснет, а пять углей останутся яркими, тогда что-то произойдет внезапно или с большим размахом.

– Откуда ты это знаешь? – спросила я, глядя на огонь.

– Потому что все пять направлений освещаются одновременно, – ответила она, – Если же, с другой стороны, огонь медленно утихнет, и еще останется много горящих ветвей, образующих круговой узор, то изменение событий будет постепенным и к лучшему.

Нелида добавила что направление, в котором указывают обугленные ветви, также имеет значение. Большая ветвь, указывающая на север, означает сильное волнение или активность; восток – это направление рассвета и мудрости, юг – теплоты и питания, а запад – самоанализа и тайны.

– Однако, если ветка указывает вверх, или если порыв ветра тушит огонь, у тебя серьезные проблемы.

– Почему это?

– Намерение указывает в направлении зенита, а это всегда означает гигантский рывок.

– Я до сих пор не понимаю, какое отношение костер имеет к событиям, затрагивающим людей?

– Наши тела, элементы, энергия огня и четыре стороны света сливаются в одно, – объяснила Нелида. – Таким образом мы можем изучить расположение обугленных деревянных щепок и увидеть, как они связаны с нашей жизнью.

Она сказала, что было бы ошибкой считать себя отделенными от стихий, поскольку те же силы, которые перемещают огонь, управляют нашими энергетическими телами.

– Причина, по которой мы считаем себя отдельными от всего остального, – объяснила Нелида, – заключается именно в том, что мы думаем. Это мысль отделяет нас от целого и заставляет забыть о нашем общем происхождении.

Она подошла ближе к огню и велела мне протянуть руки к пламени.

– Ты можешь втянуть энергию огня в свое тело через ладони, – сказала она. – Позволь теплу слиться со своим телом, чтобы согреть его. Я развела ладони и почувствовала, как жар огня течет в мои руки, потом мне стало так жарко, что я начала потеть. Пончо мне больше оказалось не нужно, и я сняла его.

– Мы все созданы из света, – продолжила Нелида, – Свет активизирует наше энергетическое тело, и, несмотря на то, что мы имеем человеческую форму, для мага, который видит, мы, по сути, являемся нитями света.

Нелида назвала человечество нашим «обезьяньим наследием» и добавила, что наше животное наследие заставляет нас действовать бунтарски.

– У нас есть другая сторона, которая полностью скрыта.

– Откуда ты знаешь, что эта другая сторона существует, если она полностью скрыта? – хотела знать я.

– Маги видят её, и все мы знаем, что она существует, – заверила она меня. – Но как бы близко она ни была (потому что это наше собственное существо), она всегда остается вне досягаемости. Пока мы цепляемся за свою обезьянью форму, мы никогда не сможем подключиться к этой другой части, той части, которую маги называют энергетическим телом или двойником.

Я вздохнула и посмотрела на тлеющие угли.

– Мы все жаждем чего-то недосягаемого, – сказала Нелида, чувствуя мое душевное состояние. – Мы видим возможности во сне; мы хотим быть более энергичными, но всегда стараемся находить удовлетворение в мирских вещах. Поэтому мы обречены на провал.

– Почему это так?

– Потому что та часть, которую мы ищем чтобы обрести целостность, находится не в этом мире, – сказала она. – Та часть является энергетическим телом. Она принадлежит царству чистой энергии. Чтобы воспользоваться ей, мы должны обратить свой взор в другое место.

Нелида сказала, что только перепросмотр позволяет нам увидеть, что материальное и интеллектуальное имущество, которое мы так усердно накопили, – это мираж перед глазами. Тем не менее, мы цепляемся за него, как будто от этого зависит наше собственное выживание, даже если это всего лишь иллюзорное соглашение, основанное на нашем общем восприятии.

– Почему перепросмотр так важен? – спросила я.

– Перепросмотр позволяет тебе построить энергетическую платформу, с которой ты сможешь оценить проблемы и переживания, называемые тобой «своей жизнью». Другими словами, перепросмотр позволяет тебе установить контакт с «Другим».

– На что похож «Другой»?

Нелида посмотрела на меня сквозь свечение тлеющих углей.

– Это свет, который движет нами до того, как он будет сформирован интерпретациями. Нет ничего хуже, чем то, что наша энергия ограничена обстоятельствами нашей жизни. С младенчества мы формируемся и искажаемся ярлыками, пока не начинаем думать, что наше личное «я» — это все, что есть, и мы полностью теряем из виду нашу энергию или двойник

– Ты можешь привести мне конкретный пример? – спросила я её, одновременно растягивая ноги, которые начала сводить судорога от сидения на твердом граните.

– Например, рассмотри возможность отсутствия имущества, – сказала она.

– Разве вещи не важны? – спросила я – Ты же видишь, сколько в мире нищеты. Кто может винить людей за то, что они хотят жить лучше?

– Многие маги нашей линии испытали бедность, но сами они не были обездоленными.

Я начала утверждать, что бедный ребенок никак не защищен. Он вынужден жить в бедном и нищем мире. Нелида кивнула.

– Что еще хуже, его дух становится мелочным, жадным и извращенным, – сказала она, глядя прямо на меня, – Материальная гибель, вызванная жизненными обстоятельствами – ничто по сравнению с бедностью духа. В то время как бедное или голодающее тело можно вылечить с помощью правильного питания, от скудного духа нет лекарства. Тебя ждут только неудовлетворенность и страдания.

Я захотела знать, можно ли избежать нищеты духа, если человек родился в ситуации материального упадка.

– Если у тебя достаточно энергии, тебя ничто не затронет, – заверила Нелида, – даже если ты окружена бедными и жалкими людьми.

Нелида сказала, что для мага, который видит, все равны, потому что он видит всех людей как энергию. Следовательно, маг, живущий в хижине, считает себя богатым, а обычный человек, живущий в городе, может считать себя бедным, даже если у него есть дом, полный мебели, и шкаф, полный одежды.

– Как ты думаешь, кто беднее? – спросила Нелида: – Маг в горах или человек в городе?

Я сказал ей, что хотя у городского человека есть намного больше, но он все же, беден. Мне казалось, это именно то, что она хотела услышать.

Нелида покачала головой.

– До тех пор, пока человек не отделил свое энергетическое тело от концепции бедности или богатства, пока он не сделал перепросмотр своей жизни, он беден Духом, – сказала она.

Нечто из того, что она рассказала об отказе от идеи богатства, заставило меня вспомнить один мой детский инцидент. Иногда, вроде бы без видимой причины, мой отец приходил домой с коробкой французских пирожных. Мы с братьями стояли вокруг стола и спорили о том, кто возьмет какой кусок, поскольку на человека приходилось только одно пирожное. Я хотела съесть их все или хотя бы больше одного, но мне приходилось ждать, пока не наступит моя очередь выбирать, потому что возраст неизменно брал верх. Я была самой последней, когда уже все замечательные кремовые пирожные были разобраны моими братьями, отцом и матерью. Всё, что мне оставалось – фруктовый пирог или пирожное с яичным заварным кремом. Я была готова убить за слойку с кремом или шоколадный эклер, которые ели мои братья.

– Почему ты так переживала? – спросила Нелида, когда я рассказала ей эту историю, – Разве ты не знала, что пирожные все одинаковые? Не имело значения, какое из них ты бы выбрала или что осталось в коробке.

Я утверждала, что все они разные. У одних была шоколадная глазурь, у других – ванильный крем, а у наполеона, который всегда выбирал мой отец, была хлопьевидная корочка. Но Нелида настаивала на том, что я была просто капризной, когда говорила, что хочу что-то больше, чем другое.

— Все они сделаны из муки, сахара, яиц и молока, — сказала она. Меняется только их внешний вид. Зачем выходить из себя, из-за небольшого внешнего отличия?

Я никогда не думала таким образом. Если посмотреть на это со стороны, то все они были примерно одинаковыми. Что делало то или другое лучше, так это то, что мои братья настаивали на том, что их выпечка лучше, чем моя. Желать одного и воротить нос от другого было произволом и мелочностью.

– Ты должна была позволить своим братьям взять всё, что они хотят, и при этом наслаждаться тем, что у тебя есть, – сказала она. Ты могла бы научиться быть равнодушной к их гипнотическим командам.

– Все, что я знала, так это то, что ненавидела их за то, что они всегда забирали самые лучшие куски. – сказала я. – Но теперь я вижу, что ты права: мука, молоко и сахар одинаковы независимо от того, какую форму ты им придаешь.

– Только когда человек найдет точку соприкосновения, в которой все равны, он станет по-настоящему свободным, – сказала Нелида, – Потому что тогда он освободится от жизненных обстоятельств, ограничивающих его возможности.

Нелида встала, подошла к краю поляны и посмотрела вниз, в ущелье. У меня было ощущение, что водный поток застрял в огромных стенах каньона.

– Наше энергетическое тело похоже на этот поток, – сказала она, указывая вниз. – Стены каньона – это обстоятельства нашей жизни, которые заключают нас в тюрьму. Даже когда мы смотрим вверх, все, что мы видим, – это стены нашей тюрьмы. Наша единственная надежда на свободу – постоянно идти вперед с непоколебимым намерением.

– Нас должны наполнять смелость и оптимизм, особенно когда мы начинаем перепросматривать свою жизнь, – продолжила Нелида. – Мы должны знать, что стены, которые нас окружают, иллюзорны; они не могут ограничивать нас вечно, они не могут остановить нас в нашем путешествии. Подобно течению, наша энергия должна двигаться вперед и не избегать укромных уголков или трещин, но также и не останавливаться, иначе она никогда не достигнет конечного пункта назначения.

– Какого пункт назначения? – спросила я.

– Море, – ответила Нелида, – Безбрежное вечное море.

Нелида оставила меня одну на вершине холма, чтобы я могла перегруппировать мою энергию. Она сказала, что собирается совершить магическое неделание в одной из близлежащих пещер. Я отчаянно хотела пойти с ней, но она настояла, чтобы я сидела тихо и позволила Силе этого места зарядить меня энергией. Чтобы скоротать время, я обратила внимание на застойную лужу, оставшуюся после недавнего дождя. В ней я видела отражения близлежащих валунов и торчащего дерева тойон. Некоторое время я наблюдала, как камни поблескивают на поверхности черно-зеленой жидкости. Луч солнечного света, пронзивший ветки, заставил воду рябить. Я долго смотрела на лужу; движение в ней, казалось, гипнотизировало меня и несло безмолвное послание.

Я посмотрела на деревья и скалы, туда, откуда светило солнце. Это вроде бы были те же деревья и камни, которые я видела отраженными в луже, но это было не так. Существовал другой мир и отражения были входом в него. Мир, который мы называем реальным, состоял из субстанций, которые мы можем назвать, таких как деревья, камни и вода, но они были такими же иллюзорными, как отражения в луже с водой. Я встала и начала выполнять некоторые магические пассы. Я нарисовала в воздухе вертикальную восьмерку ладонью. Я раскинула руки и сжала лопатки, чтобы укрепить свою уверенность. Я подняла искру энергии с земли кончиками пальцев и поднесла её ко лбу. Когда я закончила пассы, я пошла в близлежащие кусты и приступила к поиску растений, которые меня попросила собрать Нелида. Набрав полный узелок, я обнаружила, что Нелида сидит на камне, как будто она ждала моего возвращения.

– Ты нашла растения, которые я просила? – Спросила она.

Я сказал ей, что кое-что насобирала в рюкзак. Запах растений был чрезвычайно отвратительным и определенно рюкзак будет вонять еще несколько недель.

– Что ты собираешься делать с этими растениями? – спросила я.

– Я собираюсь приготовить пасту, чтобы натереть инфицированные укусы на твоих ногах, – сказала она. – Дополнительным бонусом является то, что эта мазь предотвратит отрастание волос на теле, поэтому тебе не придется брить ноги.

Я удивилась, откуда она узнала, что у меня были струпья и порезы от постоянного бритья тупыми бритвенными лезвиями, которые мне было лень постоянно менять. Когда Нелида взяла у меня растения, я рассказала ей об озарении, которое у меня произошло при наблюдении солнца и лужи с водой. Она только пожала плечами, кажется её это не сильно впечатлило.

– Когда разум и тело успокоены, возникает небольшая трещина, и намерение может проскользнуть через нее, – сказала она, – Вот почему я все время призываю тебя молчать и позволить голосу Духа сказать тебе, что есть что. Иначе ты никогда ничего не поймешь.

Она протянула мне полоску сушеного мяса, похожего на то мясо, которое давал мне Дон Хуан. Я подумала, не то ли это питательное мясо? Ела я с удовольствием, так как прогулка заставила меня проголодаться. Нелида прислонилась к стволу дерева и сказала, что хочет рассказать мне больше о «голосе видения», который является просто другим названием «голоса Духа». Она согласилась, что мысль, возникшая у меня во время созерцания лужи с водой, была началом, но на самом деле, за этим стоит намного больше.

– Как ты думаешь, что заставляет человека поднять голову и посмотреть на солнце? – спросила Нелида, глядя на меня, – когда всю жизнь он смотрел только на свое отражение в пруду с стоячей водой. Что заставляет одного человека внезапно повернуться в другую сторону?

Я рискнула предположить:

– Может быть, человеку стало скучно смотреть на свое отражение.

– Но человек не знает, что видимое им – это просто отражение, – заявила Нелида. – Он думает, что это все, что есть на свете.

– Может он просто посмотрел в другую сторону по счастливой случайности? – спросила я.

– Может быть, – согласилась она, – Но есть ещё одна возможность.

Нелида ждала, что я сама выскажу ещё одно предположение.

– Возможно, солнце было таким ярким, что привлекло внимание человека, – предположила я.

Нелида кивнула и ее глаза заблестели.

– Ты права. – сказала она, – солнце своим сиянием притянуло его глаза.

Нелида объяснила, что солнце в данном случае было тем, что маги называют намерением. Когда человек отшлифовал свою связь с намерением, сила намерения становится достаточно сильной, чтобы отвлечь его взгляд от саморефлексии. Прежде чем это произойдет, тело и ум должны быть очищены через перепросмотр, и магические пассы.

– Практикуя магические пассы и очищая связи прошлого с помощью очистительного дыхания, ты становишься единым целым со своими действиями, будь то учеба, шитье, рисование или что-то еще. Всё, чем ты будешь заниматься, в этом случае, будет трансформировать тебя. При условии, конечно, что ты будешь делать это с магической целью.

– Какова цель мага?

– Развитие, – сказала Нелида. – Пробуждение Намерения, чтобы можно было видеть мир ясными глазами. Глаза обычного человека затуманиваются мыслями. Его чувства искажены заботами. Ты должна сначала расчистить путь к Намерению, прежде чем оно начнет тянуть тебя.. Затем ты можешь постепенно прикоснуться к энергетическому телу, и, когда оно станет ярким, как солнце, ты отпустишь себя и позволишь намерению двигать тобой.

– Как оно тебя двигает? – спросила я.

– Энергией, моя дорогая, энергией. Как только ты откажешься от рассуждающего ума, который делает все фактическим, намерение потянет тебя на сторону чистой энергии.

Нелида сказала, что для того, чтобы отпустить свои суждения, мнения и нашу непрестанную потребность в контроле, требуется много времени, но как только человек пересекает границу, он как будто всегда понимал, только раньше у него не было силы увидеть, что ничто никогда не существовало каким-либо другим способом.

– Сконцентрируйся на том, чтобы создать мост к энергетическому телу, — посоветовала Нелида. – Проделай магические пассы, а затем используй свою энергию и намерение, чтобы перейти на другую сторону в полном сознании. Только тогда ты сможешь избежать участи, которая ожидает тебя как человека.

— Какая судьба меня ждет? — спросила я с дрожью. Я боялась, что она что-то увидела в обугленных углях костра и знала что-то, чего не знала я.

– Естественно, судьба твоих родителей.

Я подумала о своих родителях. Моя мать умерла от рака после продолжительной болезни. Мой отец умер от цирроза печени после нескольких месяцев мучительной боли. Я замерла, представляя, какая судьба меня ждет, если я не совершу «переход».

– Продолжительные болезни и смерть – это все, на что можно надеяться, – сказала Нелида, словно читая мои мысли, – И не имеет значения, умирает человек богатым или бедным, молодым или старым, мирно или медленно от какой-то ужасной болезни. Важно то, что люди умирают в неведении, следовательно, все они идут в одно и то же место.

Я спросила Нелиду, существует ли какой-то Ад, куда идут после смерти все, кто не осознал. Нелида рассмеялась и сказала, что если мы не сольемся с нашими энергетическими телами, ад ждет нас здесь, на этой земле.

— Но разве нам не нужен учитель, который помог бы нам измениться и добраться до своего энергетического тела? — спросила я. Я знаю, что когда вернусь в Лос-Анджелес, тебя там не будет, и я буду в растерянности, не зная, что делать.

– Нам не нужны учителя, – заверила меня Нелида. – Кто угодно может совершить «Переход». Все, что нам нужно сделать, это отпустить всё нажитое нами. Вознамерься, исполни волю магов. Но кто захочет пересмотреть свою жизнь и отпустить себя? – Нелида снова говорила обо мне.

Я хотела защитить себя и возразить, что я много занималась перепросмотром, но знала что это будет бесполезно. Остались огромные резервуары, к которым я даже не прикоснулась.

– На самом деле по этому поводу особо нечего сказать, – сказала Нелида. – Фактически, я говорю с тобой только для того, чтобы убедить твой разум в том, что его пустые утверждения и цепляние не приведут к свободе. Держаться за себя – пустая трата энергии. Лучше использовать эту энергию для создания двойника, чтобы Намерение могло вытащить его на свободу.

Нелида повторила, что все, что нам нужно сделать, это согласиться и отбросить сознательную потребность контролировать, которая характеризует всю нашу повседневную жизнь.

– Всякий раз, когда ты практикуешь магические пассы, сосредоточься на животе и позволь энергии течь беспрепятственно. Также никогда не чувствуй себя важной или что ты чего-то достигла.

– Почему? – спросила я.

– Только тогда намерение может овладеть человеком, когда он ничего не делает и никем не является, — сказала Нелида.

– Как можно что-то делать и не делать одновременно? – Мне всегда было трудно это понять.

– Ты отпускаешь и позволяешь энергии действовать через тебя, независимо от того, что ты делаешь. Утони и успокойся. Считай это своей новой магической задачей: стать тихой и самопогруженной.

Нелида достала из рюкзака термос и налила мне попить. Затем, она ловко закрутила крышку и вернула термос в сумку.

– Развитие энергетического тела – это еще одна магическая задача, которую ты должна выполнить, – сказала она, делая глоток воды, – Некоторые люди более искусны в этом, чем другие. Но все они начинают с одного и того же: с сильной привязанности к себе.

– Как разрушить эту привязанность?

– Ты просто решаешь, что хватит индульгировать и баловать своего «внутреннего ребенка», и начинаешь жить дисциплинированной жизнью. Все, что мы тебе показываем, служит тому, чтобы тебе было легче отказаться от навязчивых личных интересов.

Я кивнула. Что-то во мне соглашалось с тем, что говорила Нелида, но какая-то другая часть меня все еще не хотела отпускать контроль. Мысль о том, что мной будет править какая-то внешняя сила, противоречила моему представлению о независимости. Я чувствовала, что если не буду самоутверждаться, то всегда буду выбирать пирожное последней, и мне придется брать то, что осталось.

– Не бойся напрячь силы. Свободу надо заслужить. – сказала Нелида. – Воспользуйся своей четвертью сантиметра шанса и приложи все усилия, но не для укрепления своего эго.

Почувствовав мое нежелание меняться, Нелида продолжила.

– Одна часть тебя хочет сдаться, а другая держится. Следовательно, возникает конфликт, но как только решение принято, борьбы больше нет, только цель, восторг и принятие.

Нелида встала и сказала, что хочет проделать некоторые магические пассы, чтобы помочь объединить тело и разум и высвободить энергию, которая была захвачена в различных центрах тела. По её словам, из-за нашей привычки держать все в себе, энергия застаивается. Маг отпускает все, и внутри него нет ничего, что блокировало бы поток энергии.

– Первая область, которую необходимо освободить, это сексуальный центр. – сказала Нелида.

– Почему, потому что он самый нижний?

— Нет, из-за того, что наша пуританская культура придает этому особое значение, — поправила она меня. Эта ригидность выражается в эмоциональных потребностях в любви и в нашем чрезмерном внимании, уделяемом ухаживанию и спариванию. Ухаживание и спаривание настолько доминируют, что не оставляют энергии ни на что другое. Высвобождение и очищение энергии, заключенной в сексуальных центрах, оживляет все тело, включая центры, расположенные за пределами самого светящегося кокона.

Когда я спросила ее, о чем она говорит, она повторила, что магические пассы увеличивают уровень энергии и могут использоваться как средство вызова Намерения. Они являются дверями небытия, а также средством прерывания привычек, выработанных телом на протяжении всей жизни.

– Магические пассы пробуждают энергетическое тело, – сказала Нелида, – Они предназначены для высвобождения захваченной энергии. Но ты никогда не должна думать о них как о простых упражнениях, или как о боевых искусствах, йоге или тай-чи.

– Почему?

– У них другое Намерение. Пассы были принесены древними магами.

– Они их изобрели?

– Нет, они не были просто изобретены. Эти практики снисходят в нашу магическую линию через сновидение или через сам Дух. Когда у тебя будет достаточно энергии, ты тоже сможешь вытаскивать пассы прямо из сферы Духа. Голос видения расскажет тебе все, что тебе нужно знать о магических пассах.

Нелида пояснила, что все, что приходило к магам во все времена, предназначалось для определенных целей.

– Маги, особенно сталкеры, чрезвычайно гибки. Они следуют замыслу Духа. Все, что мы делаем, это опустошаем себя и позволяем Намерению двигать нами. Вот почему нет двух одинаковых магических пассов. И ты никогда не знаешь, какой пас нужно сделать, до того момента, пока не сделаешь его. С таким подходом мы и практикуем их сегодня. Мы делаем это, чтобы привести нас к осознанности и свободе. При правильном использовании, их намерение может помочь человеку сбежать в шквале света.

Глава 16: Не-бытие

На обратном пути к дому дона Хуана мы пошли другой тропой. Она была крутой и изрытой колеями от дождя, а внезапные наводнения размыли глинистую землю. После часа ходьбы Нелида постучала пальцем по моей голове.

– Ты снова говоришь сама с собой, – сказала она предупреждающим тоном.

Это было правдой. Я жаловалась внутри себя, что у меня болят мышцы, и как я хотела бы быть сильнее и выносливей, чтобы не отставать от человека, который вдвое старше меня. Я рассмеялась от своей явной нервозности.

– Для ходьбы нужны не мышцы, – пояснила Нелида, – нужна внутренняя сила. Ходьба с внутренней силой требует совсем немного усилий. Фактически, совсем не требует.

Она остановилась и провела рукой по моему позвоночнику, сообщив мне, что по обе стороны от позвоночника движутся два потока.

– Эта прогулка должна была сохранить твою энергию и уравновесить твои положительные и отрицательные силы, а не истощить их, – сказала она. Каналы вдоль позвоночника связаны друг с другом, соединяя внутренние органы с мышцами, сухожилиями и кожей.

Она объяснила, что когда маги видят энергетическое тело, они видят, что оно состоит из тонкой силы, которая течет по двусторонним и симметричным каналам, соединяя переднюю и заднюю части тела, образуя непрерывный контур. Для видящего оно выглядит как светящееся яйцо или кокон, окружающий физическое тело. Между лопатками, на расстоянии вытянутой руки, находится точка интенсивного свечения, которую она назвала местом осознания или точкой сборки.

Она подчеркнула, что энергетические каналы должны быть открыты, чтобы тонкая сила могла свободно циркулировать. Всякий раз, когда человек перенапрягает себя физически, умственно или эмоционально, он создает блокировку, в которой волокна света завязываются узлом. Энергия сжимается в одной области, тем самым создавая избыток в другой, подобно заграждению потока. Это приводит к энергетическому дисбалансу, вызывающему болезни в организме.

Нелида нашла ровный участок и сказала мне очистить его от камней и мусора.

– Ляг на спину и слейся с землей, напрягая и расслабляя все свои мускулы, – сказала она.

Я сделала, то, что она мне сказала, расстелив пончо, как одеяло. Она специально просила меня заметить разницу в ощущениях между напряжением и расслаблением различных групп мышц.

– Напряжение и расслабление включают две противоположные энергии, – объяснила она, пока засовывала мой рюкзак мне под голову, как подушку. – Если человек слишком расслаблен или слаб, ему нужно напрячься. Если он слишком напряжен или взволнован, ему нужно расслабиться. Когда силы напряжения и расслабления находятся в равновесии, человек ощущает здоровье и благополучие.

Нелида пояснила, что тело естественным образом саморегулируется и находит оптимальное состояние баланса, что важно не только для поддержания здоровья, но и для осознания универсальных сил, которые нас окружают.

Когда я снова почувствовала себя отдохнувшей и мое дыхание стало нормальным, она сказала мне сесть. Еще раз она провела линию по моему позвоночнику до макушки, делая паузу, чтобы отметить различные центры легким нажатием своих пальцев.

– Первый находится в копчике; второй возле почек; третий – выше, напротив солнечного сплетения; следующий – между лопатками; потом на затылке, и ещё один здесь, на макушке.

Она нежно нажала на последнюю точку большим пальцем, при этом разместив остальные пальцы веерообразно на затылке.

– Эти области являются центрами хранения энергии, – объяснила она, снова слегка касаясь шести областей, чтобы я могла их запомнить, – Они также очищают энергию, текущую вверх по спине.

Когда она надавила, я почувствовал слабый ток или вибрацию. Через некоторое время я почувствовала, что мое дыхание замедлилось и стало ровным. Моя грудная клетка, которая была напряжена от ходьбы, теперь расширялась и сжималась с легкостью, позволяя мне вдыхать больше воздуха. Когда она массировала мне поясницу возле почек, я почувствовала резкую боль. Она сказала, что массаж тела высвобождает лишнюю энергию, которая имеет тенденцию накапливаться в мышцах, особенно вокруг суставов. Один из способов массажа заключался в том, чтобы делать массаж ладонями или пальцами, перемещая их по дорожкам, которые окружали тело. Маги также могли указывать указательным пальцем, чтобы открыть любую энергетическую блокировку.

Нелида подчеркнула, что в мире магов следует избегать экстремального поведения, потому что, если кто-то заходит слишком далеко в одном направлении, он расходует дополнительные силы, необходимые для того, чтобы сбалансировать себя. Она добавила, что человек должен стремиться к легкости и уравновешенности, чтобы достичь оптимального уровня эффективности в любой задаче.

– Центр жизни и благополучия находится в энергетическом теле, – сказала она, снова проведя пальцем по моему позвоночнику. – Между двумя каналами по обе стороны от позвоночника есть третий проход. Когда точка сознания (точка сборки) проходит через спину и входит в матку, человек становится спокойным и сосредоточенным. Энергетическое тело настолько тонкое, что движение точки сборки почти не замечается. Однако, когда она снимается со своего якоря в месте за лопатками, мы словно попадаем в другой мир. Любая человеческая борьба начинает казаться несущественной.

Некоторое время мы сидели молча. Затем она указала на мои ботинки и заметила, что нет ничего хуже, чем носить туфли, которые тебе не подходят.

– Только когда твоя энергия и твои действия находятся в полной гармонии, ты не заметишь ни себя, ни того, что делаешь, – сказала она.

Я попросила ее объяснить свое заявление.

– Поскольку люди хотят, чтобы их замечали, – начала она, – они постоянно привлекают внимание к себе и своим действиям. Сосредоточиться на чем-то, оставаясь равнодушным к результату, – значит полностью сосредоточиться на задаче. Наиболее эффективное состояние для сталкера, – продолжила Нелида, – это полностью погрузиться в настоящий момент, чтобы не тратить энергию на размышления о прошлом или будущем.

Я спросила ее, стоит ли вообще беспокоиться о том, что кто-то может переусердствовать. Нелида ответила, что никогда не следует ни о чем беспокоиться, потому что беспокойство означает, что человек уже потерял равновесие.

– Другими словами, – объяснила она, – если ты думаешь во время своего действия, то в твоей памяти останутся именно эти мысли, а не действие. С другой стороны, если ты молчишь во время действия, то, когда ты попытаешься вспомнить это действие, тебе будет нечего вспомнить. Вот почему маги говорят, что «я» – это идея (концепция). Когда ты это поймешь и перестанешь поддерживать свой внутренний монолог, на первый план выйдет другое сознание.

Я подумала о том, что сказала Нелида, и мне показалось, что это совпало с моими чуствами при перепросмотре. Я испытала своего рода отстраненность, отделение от самой себя и мира, каким я его знала. Какая-то часть меня (которая состояла из всего, что я помнила и пережила в этом мире), казалось, отделилась и плавно уплыла. За ней лежал субстрат сознания, безмолвный, обширный и пустой. Он служил фоном для поддержки деятельности. Но поскольку все мое внимание всегда было сосредоточено на моем мыслящем «я», эта безмолвная инфраструктура ушла незамеченной. Во время перепросмотра эта разница сразу прояснилась: возникло разделение между мной как конгломератом идей, чувств, действий и этим другим неопределимым и безмолвным сознанием.

– Когда я перепросматривала, – сказала я Нелиде, – казалось, что сознание больше не было привязано к моему знакомому «я». Мне казалось, что я плыву снаружи, наблюдая за реакциями, которые обычно воспринимаю как мое знакомое «я». В то время как личное Я полно борьбы за выживание, напряжения и стресса, другое сознание беспристрастно и безразлично, темное, безмолвное, самодостаточное, без мыслей и желаний.

– Ты описала взаимосвязь между личным самосознанием и сознанием энергетического тела, – пояснила Нелида, – Дыхание перепросмотра и магические пассы позволили тебе активировать энергетическое тело. С этой точки зрения ты можешь видеть, что повседневное «я» – это просто видимость, поддерживаемая силой слов и мыслей.

Нелида терпеливо объяснила, что после того, как человек смахнул свое личное прошлое своим дыханием, то «я», которое он помнит, уже не способно влиять на настоящее.

– Но человек все еще использует свое «Я» для взаимодействий? – спросила я.

– Да, но в то же время он знает, что лучше не верить, что то, что он видит, — это все, что есть в мире», — ответила Нелида.

– Я не понимаю, – сказала я, – не могла бы ты уточнить?

– Человек использует себя и физическое тело в повседневных ситуациях, но он знает, что это фасад, только для показухи», — объяснила Нелида. «Как и фасад, он имеет сложную переднюю часть, за которой ничего нет. Человек больше не верит в то, что личность важна или что это все, что нужно для существования. Человек воспринимает все как контролируемую глупость, плавающую в море тайн.

Нелида подчеркнула, что непривязанность возникает естественным образом, когда сознание больше не отождествляется с личным «я».

– Когда мыслящее «я» остается на службе чистого сознания, человек становится все более и более спокойным. Кроме того, наши действия становятся простыми и эффективными. Это потому, что энергия, которая когда-то была зарезервирована для укрепления личности, используется непосредственно для достижения творчества, здоровья и благополучия.

Нелида повторила, что смешение чистого сознания энергетического тела с личным, мыслящим существом смертельно опасно.

– Оно не только заставляет энергетическое тело следовать за действиями недисциплинированного учителя или «капризного ребенка», но также заставляет человека поверить в то, что всё видимое это и есть всё, что существует. Личное Я связано с чувствами и ищет немедленного удовлетворения в конечных вещах. Энергетическое тело никогда не следует связывать с чувствами или с чем-либо путать. Только тогда оно сможет сохранить свое законное место проводника жизненной силы.

– Почему это так?

– Потому что, когда сознание отождествляет себя с вещами, которые ему знакомы, включая себя или ум, оно затуманивается интерпретациями повседневной жизни. Ты должна позволить внутреннему видящему направлять тебя, – подчеркнула она. – И не позволяй личному «я» дергать сознание вверх и вниз как йо-йо, в попытке удовлетворить любую его прихоть.

Пришлось согласиться, что это ад – постоянно зависеть от своих чувств и чувств других. Но я знала, что когда дело доходит до реальной практики, это совсем другое дело.

– Речь идет о том, чтобы изменить ход игры, – продолжила Нелида, – И это можно сделать, только возвратив своё внимание к тишине, которая находится за пределами речи и мысли.

– Что такое чистое сознание? – спросила я.

– Сознание небытия, – ответила она, – это прямая связь с силой, которую маги называют Намерением, силой, которая не является «я», но дает начало всем вещам, включая «я». Когда ты поймёшь это противоречие, ты увидишь, что нечего защищать и не о чем думать, даже о самом себе.

После долгого молчания Нелида продолжила, говоря, что разум испытывает совершенную гармонию, когда правый и левый каналы тела сливаются и сознание человека переходит в энергетическое тело. Это состояние отражается определенным движением точки сборки.

– Когда человек центрирован, легко увидеть энергию напрямую, — объяснила Нелида, — потому что физическое тело больше не дает о себе знать. Если ты попытаешься вспомнить, что чувствует твое тело, когда оно находится в состоянии повышенного осознания или когда ты ощущаешь линии Вселенной, я гарантирую, что тебе будет трудно вспомнить эти ощущения.

Пришлось согласиться. Любые чувства, которые я испытывала во время перепросмотра в пещере или на деревьях, настолько отличались от тех чувств, которые я испытывала раньше, что позже я не могла их вспомнить.

– Это потому что на деревьях ты действовала непосредственно из своего энергетического тела, точно так же, как ты поступаешь сейчас, когда находишься здесь со мной. На деревьях твое энергетическое тело пробудилось. Подвешивание кого-либо на деревьях — это магический маневр, позволяющий ослабить притяжение физического тела и укрепить энергетическое тело.

Нелида объяснила, что все переживания оставляют след в теле. Например, чтобы оставаться в вертикальном положении, необходимо определенное распределение давления и веса на ноги, а также напряжение и расслабление определенных групп мышц. Сидение включает в себя разные модели телесного осознания, в зависимости от того, как гравитация воздействует на физическое тело.

– Подвешивание на деревьях или лазанье по ним разрушает силу тяжести и позволяет энергетическому телу взять верх, – сказал она. – Кроме того, отсутствие восприятия горизонта и далеких объектов позволило тебе сосредоточиться на непосредственности момента. А поскольку у тебя не было списка тех чувств, которые можно было бы использовать в данный момент без размышлений, ты погрузилась в безмолвие, потому что у тебя отсутствовали слова и описание того, что ты делала. Именно поэтому сложно вспомнить события, которые произошли с тобой после того, как ты проснулась на дереве.

– Что именно произошло?

— Ты тренировал свое энергетическое тело выслеживать, — сказала Нелида. Новые ощущения и реакции, ранее не встречавшиеся в твоем хранилище опыта, позволили тебе выковать свое энергетическое тело. Ты уже испытала забрасывание своей светящийся сети и вход в черную пещеру над головой. Это тоже случаи преследования твоего энергетического тела.

Нелида прислонилась спиной к камню, вытянула ноги и велела мне сидеть молча, пока она освежает мою память о неделании.

– Неделание – это действие без действия; у него нет слов или ярлыков для описания твоих действий.

– Как можно действовать, не зная, что делаешь? – спросила я.

– Действуя из глубокого молчания, не вмешиваясь в свои действия, – ответила она. – В тот момент, когда ты не привязана к ожиданиям или результатам, ты не заметишь своих действий. Как обувь, которая тебе впору.

Нелида добавила, что когда человек пуст и безмолвен внутри, но полон энергии и активности, он действует, не действуя. С другой стороны, если мы полны беспокойства и ожиданий, и у нас мало энергии, направленной на выполнение нашей задачи, мы действуем очень неэффективно. Мы должны растворить личность в себе, чтобы быть свободными от бытия и действия. Когда у человека нет желаний или амбиций, но он жизненно вовлечен в происходящее, он безошибочно знает, когда продолжать, а когда остановиться.

— Есть дверь в небытие, — сказала Нелида. «Он открывается, чтобы можно было проскользнуть внутрь. Оказавшись внутри, энергия обновляет и оживляет энергетическое тело, иначе она может уничтожить нас. Это так безразлично, но для того, чтобы найти вход, нужно быть бескорыстным, а чтобы пройти через него осознанно, нужно избавиться от привязанностей к привычному миру.

– Что нужно делать за этой дверью?

– Ты позволяешь внутреннему огню растворить тебя, и ты переживаешь небытие.

– Это то, что происходит, когда люди умирают?

На мгновение она замолчала.

– Все происходит оттуда и возвращается туда, – сказала Нелида. – Некоторые называют это утробой или творцом вселенной. Другие называют его разрушителем вселенной. Вот что происходит. Мир, каким мы его знаем, подходит к концу.

Нелида объяснила, что для того, чтобы продлить жизнь дольше обычного срока в шестьдесят или семьдесят лет, нужно снова и снова растворять свое физическое тело, не теряя при этом осознания. Человек может постепенно отпустить себя посредством перепросмотра, либо после смерти человек вынужден отказаться от всего сразу. Мне было любопытно узнать больше о загадочной трещине, о которой она говорила.

– Для магов это царство за пределами смерти. – сказала Нелида. – Оно знакомо нам и тебе, потому что, даже если ты не знаешь о нём сознательно, ты была там много раз раньше.

Я тем временем, вертела в руках свою салфетку, не понимая, когда я успела разорвать её на части. Обрывки я сложила в карман, чтобы не оставлять мусора на земле.

– Ты можешь представить себе это так, – продолжила Нелида, – тело, которое у тебя сейчас есть, спит. Ты еще не изучила сложности преследования двойника. Но твое осознание древнее и мы много раз выводили тебя за барьер бытия. Вот почему ощущения там тебе не чужды.

Я спросила ее, почему она назвала мое осознание древним. Она объяснила, что у некоторых людей осознание, иногда, простирается назад, в сферу небытия.

– Насколько далеко уходит мое осознание? – хотела узнать я.

– Только ты можешь ответить на этот вопрос, – ответила Нелида, – скорее, только твое древнее осознание может сказать, как далеко оно продвинулось в небытии.

– Это похоже на реинкарнацию? – спросила я

– Реинкарнации не существует, – ответила она. – Нет ни прошлого, ни будущего. Сознание – это просто Сознание. Вселенную пересекают бесконечные линии. Каждая из них представляет собой конгломерат осознания. Все, что я хочу сказать, это то, что твое осознание путешествовало по другим линиям, помимо той, которая объединяет этот мир.

Внезапно я испугалась. Я испытала момент замешательства: часть меня что-то знала, но не могла сказать, что именно.

– Практикуйся в растворении своего физического тела, – порекомендовала Нелида. – Только тогда ты сможешь ответить на свои вопросы. Выход за пределы своего индивидуального «я» позволит тебе соприкоснуться с твоим древним осознанием. Из своего перепросмотра ты уже знаешь, что «я» – всего лишь прикрытие; щит, который мы используем в мире. Чтобы преследовать энергетическое тело, тебе нужно много раз переживать небытие и накапливать осознание, сделав его узнаваемым.

– Как я могу преследовать энергетическое тело без нагваля, тебя или Эмилито, чтобы направить меня?

– Я уже говорила тебе, что лучший способ не-быть – это перестать разговаривать с самим собой. Всё это ты можешь сделать сама. Я также говорила тебе, что мы создаем мир своими словами и мыслями, которые вместе с действиями и чувствами составляют наше существо. Небытие – это отсутствие мыслей о себе или о мире.

– Как можно не иметь мыслей?

– Не думать – это не то же самое, что быть идиоткой, – сказала Нелида, – скорее, это ведет тебя к чистому осознанию и тишине, которые необходимы для небытия.

– Находиться во внутренней тишине, – продолжила Нелида, – означает не выносить суждений и не делать разделения на добро и зло, себя и других, тогда и сейчас. И, что наиболее важно, это означает отсутствие каких-либо концепций. Попытайся чувствовать и действовать со своим энергетическим телом, тогда ты сможешь избежать ловушек, связанных с постоянными размышлениями о вещах.

– Разве неправильно думать о вещах?

– Нет, это не неправильно, но постоянно разговаривать сам с собой отвлекает. Делание того или иного никогда не приведет тебя к энергетическому телу. Рассуждение дает лишь ограниченное знание и некачественную осведомленность. Существует гораздо более инклюзивный способ понимания — непосредственное интуитивное познание без вмешательства мысли.

Я чувствовала себя одинокой, подавленной. Я знала, что, когда я вернусь в Лос-Анджелес и в университет, размышления и рассуждения — это все, что меня ждет.

– Мы уже говорили об этом раньше, – напомнила мне Нелида. – Все сводится к следующему: относись к себе как к чему-то неважному. Настолько неважному, что ты полностью забудешь о себе. Затем, используя Силу, ты начнешь выковывать свое энергетическое тело.

– А что делать, если я учусь и мне нужно готовиться к экзамену? Как в этом случае я могу использовать свое энергетическое тело? И что происходит, когда я разговариваю с учителями и одноклассниками?

Она коснулась моей макушки и сказала, что если кто-то становится отрешенным, постепенно границы между воспринимающим и воспринимаемым объектом исчезают. Она описала отрешенность не как моральное явление, а как безличное состояние, в котором человек больше не считает себя отдельной сущностью. Состояние, в котором нет понятия ни о воспринимающем «я», ни о воспринимаемом объекте.

– Что чувствует человек, находясь в подобном состоянии?

Нелида на мгновение задумалась, а затем ответила:

– Как будто ты что-то потеряла или утратила какой-то ориентир и не можешь вспомнить, что это такое. Но поскольку это не важно, ты больше не заинтересована в поиске этого.

Нелида пояснила, что причина, по которой «я» обычно так ценится, заключается в том, что мы используем его как единую и постоянную точку отсчета для мира. Это центр, из которого мы думаем, чувствуем и формируем наше существование, и мы выковываем его с детства.

— Откажись от себя, и ты покончишь с колебаниями мысли, — продолжила она. Тем самым, твои мысли успокаиваются, а твое «я» стирается. Тогда ты сможешь преследовать двойника, тогда ты увидишь в своих профессорах и сокурсниках контролируемую глупость. Тогда все будет равнозначно, и ты сможешь уловить любую концепцию непосредственно своим энергетическим телом. Тогда ты действительно способна на роман со знанием. Без вмешательства мысли и «я» ты будешь действовать с точки небытия, где личное «я» больше не будет твоей основной точкой зрения. Тогда провидец внутри тебя скажет тебе, что есть что.

– Почему не-бытие так важно?

– Мышление заставляет задавать глупые вопросы, – сказала она. – Чудеса возникают из миров не-бытия: здоровье, ясновидение, прямое понимание, таинственные силы. Но человеку нужна полная концентрация и готовность отказаться от личного «я», чтобы открыть дверь и проскользнуть в нее в полном осознании.

Нелида изучала меня в янтарном свете.

– Готова ли ты отпустить свое прекрасное «я»? – в упор спросила она.

На мгновение я заколебалась, думая, что она имела в виду, что я действительно прекрасная. Затем я кивнула, хотя знала, что она имела в виду противоположное.

– Я очень на это надеюсь, – сказала она, – Потому что твое решение будет проверено раньше, чем ты думаешь.

Глава 17: Сказать «До свидания»

Мы шли по тропам, которые почти всегда спускались под гору. Каменистая почва с рыхлыми камнями сильно затрудняла ходьбу, и мне приходилось быть очень осторожной, чтобы не поскользнуться. Не раз я теряла равновесие на сланце, который выскальзывал у меня из-под ног и я падала на пятую точку. Вместо того чтобы помочь мне подняться, Нелида ругала меня за неуклюжесть.

Мы подошли к хижине, спрятанной в подлеске. Я выразила недоумение по поводу того, что кто-то может жить в пустыне, так далеко от ближайшего города.

– К настоящему моменту, ты уже должна знать, что дома магов находятся там, где их меньше всего ожидают найти, – сказала она.

– Ты имеешь в виду, что здесь живут маги? – сказала я, останавливаясь.

– Да, живут. Здесь мы переночуем и рано утром вернемся обратно. Завтра закончится наш трехдневный поход.

– Я начала тереть глаза и сказала, что ценю время, проведенное вместе с ней, и что я не хочу, чтобы оно закончилось.

– Не впадай в сентиментальность. Ты знаешь, что в всё когда-либо заканчивается. К счастью, мы уже попрощались.

Я заверила ее, что никогда не говорила ничего подобного.

– Цепляться – значит потакать себе, – твердо сказала она и подошла к хижине, в которой, возможно, кто-то был. – Сейчас ты пользуешься колдовской силой, но когда ты вернешься в Лос-Анджелес, тебе придется полагаться на свою собственную силу. Поэтому ты должна вести себя безупречно, иначе птица свободы улетит, и ты останешься жалеть себя под деревом.

Слова Нелиды заставили меня протрезветь. Мысль о том, что Дух улетит и я никогда больше ее не увижу, была ужаснее всего, что я могла вообразить.

Мы вошли в глинобитную хижину; внутри было прохладно. Комната оказалось скудно обставленной. Только матрас со сложенным одеялом и резной деревянный сундук у стены. В центре комнаты стояли рядом стол и два оранжевых ящика.

Нелида села на матрас, прижала колени к груди и скрестила на них руки. Это было положение, которое она научила меня принимать, когда я хотела расслабиться. Согнутые ноги покрывали энергию вдоль передней части тела и не давали ей рассеиваться при волнении.

– Мы находимся в руках Силы, и мы должны смиренно принять то, что она нам предлагает, – продолжила она мягким тоном. – Мы ничего не контролируем и не должны цепляться, потому что в круговороте событий конец всегда совпадает с началом.

– Но как мы узнаем, когда наступит конец или будет другое начало?

Нелида выпрямила свои длинные ноги и посмотрела прямо на меня.

– Готовься к концу, всегда прощаясь в начале. Ты должна делать это естественно, так же непринужденно и с любовью, как если бы ты здоровалась.

Что-то начало формироваться в моих мыслях. Я уже видела, как приближается нечто, и на земле не было силы, чтобы его остановить. Если бы я продолжала говорить, возможно, я бы смогла за что-то ухватиться после ее ухода, даже если бы это были только ее слова. Я сказала ей, что не понимаю, как можно прощаться, когда не знаешь, когда уйдешь.

– Ты этого не видишь, Тайша, но ты все время уходишь. Каждый момент ты оставляешь одно, чтобы принять что-то другое. Простой акт перехода к чему-то новому означает, что ты прощаешься с тем, что оставила позади. Если ты никогда не высказываешь свое мнение и не благодаришь, если ты постоянно цепляешься за сущее, откуда у тебя может быть энергия, чтобы принять чудесный подарок?

– Что именно ты имеешь в виду, когда говоришь «цепляешься»? – упорно спрашивала я, следуя за ней к столу.

Нелида объяснила, что удерживание – это не только физическое ощущение, но и умственная установка. Мысленно человек снова и снова возвращается к тому, чего уже больше нет рядом. Физически, человек словно заражается, когда к нему цепляются иллюзорные идеи и воспоминания. Психические и физические ограничения усиливают друг друга, так что человек не может добровольно открыться и полностью принять новые вызовы, которые постоянно возникают.

– Если ты цепляешься, тебя будет мучить чувство потери и тоски. – подчеркнула Нелида, садясь на одну из оранжевых коробок, – так что ты всегда будешь чувствовать неудовлетворенность. Гораздо разумнее не цепляться, а просто отпустить. Тогда ты почувствуешь, что ничего не потеряла, потому что ты уже максимально использовала то, что осталось. Мой совет: никогда не цепляйся за что-либо, выходящее за рамки его, или твоего времени.

Нелида объяснила: прощание и приветствие – это искусство сталкера распознавать и принимать непостоянство жизни.

– Ничто не остается прежним, но постоянные изменения не должны влиять на опытного сталкера. К тому времени, когда наступят изменения, он или она будет готов.

– Как мы можем быть готовы к переменам, если мы не знаем, когда и где эти перемены произойдут?

Нелида дернула меня за руку, которой я терла глаза. Шлёпнув меня, как ребенка, она сказала, что я не должна тереть глаза от волнения, необходимо позволить энергии глаз течь свободно.

– Как сталкеры, мы готовы к переменам, – продолжила Нелида спокойным тоном, – потому что мы принимаем нашу судьбу, которая заключается в развитии. Мы можем легко и плавно изменять свое сознание в соответствии с событиями, которые меняются вокруг нас. Будучи единым с текущим моментом, сталкер не замечает перемен и никогда не чувствует потерь. Поэтому наша жизнь всегда полна, и все же, сталкеры навсегда остаются открытым вопросительным знаком.

– Я бы чувствовала себя в большей безопасности, если бы наши жизни были заключены в закрытые скобки, – пробормотала я.

– Это потому, что ты привыкла к решетке своей тюрьмы. Но когда твоя жизнь – постоянный вопросительный знак, неизвестно, на что ты способна. Может быть, даже избежать последнего восклицательного знака – нашей смерти!

– Что, если ты любишь кого-то или хочешь чего-то, чего у тебя нет? – Возразила я. – Тогда ты обязательно почувствуешь разочарование или обман.

Нелида покачала головой.

– Ты никогда не захочешь того, чего не можешь иметь, – ответила она. – Точно так же, как ты никогда не захочешь того, что у тебя уже есть. Пересматривая свою жизнь и практикуя неделание, ты меняешь свое отношение. Я имею в виду, что твой ум становится подвижным, поэтому ты ни к чему не привязываешься. Поэтому того, что встретиться тебе на пути, для тебя будет более чем достаточно. Также ты не должна ждать, что нечто будет продолжаться долго. Тогда все, что уходит от тебя, остается дольше, чем положено, но твоя внутренняя энергия никогда не остается и не уходит.

– Но ты сказала, что нам нужно идти завтра, – возразила я. – Возможно, я больше никогда тебя не увижу.

Нелида поднялась и остановилась у маленького окна, вырезанного в глиняной стене.

– Возможно, ты уйдешь, но мне никогда не придется покидать эту пустыню.

– Как это может быть?

– Просто потому, что меня здесь никогда не было.

Я вздрогнула. Нелида сказала это с такой уверенностью, что даже если бы я захотела усомниться в её словах, то не смогла бы. Я импульсивно обняла ее. Она была вполне материальной, но на ощупь неописуемо пустой. Когда я закрыла глаза, то больше не чувствовала её тела. Затем я поняла, что ее присутствие в комнате зависит от визуальных и слуховых подсказок, которые в значительной степени основывались на моих воспоминаниях о ней, а не на ее реальном существовании. Эта мысль вызвала у меня неподдельный страх. Инстинктивно я отступила на несколько шагов.

– Быть здесь и не здесь в одно и то же время – вот что имеют в виду маги, под преследованием двойника, – сказала Нелида, – Это означает, что бытие не более реально, чем не-бытие.

– Вот ты опять говоришь загадками, – сказала я ей, боясь, что она исчезнет в любой момент.

Казалось, моё непонимание вызвало в ней нетерпение.

– Это означает, – продолжила она, увидев настоящее замешательство на моем лице, – что не-быть здесь так же реально, как быть здесь. Нельзя отрицать тот факт, что эта пустыня или эта хижина – это то, что меня окружает, что-то, что я глубоко люблю. Но если меня окружает другая сцена, я бы полюбила ее с такой же интенсивностью, потому что чувство привязанности находится внутри меня, и только в той сцене, и до тех пор, пока я решу разместить ее здесь.

Она серьезно посмотрела на меня.

– Это правда, я беру свое сознание и энергию с собой, куда бы я ни пошла, – сказала она, – я ничего не оставляю. Ты же бросаешь все, и летишь как комета. Любой может пойти по твоему следу. Я называю это жалким преследованием.

– Как можно «не-быть» и при этом чувствовать привязанность? – спросила я.

– Это загадка сердца, на разгадку которой у сталкеров уходит вся жизнь, – сказала она. – Когда-нибудь ты поймешь.

Она взяла с полки две фарфоровые чашки и поставила их на стол вместе с чайником. Я была удивлена, увидев, что они сделаны из изысканно тонкого фарфора, и неуместны в глинобитной хижине. Их неожиданное присутствие повергло меня в настоящий шок, и я на мгновение представила, как Нелида вытащила их из воздуха, потому что я не видела их на полке, когда входила в комнату.

На переносной керосиновой плите она довела воду до кипения. Пока она заваривала чай, я подняла одну из чашек, чтобы рассмотреть. На бело-голубом фарфоре был узор в виде ивы. Я задалась вопросом: если чайный сервиз был антиквариатом династии Мин, то он должен быть бесценен.

«Слишком дорого для магов, которых не интересуют личные вещи», – подумала я. На мой немой вопрос Нелида ответила, что приобрела чайный сервиз во время своих поездок на Восток. Она добавила, что не имеет значения, насколько он ценен или сколько ему лет, так как для нее он всегда здесь и всегда сейчас. Нелида подала мне чашку ароматного цветочного чая.

– Эта чашка, которая была пуста несколько минут назад, теперь наполнена чаем, – сказала она, опуская чайник. – Или ты можешь заполнить её любым веществом, каким захочешь. Но чашка всегда одна и та же, что бы в ней ни было, согласна?

Я кивнула и подождала, пока она разъяснит свою точку зрения.

Нелида объяснила, что как только человек сделает перепросмотр и обретет непривязанность, его энергетическое тело больше не будет дрожать каждый раз, когда мир вокруг него меняется. Поскольку сталкеры пусты и позволяют намерению перемещать их, у них есть центр, который постоянен и, по-видимому, вообще не движется.

– Никто не учил тебя поддерживать центр? – удивленно спросила она.

Я сказала ей, что Клара и Эмилито научили меня многим вещам, в том числе тому, как удерживать равновесие при лазании по деревьям, чтобы не кружилась голова или не тошнило, когда я вишу вверх ногами. Сосредоточив взгляд на определенной точке, создается впечатление, что мир движется, а тело остается неподвижным.

Нелида кивнула, когда я закончила описывать некоторые из заповедей Эмилито о лазании по деревьям. Она подняла чашку и сделала глоток.

– Поскольку в чашке нет трещин, она может вместить что угодно. Ты можешь опорожнить ее или наполнить, и она останется той же чашкой. Но если бы на ней была трещина, ты бы заметила, что чай понемногу капает, пока совсем не исчезнет. Затем чашка, если бы она могла чувствовать, почувствовала бы, что что-то потеряла.

Я согласилась с тем, что если бы у чашки были природные чувства, то из-за трещины и пролитого чая чашка могла бы испытывать горечь потери и даже чувствовать себя несчастной, неудовлетворенной или ностальгировать по прошлому.

– Это потому, что она с трещиной, – сказала Нелида, глядя на меня. – Но если ты заделаешь трещину, то чашка, наполняясь и опорожняясь, не будет ощущать потери, потому что это природа чашки – быть пустой или полной. Нормальная чашка не имеет трещин или других поломок. Чашка с дырой или без дна больше не может выполнять свои функции, то есть быть сосудом.

– Я до сих пор не понимаю, к чему и какое отношение это имеет.

Нелида объяснила, что если в энергетическом теле есть дыры или оно повреждено, человек чувствует утечку жизненной силы и изо всех сил пытается сдержать неизбежную потерю, накапливая и цепляясь за то, что утекает. Такой человек не осознает, что не страх потерять заставляет его цепляться, а слабость собственного энергетического существа является причиной его замешательства.

Нелида пояснила, что все мы похожи на чашки: одни с трещинами, другие бездонные, а третьи крепкие и целые.

– Сильные никогда не цепляются и не чувствуют потери, когда что-то уходит, – сказала Нелида, – потому что независимо от того, пусты они или полны, их сущностная природа остается неизменной. Такие люди могут приходить и уходить, они избавлены от тяжелой участи слабых, цепляющихся за каждую попавшуюся крошку, всегда боящихся, что кто-то может ее отнять.. Люди «с трещиной» подобны нищим, которые дерутся из-за крошек, потому что чувствуют, что никогда больше не смогут поесть.

– Что делать, если ты - чашка с трещиной? Спросила я. Есть ли надежда для нищих?

– Перепросмотр и магические пассы! Опустоши и восстанови свою энергию. Забудь о чае, воде или фруктовом соке, который ты не можешь удерживать. Не пытайся наполняться снова и снова, это только усилит твое чувство потери. Направь всю свою энергию на оздоровление. Таким образом, когда ты снова станешь сильной, для тебя уже не будет иметь значения, что налито: вода или грейпфрутовый сок. Ты можешь быть пустой или полной, но уже никогда не будешь подвержена собственничеству и не будешь бояться что-либо отпустить.

– Что поможет избавиться от собственничества? – спросила я, опьяненная ароматным чаем.

– Потому что ты знаешь, что важно не то, что тебя наполняет, а твоя связь с намерением. Практикуй неделание, опустоши чашку и запечатай ее. Как только она будет энергетически запечатана, ты поймешь, что ни в чем нет нехватки.

Нелида пояснила: быть нуждающимся или жадным на самом деле означает, что человек энергетически зависит от других в плане пропитания. Поэтому человек всегда находится во власти кого-то другого или выпрашивает энергетическую подачку.

– Но если ты опустишь свою чашу в необъятность, то ничто не сможет потревожить или разочаровать тебя, потому что тогда ты погрузишься в источник всего. Так что такой человек никогда не боится прощаться, потому что он или она знает, что в принципе нечего оставлять и некуда идти.

– А как насчет блюдца? – спросила я.

Нелида громко рассмеялась, словно я сказала что-то смешное.

– Выбрось его! – улыбнулась она. – У нас нет тарелок. Лучше опираться на саму необъятность.

Нелида поставила чашку на стол и объяснила, что «опираться на необъятность» означает необходимость полностью забыть себя, чтобы не было разницы между собой и окружающим.

Тогда мир соответствует нашему намерению. Когда мы не обращаем на себя внимания, тогда мы идеально синхронизированы; тогда мы уже не знаем, движемся ли мы или нас перемещают. Тогда непостижимое направляет и охраняет наше существо.

– Но сначала мы должны положиться на нашу безупречность, — сказала Нелида. Опорожни свою чашку во время перепросмотра, чтобы у тебя не возникало ощущения опустошения и потери. Затем, пока ты пуста, ты восстанавливаешь повреждения своего энергетического тела с помощью магических пассов, и, наконец, когда ты энергетически здорова, чиста и спокойна по отношению к себе и другим, тогда ты сможешь начать распространять эту легкость и ясность на все свои предприятия и встречи. Что бы ни возникло, сталкер сможет справиться с этим с той легкостью и восторгом, которые исходят из глубины небытия.

– Что, если люди, с которыми я работаю, нервничают и недовольны? – спросила я, осторожно ставя чашку на стол. Нелида наполнила её еще большим количеством вкусного чая. – Разве это не заразило бы меня их негативным настроением?

Я вспомнила о событии, которое произошло не так давно в отделе антропологии. Я ехала на лифте, когда Тим Ховард, студент-выпускник, загнал меня в угол и агрессивно спросил: «Почему ты всегда улыбаешься? Ты нашла источник счастья?» Я занервничала. Я сразу начала объяснять, что не осознаю, что всегда улыбаюсь, и попыталась понять, как чувство счастья может быть оскорбительным. Но когда мы добрались до третьего этажа, я уже была полностью подавлена и истощена.

– Если ты излучаешь легкость и восторг из глубины своего существа, ты не будешь заражена другими, – заверила меня Нелида.

– Что, если они настолько сильны, что расшатают меня? Настояла я.

– Никто не может повлиять на сталкера, потому что его цель, как воина, не может быть поколеблена.

– Но если ты с трещиной и хочешь признания, или ты инвестируешь и ожидаешь отдачи, то всё, что приходит к тебе и уходит от тебя, может на тебя повлиять. В лифте вся твоя энергия ринулась к месту энергетического пробоя, но не смогла его заделать, потому что ты не можешь ничего изменить или сохранить. Ты не можешь заделать свою трещину из-за того, что ты полна собой, но целостная природа удерживает себя внутри себя. К ней ничего не нужно добавлять, и ничего нельзя из неё забрать. Даже чувство приобретения или потери.

Нелида потянулась через стол и нежно погладила меня по руке. Она заверила меня, что после восстановления, мое энергетическое тело стало довольно сильным, и поэтому она может говорить со мной. Для меня было бы неправильным продолжать чувствовать слабость просто по привычке.

– Человек, который привязан к непоколебимому Намерению, наслаждается обществом других, но никогда не цепляется и не испытывает нужды, просто потому, что его пустота и полнота не позволяют ему осознавать потребности и привязонности.

Нелида объяснила, что укрепление энергетического тела требует изменения поведения и отказа от бесполезного чувства подавленности.

— С чего начать? — спросила я, чувствуя себя перегруженной.

Нелида улыбнулась и сказала, что лучший способ укрепить свое энергетическое тело — это перепросмотр, приводящий к очищению от беспорядка, связанного с повседневным существованием.

– Именно растворение конфликта и внутреннего смятения успокаивает личность, – сказала Нелида. – Это приводит к слиянию внутреннего и внешнего миров и тогда слова, мысли и чувства человека не расходятся с его действиями и с тем, что происходит вокруг.

Темнело. Нелида встала и указала на кровать.

– Приятного отдыха. Я собираюсь прогуляться. Прощай.

– Ты имеешь в виду, что мы увидимся позже, верно? – сказала я.

Нелида остановилась на мгновение и улыбнулась. Затем она вышла и закрыла за собой дверь.

Когда я проснулась на следующее утро, дон Хуан стоял в дверях и смотрел на меня. Он сказал, что пора вставать и уходить. Мы спустились по каньону по другой тропе и пошли обратно к его дому. Когда мы шли, меня наполнила светящаяся энергия. Я чувствовала себя открытой, воздушной и легкой.

Я хотела спросить Дона Хуана, куда делась Нелида, и рассказать ему все, о чем она говорила, описать произошедшее в руинах, когда он остановил меня взмахом руки. Неожиданно я обнаружила, что не могу выразить свои воспоминания словами. Я знала, что некоторые вещи невозможно выразить словами, и мне пришлось остаться на уровне безмолвного знания.

Карлос ждал, когда мы подошли к дому дона Хуана. Мое сердце забилось от облегчения, когда я снова его увидела. Прошло всего три дня, но казалось, будто прошла вечность. Он не спросил, где я была. Это была загадка сердца, на разгадку которой, как говорила Нелида, потребовалась бы целая жизнь. Глядя в светящиеся глаза нового нагваля, я поняла, что это связано с отпусканием себя и принятием даров, которые, не спрашивая и не вмешиваясь, предлагал Дух.

Глава 18: Ла Каталина

Мы подошли к группе глинобитных домов. Карлос припарковал машину примерно в четверти мили вверх по дороге, чтобы ее не было видно из домов.

– Я покажу тебе, где подождать, но сам я не хочу входить или попадаться на глаза целительнице, – сказал он, взглянув украдкой.

– Почему ты не хочешь встречаться с целительницей? – с подозрением спросила я.

– Потому что эта целительница ведьма. У меня было несколько ссор с ней в прошлом. Так что лучше, чтобы она не ассоциировала тебя со мной или доном Хуаном.

Я все больше и больше начинала волноваться.

– Что мне сказать ей, если она спросит, зачем я пришла?

– Просто скажи, что ты изучаешь антропологию и ее очень рекомендовал кто-то на станции Викам. И ты здесь, потому что хочешь, чтобы она посмотрела на укусы блох на твоих ногах.

Судя по виду дома, тот, кто там жил, был очень успешным. Дом был больше, чем другие дома яки в этом районе, а территория вокруг выглядела чистой и ухоженной. У двери даже стояли растения в горшках, которые придавали крыльцу декоративный вид.

Пожилая пара сидела на скамейке под рамадой. Две крепкие мексиканские дамы стояли во внутреннем дворике, ожидая своей очереди на прием к целительнице. На другой скамейке сидела женщина с ребенком, а рядом с ней сидела другая женщина, полностью покрытая шалью, кормившая грудью ребенка. Сбоку от дома находился небольшой загон, где содержался осел. Когда я обернулась, то увидела, что за загоном скрывается мужчина, как будто он не хотел, чтобы его видели.

– Донья Каталина – лучший целитель в Соноре, – сказал Карлос, когда мы сели на пустую скамейку недалеко от дома. – К ней приезжают и мексиканцы, и индейцы. Дон Хуан говорит, что у нее больше силы, чем у всех целителей, вместе взятых в этой области.

Я заметила намек на гордость и страх в его голосе, когда он произносил это.

– Ты хорошо ее знаешь? – спросила я.

– Нисколько. Я встретил ее однажды на собрании некоторых коллег дона Хуана. Хотя несколько раз я действительно видел ее работу. Она может удалить орган пациента, окунуть его в спирт и вставить обратно в тело, не делая разреза и не пуская кровь.

– Да ладно!. – недоверчиво сказала я. – Это невозможно. Должно быть, она использует какой-то трюк.

Я слышала о «психической хирургии», которую использовали некоторые целители. Её цель аналогична западной хирургии, за исключением того, что во время процедуры не течет кровь и пациент находится в сознании. Но в отличие от западной хирургии, пациенты могут сразу встать и уйти без шрамов и болезненных последствий.

– Бьюсь об заклад, это исцеление построено на вере, если пациент очень поддается внушению, – сказала я.

Антропологическая литература изобилует исследованиями таких целителей, которые посредством наложения рук вызывают у пациента своего рода катарсис, во время которого происходит исцеление. Я видела демонстрацию такого исцеления по телевидению. Люди просто бросали костыли и снова начинали ходить или, чудесным образом, могли слышать и видеть. Я никогда не придавала большого значения такому виду лечения и всегда считала, что он попадает в категорию того, что антропологи называли «исцелением путем истерического обращения». Эффекты в таких случаях обычно были временными и лечили симптомы, а не саму болезнь, которая часто возвращалась, когда человек приходил в себя и сила общественной поддержки прекращалась.

– Она не исцеляет при помощи веры, – решительно сказал Карлос.

– Так как же донья Каталина практикует свое искусство? Может быть она использует ловкость рук?

Согласно антропологическим источникам, такая операция может произойти только при помощи какой-то уловки, поскольку она противоречит разуму и законам науки. Обычно предлагается объяснение, что зрители погружаются в гипнотический транс из-за использования повторяющихся звуков, таких как пение или барабаны. Затем целитель приступает к работе, производя впечатляющие эффекты, точно так же, как фокусник выполняет трюки, удивляющие публику, которая видит только то, что фокусник позволяет им видеть.

– Нет. Она не использует ловкость рук, – сказал Карлос. – Некоторые шарлатаны, вероятно, полагаются на уловки вроде спрятанного в рукаве запасного органа, но Каталина делает кое-что еще, гораздо более эффектное.

– Что-же? – спросила я, рассмеявшись, когда представила себе человека, у которого под пончо спрятано капающее козье сердце или печень, которые он показывает как раз в нужный момент, чтобы удивить зрителей.

– Каталина исцеляет, изменяя реальность вокруг себя, и любой, кто становится свидетелем операции, включая самого пациента, участвует в этой измененной реальности.

– Я не понимаю, – сказала я, отворачиваясь от кашляющего пациента, который подошел к скамейке, где мы сидели.

– Если мы начнем с предпосылки, как это делают маги, что реальный мир также является миром снов и что он может быть изменен посредством восприятия, если у человека достаточно силы, тогда целитель, который также является магом, может изменить реальность, погрузив в нее вовлеченных людей, через их общее согласие. Итак, все присутствующие на самом деле являются свидетелями мира с новыми параметрами восприятия; они вынуждены признать то, что видят, с новым межсубъектным соглашением, заменяющим старое.

– Разве это не форма массового гипноза? – спросила я.

– Не совсем, – ответил Карлос. – Если только ты не назовешь жизнь или то, что мы сейчас переживаем, тоже формой гипноза. Что делает Каталина, так это изменяет сознание своих пациентов и сознание того, кто становится свидетелем ее исцеления, и, конечно же, ее собственное сознание, которое способно сновидеть и обладает качествами мага. Так что все, что с ними происходит, так же реально, как и мир, в котором находимся мы, сидя здесь, на этой скамейке.

– Ты имеешь в виду, что она использует свое тело сновидения во время сеансов исцеления? – спросила я.

– Так и есть. Она научилась использовать части реальности своих снов и способна проецировать их в повседневную реальность людей так мощно и полно, что происходят глубокие сбои этой реальности. Затем она использует свои техники преследования, чтобы завершить изменения и сформировать узнаваемую картину для зрителей, хотя её характеристики заметно отличаются от повседневной реальности, но столь же реальны.

– Чем это отличается от повседневной реальности?

– Ну, она может бескровно удалить орган. В рамках нашей согласованной реальности это сделать невозможно.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – сказала я, вздрогнув. Мне было интересно, как целители, подобные Каталине, приобрели такие экстраординарные способности, чтобы иметь возможность изменять мир вокруг себя и заставлять каждого в своем энергетическом поле испытать невероятное.

Ожидая своей очереди, я чувствовала себя еще более неловко, гадая, что она сделает со мной, когда я войду в ее энергетическое поле. Карлос заверил меня, что ее силы подлинны, что у неё нет никаких уловок, и что ее слава свидетельствует о ее способностях как целительницы.

Нам пришлось ждать более двух часов, пока не приняли всех людей перед нами. Я успела мельком увидеть целительницу, хотя человек, скрывавшийся за загоном, вышел и некоторое время стоял там, наблюдая за нами издалека. Когда подошла наша очередь, Карлос сказал мне войти и сам отправился подождать меня в машине. Он напомнил мне не упоминать о моей связи с ним или с Доном Хуаном. Мне следовало быть осторожной и посмотреть, смогу ли я обнаружить что-нибудь странное в целительнице. Он подчеркнул, что я должна хранить молчание и осознавать, чтобы усвоить как можно больше техник преследования доньи Каталины.

Я в страхе вошла в дом. Молодая девушка яки встретила меня строгим взглядом. Она выглядела очень одаренной и даже была одета как медсестра в чистый белый халат и белые сандалии. Она спросила, что меня беспокоит. Я немедленно показала ей укусы на моих ногах, которые, к счастью, все еще были красными и воспаленными. Она кивнула, достала белую карточку из металлического картотеки и написала мое имя, дату и причину, по которой я здесь.

Когда целительница была готова меня принять, ее юная помощница провела меня во внутреннюю комнату за темной деревянной дверью. Девушка протянула ей мою карточку и молча вышла из комнаты. Я сразу почувствовала, что нахожусь в присутствии самой необыкновенной женщины. Донья Каталина была высокой, около сорока пяти лет, на ней был распахнутый белый халат поверх блузки и прямая юбка. Ее черные как смоль волосы были стянуты повязкой на голове и собраны в высокий пучок. У нее не было морщин, лицо было красивой формы, но больше всего поражали ее глаза; казалось, они горели энергией, исходящей из каждого дюйма ее энергичного тела. Я не видела таких глаз ни у кого, кроме дона Хуана и его спутников. Эта женщина была красивой и обладала загадочной внутренней силой. Я обнаружила в ней уверенность и властность, но эти качества даже успокоили меня и я отдала себя на её милость.

Я думала, что первое условие успешного исцеления – вера в способности целителя – в этом случае легко выполнится. Кроме того, донья Каталина, казалось, проявляла доброту и заботу, которые сразу успокоили меня, несмотря на то, что она была совершенно чужой. Я старалась говорить с ней по-испански, насколько могла. Она улыбнулась моим усилиям и сказала на довольно хорошем английском: «Я хочу, чтобы ты легла на кровать, подняв голову.»

Я легла на узкую кровать, накрытую чистой белой простыней с маленькой подушкой. Следуя ее инструкциям, я подняла голову над подушкой, что, как мне казалось, она и сказала. Это была неудобная поза, и я не могла понять, почему я не могу опустить голову, но она специально сказала лежать «головой вверх», поэтому я напрягла шею, чтобы держать голову над койкой. Возможно, это была часть процедуры лечения.

Донья Каталина осторожно подняла мои ноги и осмотрела укусы. Они не были такими свежими и опухшими, как раньше, но все еще были зудящими и воспаленными. На них уже образовались корки, которые я не могла не расчесывать. Я вытянула шею, чтобы посмотреть, что делает донья Каталина. Она вытирала мне ноги какой-то едкой жидкостью. К настоящему времени моя шея устала, и я едва могла держать её над подушкой.

Донья Каталина осторожно расстегнула переднюю застежку моих «Левисов» и приподняла рубашку, обнажая живот. Затем она нанесла немного лосьона на руки и начала массировать мне живот круговыми движениями сначала по часовой стрелке, затем против часовой стрелки. Когда она двигала руками, я чувствовала, как ее пальцы делают странные вещи: я чувствовала, словно маленькие лапки грызуна движутся по всему моему животу, вызывая ощущение зуда, как будто она что-то искала с помощью своего осязания.

В какой-то момент я поняла, что донья Каталина имела в виду, я должна была лечь на койку лицом вверх и она совсем не хотела, чтобы я держала голову на весу. Я расслабила мышцы шеи и засмеялась над собой, когда моя голова с благодарностью потянулась к подушке.

Я снова выполнила всё буквально, как и всегда, так же, как в классе по фигурному катанию, когда инструктор сказал всем нам кататься под музыку, и я направилась прямо к звуковым колонкам.

Я едва сдерживалась, хихикая над собой. Донье Каталине, должно быть, было странно видеть грингу, которая не хотела, чтобы ее голова касалась подушки. Я понимала, она наверное думала, что я боюсь вшей или что ее подушка недостаточно чистая. У меня возникло неконтролируемое желание посмеяться над собственной глупостью, и я изо всех сил старалась подавить своё веселье, пока донья Каталина продолжала исследовать мой живот.

– Я тебя щекочу? – спросила она, заметив мои сдержанные улыбки.

– Нет, я в порядке, – сказала я ей, пытаясь сдержать головокружение. Я наблюдала за выражением лица доньи Каталины, когда она работала. Оно было спокойным и серьезным. Казалось, она полностью погрузилась в поиски ключа, пытаясь разгадать загадку о том, что происходит у меня под кожей. Закончив осмотр, она жестом показала, что я могу снова поправить одежду

– У тебя есть черви, – заключила она. Я дам тебе лекарство. В остальном ты совершенно здорова.

Я была потрясена, узнав, что у меня глисты. Я мысленно просмотрела список того, что ела с тех пор, как приехала в Мексику и пришла к выводу, что причиной, вероятно, было мясо осла, которое я ела в Санта-Анне.

– Как мне избавиться от них? – спросила я, заправляя блузку.

– Держись подальше от мужчин, – сказала она небрежно.

– Прошу прощения? Я не могу понять, какое отношение мужчины имеют к кишечным паразитам?

– У тебя еще много червей внутри, – повторила она.

Затем я вспомнила, что говорила Клара об энергетических червях. Она рассказала мне, что во время полового акта мужчины оставляют внутри тела женщины энергетические нити, которые для провидца выглядят как тысячи светящихся червей. Они остаются внутри женского тела в течение семи лет, питаясь его энергией и делая его слабее по мере того, как мужские рецепторы становятся сильнее. Каждый новый контакт между мужчиной и женщиной укрепляет связи и делает энергетических червей еще более активными. Возможно, зуд, который я ощущала в животе, был следствием нажатия на червей, исследовательскими пальцами доньи Каталины.

– Что я могу сделать, чтобы избавиться от них? – встревоженно спросила я. – Кроме того, что держаться подальше от мужчин?

В течение четырех лет я соблюдала целибат, чтобы не возобновлять связь и не подпитывать энергией червей, подхваченных мной в прошлом.

– Держись подальше от мужчин, – повторила она. Тогда со временем черви погибнут сами по себе.

Я кивнула. Мне было интересно, откуда она узнала о светящихся червях. Было ли это общеизвестным среди магов? Или, может быть, это был хитрый трюк, чтобы раскрыть мою связь с Кларой или доном Хуаном? Я решила сыграть роль адвоката дьявола и спросила:

– Как вы можете быть уверены, что у меня вообще есть черви?

– Я нащупала их руками, – ответила она. – Их больше у тебя с левой стороны, чем с правой. Избавиться от них будет сложнее. Ты по-прежнему привязана к ним и называешь их своими.

Я не могла понять этого, ведь я сделала подробный перепросмотр всех сексуальных контактов и чувствовала себя очень отстраненной от них. Я наблюдала, как донья Каталина наполнила маленькую пластиковую бутылку розовой жидкостью, похожей на пепто-бисмол. Она плотно закрыла крышку и поставила бутылку на стол.

– Тебе следует принимать по чайной ложке трижды в день, – заявила она. – Мой там внизу кипяченой водой с розмарином, ешь больше и меньше беспокойся.

— Что заставляет вас говорить, что я волнуюсь? — спросила я застенчиво.

Она посмотрела мне прямо в глаза.

– Я могу сказать по состоянию твоей селезенки, – ответила она. – Я не просто массировала твой живот, я исследовала каждый из твоих внутренних органов: печень, селезенку и почки. Я могу сказать, как они себя чувствуют. Например, если они счастливы или грустны, спокойны или взволнованы.

– Вы имеете в виду, что у внутренних органов есть эмоции? – спросила я.

Она одарила меня самой жуткой улыбкой и кивнула.

– Если ты не будешь относиться к ним правильно, они не дадут тебе ни минуты покоя, – сказала она и протянула мне розовое лекарство.

Я спросила ее, сколько стоят ее услуги. Она пожала плечами и сказала, что пластиковая бутылка и лекарство стоят двадцать песо, но я могу заплатить ее помощнице все, что захочу, на выходе. Я поблагодарила ее и собиралась уходить, когда она меня остановила.

– Ты ведь знаешь Хуана Матуса? – Она сказала это с уверенностью, не оставляющей места для сомнений. – Он послал тебя сюда?

Помня приказ Карлоса не упоминать о наших связях, я не знала, что ответить, поэтому просто глупо смотрела на нее.

– Он привел тебя? – спросила она снова с ледяным взглядом.

Я продолжала упорно защищаться.

– Нет, не он, – сказала я.

Она удивленно посмотрела на меня, как будто не поверила мне.

– В самом деле я не пришла ни с кем с таким именем, — настаивала я.

Она потеряла свою приятную манеру поведения.

– Я пришла с другом. Он ждет меня в машине.

Она одарила меня таким пронзительным взглядом, от которого бы замерзла даже ящерица, а затем смерила меня им сверху до низу.

– Ты не такая, как остальные, – сказала она. – Ты определенно пришла сюда не для того, чтобы исцелиться. У тебя есть скрытые мотивы. Ты пришла, чтобы шпионить за мной или украсть мою силу?

– Конечно, нет, – вымолвила я в шоке. – Уверяю вас, у меня были самые лучшие намерения.

– Я тебе не верю. Ты пришла украсть мои секреты исцеления, верно?

Внезапно я испугалась и покрылась холодным потом. Я хотела уйти, но она прыгнула перед дверью, загораживая выход. Я не могла понять, что случилось с доньей Каталиной. За мгновение до этого она была заботливым ангелом. Теперь я знала, что ее доброта и доверие были техниками сталкинга, предназначенными для того, чтобы застать меня врасплох. Она изменилась мгновенно: теперь это был опасный враг, черная ведьма самого злого вида.

– Я не понимаю, что вы имеете в виду, – сказала я ей. – Сейчас я должна идти. Отойдите, пожалуйста.

И, чтобы казаться более уверенной, я добавила, хотя и не так решительно, как хотела:

– Предупреждаю, я владею боевыми искусствами.

При этом она посмотрела на меня и засмеялась. Я сделала несколько шагов назад, чтобы установить между нами дистанцию. Я знала боевые искусства, но какая польза от них перед лицом этого грозного противника, который был не только больше меня, но и намного сильнее. Каждый дюйм тела Каталины был наполнен агрессивной, но сосредоточенной энергией. Между тем я, с другой стороны, отступала, пока не ударилась о койку и не могла уже двигаться дальше.

Каталина просто смеялась надо мной, показывая свои крепкие белые зубы. Ее смех казался вызовом, жестокой агрессивной ухмылкой, в которой не было ничего дружелюбного или веселого.

– Если вы не уйдете от этой двери, я буду кричать и звать на помощь, – предупредила я. – Мой друг у машины. Он прибежит.

На самом деле это было правдой лишь отчасти. Я забыла добавить, что Карлос припарковал машину в четверти мили отсюда, и мы шли сюда пешком. Если бы он был в машине, он бы меня не услышал, даже если бы я кричала во все горло.

– А мой друг ждет у загона напротив, – сказала она с улыбкой. – Он прибежит, даже если я не закричу. Если ты мне не веришь, просто посмотри в окно.

Я выглянула в окно и увидела того же человека, который прятался у загона, стоящего во дворе. С такого расстояния я поняла, что в нем было что-то знакомое. Затем я вспомнила, где я его видела. Это было при пересечении границы в Ногалесе. Это индеец заставил меня потерять сознание и, воспользовавшись возможностью, сунул мою золотую ручку в карман. Я почувствовала, как страх охватил меня, когда он сделал мне очень незаметный утвердительный жест, как будто он тоже вспомнил этот инцидент. Я знала, что от этого дуэта колдунов не сбежать.

– Кто этот человек? – потребовала сказать я.

– Он мой защитник, – сказала Каталина с улыбкой. – Так что не пытайся выкинуть какой-нибудь фокус.

Одним взмахом руки она сорвала повязку, и ее волосы упали ей на плечи. Она была совершенно дикой, ее глаза горели яростью. Мне было так страшно, что у меня дрожали колени, и я чуть не села на койку. Я импульсивно решила сбежать через окно. Я запрыгнула на койку и открыла окно. Но как только я высунула голову и туловище, то почувствовала, как что-то вроде раскаленных железных кандалов сдавило мои лодыжки. Я закричала и увидела, как ведьма тянет меня за ноги. Я так сильно брыкнулась, что ей пришлось отпустить меня и отпрыгнуть. Но она поставила меня в невыгодное положение. Я задыхалась от холодной ярости.

«Если бы у меня были только кристаллы, чтобы я могла направить их на нее», – пришло мне в голову. Но кристаллы были в ящике моего стола в Лос-Анджелесе. Они бы сейчас здесь мне очень пригодились.

Не важно. Я полезла в карман и сделала вид, что что-то вытаскиваю. Я держала руки в правильном положении, вытянутыми, чтобы запустить хрустальные дротики, указательными пальцами, направленными прямо на нее.

– Берегись, у меня кристаллы! – заорала я.

Пока я смотрела на нее, меня наполнила волна неизвестной силы. Мои колени больше не дрожали, они стали сильными, а ноги казались все длиннее и длиннее, словно они заряжались энергией, поднимающейся из земли. Когда энергия выстрелила из земли через мою шею и макушку, моя спина дернулась и выпрямилась, Я казалась очень высокой, моя голова практически касалась потолка, и я смотрела на донью Каталину, все еще указывая на неё пальцами с воображаемым кристаллом в руках.

Каким-то образом это произвело впечатление. Каталина отступила и испуганно посмотрела на меня. В следующий момент она снова стала уверенной в себе, но я была в бешенстве.

– Хуан послал тебя, не так ли? – сказала она. – Ты его союзник.

– Ты сумасшедшая, – сказала я, опуская руки, – союзники не люди.

Я пыталась контролировать свое дыхание и при этом уменьшалась в размерах, пока не перестала растягиваться. Я подошла к двери на резиновых ногах, как раз в тот момент, когда она открылась и вошел Карлос. Я почувствовала такое облегчение, что не успела обдумать, что произошло. Это ощущение растягивания было мне знакомо. Я чувствовала это раньше, хотя не знала, где и когда.

– Эта ведьма меня не отпускала, – пробормотала я Карлосу. – Так что я чуть не ударила ее своими кристаллами.

Я не знала, что говорю. Мои руки были как лед. У меня стучали зубы и я замерзла от холода.

Карлос взглянул на Каталину, схватил меня за руку и вывел из дома. Я слышала жуткий смех женщины, преследовавший нас всю дорогу к машине.

– Эта женщина сумасшедшая, – выдохнула я. – Она не хотела меня отпускать. Она всё время настаивала на том, что дон Хуан послал меня украсть ее силу. Я не знаю, что со мной случилось. Думаю, у меня были галлюцинации от ярости или от страха. Я так разозлилась, что чуть не проломила крышу. Я имею в виду, буквально.

– Каталина – это северный ветер, – сказал Карлос. – Она очень опасна.

– Тогда зачем ты привел меня к ней? Сначала она казалась такой дружелюбной и компетентной.

– Потому что у нее есть Сила, – ответил он. – Я хотел, чтобы ты увидела, как работает настоящий сталкер. Ты видела её в действии.

– Конечно, видела. Но разве это не было опасно? – спросила я. – Она знала, что я не пришла только из-за укусов блох на ногах. Хотя, она дала мне лосьон, который я оставила в доме.

– Пока она не подозревала, что ты со мной, я думал, ты будешь в безопасности. Но я вижу, что ошибался. Она увидела тебя насквозь.

– Не сразу, – поправила я его. – Потом, когда я уже собиралась уходить.

Когда мы сели в машину, Карлос попросил меня рассказать обо всем, что произошло с того момента, как я вошла в дом, что я и сделала, насколько помнила.

– Все началось так дружелюбно. Я едва могла сдержать смех, потому что думала, что она сказала мне держать голову на весу в течении всего сеанса по какой-то загадочной причине. Так что я удерживала это неловкое положение столько, сколько могла выдержать моя шея. Затем, когда я осознала свою ошибку, я не могла не рассмеяться.

– Должно быть, это и сбило ее с толку, – сказал Карлос. – Ты смеёшься и держишь живот напряженным. Она не могла по-настоящему заглянуть внутрь тебя, пока ты не расслабила свое тело. Тогда она увидела, что ты не такая, как все.

– Что ты имеешь в виду?

– Каталина, как Видящая, увидела, что твоя энергия течет не так, как у других её пациентов.

– Что ты имеешь в виду, в чем отличие?

– У тебя не совсем человеческое течение энергии, – сказал Карлос. – Вот что натолкнуло ее на мысль, что ты союзник Дона Хуана.

– Она определенно это подозревала, потому что спросила, послал ли меня дон Хуан, а я настаивала, что нет. Затем она действительно разозлилась и обвинила меня в том, что я приехала, чтобы украсть ее силу, что, конечно, было не так.

Карлос молча выслушал остальную часть моего рассказа, особенно когда я рассказала ему о странном человеке в задней части её дома. Мои зубы продолжали стучать. Одна только мысль об этой женщине и ее защитнике заставляла меня дрожать. Северный ветер или нет, но она наверняка может заставить кого-нибудь замерзнуть до глубины души. Карлос сказал, что я не должна больше говорить о ней, потому что чем больше мы говорим о ней, тем легче ей будет отслеживать нас через наши мысли.

– Ты имеешь в виду, что она собирается преследовать нас?

– Она могущественная ведьма. Она может следовать за нами до самого края земли, если захочет. Но я думаю, она просто хочет, чтобы мы покинули этот район. Нам лучше забрать свои вещи и уйти.

– Ты имеешь в виду, что она выгоняет нас из города? Что случится, если мы не уйдем?

– Она может доставить нам массу неудобств, особенно ночью. Я бы не хотел навлечь на себя ее гнев больше, чем мы уже имеем.

– Но я не хотела причинить никакого вреда, – сказала я. – Я даже не знала, что мне нужно искать.

– Ее методы сталкинга, – напомнил мне Карлос.

– Например?

– Разве ты не заметила ее внешний вид? Она была старой или молодой? Уверенной или непринужденной?

– Она была очень красивой, уверенной и спокойной. – ответила я. – Она мне понравилась. Я не знаю, почему она так отреагировала. Ты уверен, что мы не должны вернуться и поговорить с ней, чтобы исправить ситуацию.

– Поверь мне, лучше не злить ее дальше. Ее сила безгранична. Ты видела, какой молодой она себя сделала.

– Что ты имеешь в виду , «сделала себя молодой»? Сколько ей лет?

– Она спутница Нагваля Хулиана. Это делает ее очень, очень старой.

– Если это так, то ей должно быть больше ста лет!, – выдохнула я. – Но я бы не дала ей и дня старше сорока!

– Точно. Мы уйдем отсюда прямо сейчас.

– Ты думаешь, она нас отпустит?

– Твоя демонстрация своего двойника застала её врасплох. Я был свидетелем конца этой сцены. Ты должно быть напугала её до чертиков.

– Какая ещё демонстрация? Все, что я хотела сделать, это выбраться оттуда.

– Что-то пришло тебе на помощь. И это был не я.

– Куда мы двинемся? – спросила я.

– У нас есть два варианта, – сказал Карлос. Мы можем отправиться на север в Лос-Анджелес или на юг в Гвадалахару.

В этот момент ворона спустилась с ветки дерева и полетела к холмам вдалеке. Я открыла компас и проверила направление; ворона летела на юг.

– Я чувствую, что у нас все еще есть незаконченные дела в Мексике, – сказал Карлос, когда машина набрала скорость.

Глава 19: Рынок

Мы ехали всю ночь без остановок. Я боялась закрыть глаза даже на мгновение, чтобы не увидеть лицо ведьмы Каталины. Но и с открытыми глазами я не могла выбросить ее лицо из головы. Она проникла в мои мысли и поселилась там, словно оставила во мне свою энергию или удалила что-то из меня, что было жизненно важным для моего благополучия. Я была уверена, что она колдует на тонком плане и направила все свои усилия на изнурительную внутреннюю битву при помощи своей воли. Карлос был прав, она преследовала нас, и меня мучил страх, что, если я засну, произойдет что-то ужасное.

На мгновение мои веки опустились и в моем сонливом состоянии, пятна света и тени, отраженные от лобового стекла, превратились в устрашающее лицо Каталины с большими зубами и блестящими глазами. Деревья снаружи были ее черными волосами, которые развевались, как у банши. Я помотала головой, чтобы рассеять ее образ, но не могла отойти, от того что произошло.

Теперь ее лицо навсегда осталось в моей памяти, как образ пламени после того, как смотришь на него слишком долго. Я чувствовала себя мотыльком, беспорядочно летающим вокруг лампочки; не в силах разорвать связь с этой женщиной и ее Силой.

Кроме того, я не могла не беспокоиться о светящихся червях, которые, по ее словам, истощали мою энергию. Я думала, что избавилась от всех червей во время перепросмотра, который я сделала под руководством Клары. Но семь лет ещё не прошли, и, по словам ведьм, это был срок жизни светящихся червей в матке женщины.

Все, о чем я могла думать, это то, что Каталина «разбудила» светящихся червей в моем животе, массируя его. Я подумала о девушке в магазине, которая хотела поехать в Соединенные Штаты с Карлосом и почувствовала приступ ревности, возненавидев себя за это. Ведьма Каталина привязала меня. Несмотря на то, что я отрицала это, я все еще была привязана к мужчинам, а любовь и привязанность были для меня по прежнему важны, несмотря на то, что я говорила или делала обратное.

Я пыталась думать о других вещах, но тьма вокруг нас была всепоглощающей. Казалось, что она темнее обычной ночи. Это меня беспокоило. Я посмотрела на Карлоса, но он был так же обеспокоен и озабочен, как и я. Чтобы отвлечь его, я попросила описать систему родства индейцев яки, и были ли у них насмешливые отношения к свекрови, преобладающие во многих других культурах.

– А яки тоже избегают свекровей? – спросила я.

Карлос посмотрел на меня, как на таракана.

– Я имею в виду, что согласно Малиновскому и его работе на Тробрианских островах, обычно между мужем и матерью жены создается структура избегания. Или это между братом матери и дочерью сестры? Это наверное табу на инцест, потому как это делает его ее дядей.

– Лучше помолчать, чем говорить ерунду, – сказал Карлос, возвращая глаза на дорогу.

Я почувствовала толчок. Видимо, он злился на меня из-за светящегося червя. Я чувствовала себя предателем, виноватым в том, что продолжала испытывать энергетическую привязанность к мужчинам, но пока мне было наплевать. Одна нога у меня была в мире колдовства, другая – гангренная, была погружена в мир человеческих дел. При более глубоком анализе я поняла, что все еще озабочена поиском любви, гадая, кто позаботится обо мне в трудную минуту и что со мной случится, если я проиграю в мире ведьм. Я инвестировала, ожидая вознаграждения за свои усилия. А когда я не получала награды, я имела тенденцию сдаваться и возвращаться к своему знакомому образцу поведения.

Когда мы ехали в темноте, на меня снова нахлынули воспоминания. Я даже не ожидала, что у них окажется столь мощный энергетический потенциал. Я была уверена, что Каталина размешала во мне банку с червями во время своего лечения и благодаря этому я могла вспомнить каждую деталь из того, что произошло много лет назад.

Мне было четырнадцать, я стучалась в двери церкви в два часа ночи, отчаянно желая, чтобы священник выслушал мою исповедь. Я больше не могла этого выносить. Я боялась умереть ночью и быть приговоренной к вечному аду за то же, в чем согрешили бедные влюбленные из воскресной проповеди отца О'Брайена.

В то воскресенье на мессе он рассказал нам, что случилось с двумя подростками из его предыдущего прихода, которые поехали в горы, чтобы совершить «постыдные» вещи. Пока они были поглощены ласками, поцелуями и прочими вещами, которые он намеренно оставил завуалированными, стояночный тормоз разблокировался, и машина свалилась с обрыва, мгновенно убив молодых влюбленных. Когда их тела были обнаружены, то, к удивлению родителей, они были частично обнаженными. Отец О'Брайен сказал, что их смерть наступила так внезапно, что они даже не успели раскаяться. И теперь их души в вечной агонии.

Двери церкви были закрыты, никто так и не вышел послушать мою исповедь. Я устала колотить в двери и была так зла, что поклялась больше никогда и ничего не буду ждать от церкви. Бог закрыл для меня свое сердце в час нужды, и я теперь навсегда буду делать то же самое с ним. Я громко пнула толстую деревянную дверь, плюнула на землю и так как я была взволнована и мне нужно было облегчиться, я присела на корточки и помочилась прямо на ступеньках церкви. Больше я никогда не исповедовалась и, к глубокому огорчению моей матери, решила каждое воскресенье поздно вставать и вообще пропускать мессу.

Когда я рассказала Кларе об этом событии, она сказала, что мне повезло, когда священник не явился открыть двери. Так как исповедоваться и отдаться на милость священника или самого Бога в момент слабости было худшим, что можно сделать. Она сказала, что вопреки все моим мыслям, Сила, в конце концов не оставила меня, потому что, помочившись на ступенях церкви, я навсегда разорвала свои связи с церковью. Она заверила меня, что мочеиспускание — один из лучших способов, с помощью которых маги могут разорвать свои связи с вещами.

– У меня тоже был ужасный момент разрыва с церковью, – призналась она. – Я обычно ждала мессы в воскресенье, чтобы встретиться с друзьями. Затем я шла к ним домой, и мы весь день ели и сплетничали. Это было единственное удовольствие в моей жизни, поэтому я цеплялась за него так, словно «завтра» уже не наступит.

– Как ты избавилась от этой привычки? – спросила я.

– Мой учитель, нагваль Хулиан, заставлял меня целыми днями собирать всю мою мочу в банки. Однажды поздно вечером мне пришлось пойти в церковь в моем родном городе, и, когда там никого не было, я налила свою мочу во все резервуары со святой водой, которые там были, а так же, в купель для крещения. Затем мне пришлось подойти к алтарю, налить мочи в кубки для причастия и добавить немного в кадило.

Представь себе на следующее утро (потому что он заставил меня пойти туда в субботу) удивление священника и прихожан, когда они благословили друг друга моей мочой. В то время мне это не показалось смешным, потому что я была напугана до смерти и годами чувствовала себя виноватой после совершения такого святотатского кощунства. Но нагваль Хулиан сказал, что мы все делаем тоже самое. Мы пытаемся благословить и освятить себя, используя чужую мочу, как если бы она была священной. Спустя годы я увидела иронию и гениальность схемы сталкинга нагваля Хулиана. Ты, с другой стороны, не следовали никакому плану; ты просто пошли туда, чтобы облегчиться, а дух позаботился обо всем остальном, и ты даже не подозревала об этом.

Пока мы ехали в неловкой тишине, я вдыхала воспоминания и осторожно выдыхала их. Через несколько часов мы прибыли в город Лос-Мочис. Мы остановились поесть в современном круглосуточном ресторане. Я была голодна. Ноги ужасно чесались от чувства вины, напряжения и бессонницы. Я почти пожалела, что оставила зелье Каталины в ее доме. Однако мне говорили никогда не принимать ни от кого чужого еды и питья, и конечно, лекарств. Кто знает, что содержал в себе этот лосьон, или как он мог на меня подействовать после вспышки гнева Каталины?

Мы заказали бекон и яйца в хорошо освещенном кафетерии.

Карлос выглядел усталым, но я с облегчением увидела, что он тоже голоден. Каким-то образом у нас все еще сохранился аппетит, значит ситуация ещё не вышла из-под контроля. Во время еды я все время наклонялась почесать ноги, потому что мои джинсы терлись об укусы, отчего те чесались еще сильнее.

– Я знаю аптеку в этом городе, – сказал Карлос, заметив мой дискомфорт. – Когда они откроются утром, поедем туда. Еще есть целитель, который работает на рынке трав...

Я не могла поверить своим ушам.

– Ещё один целитель? Ну уж нет! – твердо сказала я. – Я просто отказываюсь идти.

– Нет, это другое, – заверил меня Карлос. – Он травник. Он изучал фармакологию и лекарственные растения. Он очень опытен. Кроме того, неплохо было бы свести на нет мощное влияние, которое Каталина оказала на вас.

Это был первый раз с тех пор, как мы покинули Сонору, когда Карлос упомянул имя колдуньи. Я подумала, что, может быть, мы уже отъехали на достаточное расстояния, чтобы нейтрализовать действие ее силы.

– Ладно, если ты думаешь, что это хорошая идея, – сказала я, потирая икры о ножку стола.

– Как Каталина стала такой могущественной? – спросила я.

– Каждое утро перед рассветом она проходит пять миль на вершину холма и стоит там обнаженная, чтобы впитать энергию земли и ветра, – ответил он.

– Откуда ты это знаешь? – спросила я. – Ты видел её голой?

Карлос нервно рассмеялся.

– Нет. Дон Хуан сказал мне. Она как кузена для его линии. Хотя, как я уже сказал, она действительно принадлежит к партии Нагваля Хулиана.

– Почему она не ушла с ними, когда они покидали мир?

– Она не была готова. Я полагаю, у неё всё ещё были дела в этом мире.

Мы поселились в мотеле, и остаток ночи я провела в крепком сне. Мне казалось, что в комнате было много людей. Если бы я быстро открыла глаза, я бы увидела некоторые из них, стоящих рядом с моей кроватью, поскольку они не могли исчезнуть достаточно быстро. И я, конечно, слышала их шепот. Там был дон Хуан и двое других мужчин; все трое были в костюмах. Я чувствовала их присутствие и слышала их голоса, но не могла различить их лица, хотя мне показалось, что один из них был человеком, которого Каталина назвала своим «защитником».

В какой-то момент во сне я свернулась калачиком на левом боку, дрожа, как собака от холода. Один из мужчин тыкал в меня тростью, чтобы посмотреть, проснусь ли я. Я чувствовала и могла видеть и слышать, что они делают, но не могла пошевелиться. Я решила притвориться спящей и подслушать, о чем они говорят, потому что я знала, что они шепчутся обо мне.

– Она все еще зациклена на том, что произошло в старшей школе., – раздраженно сказал дон Хуан.

– Она не может не потакать себе, – сказал другой.

– Идиотка, – сказал мужчина, который тыкал в меня тростью. – Вот что делает католическое воспитание. Её жалости к себе нет конца. Она была бы непротив отдаться отцу О'Брайену.

– В своих мыслях она это сделала – пропищал кто-то жалким голоском, рассмешив всех.

Должно быть, я сделала какое-то движение, потому что кто-то спросил:

– Как вы думаете, она нас слышит?

– Я бы не стал забывать об этом, – ответил дон Хуан. – Она очень хитрая. Поговорим с ней; может, мы сможем вразумить ее.

Затем они начали говорить со мной и рассказывать мне разные вещи; что делать, чтобы моя жизнь стала правильной; насколько важно отпустить прошлое и не цепляться за воспоминания. И еще кое-что о перепросмотре, который, по их словам, был нескончаемым процессом. Я ощутила их силу и беспристрастность и чувствовала себя в безопасности рядом с ними. Дон Хуан был настолько безразличен и непредвзят, что я почувствовала облегчение. Я знала, что если кому-то столь благородному наплевать, кем я была или чем занималась, то я ещё не совсем пропащая. Я знала, что они, скорее всего, правы, а я просто потакаю своему чувству жалости к себе.

Они многое рассказали мне обо мне, о Карлосе и о том, что предстоит, но я не могла вспомнить даже части из этого. А потом кто-то сделал то, что я запомню навсегда. Он начал петь песню. Это была песня о прощании и оставлении воспоминаний, даже счастливых, которые заставляли наши сердца смеяться. Песня была очень странной, потому что в ней говорилось о конкретных моментах, пережитых мной. Как будто кто-то специально написал песню о моей жизни, и её слова описывали то, что я чувствовала глубоко внутри себя.

Конечно, я заплакала, но не потому, что это была грустная песня, а потому, что она была обо мне. Это была песня о примирении с сердцем и потерянной молодостью. Это была песня освобождения, красивая и сильная, потому что она отражала суть момента. Это подвело итог временности жизни. Слушая это, я почувствовал очищение, и меня охватило глубокое чувство благодарности и любви к тем, кто помогал мне без всякой причины. Эта простая мелодия достигла таких мест, которых не могли коснуться никакие слова.

На следующее утро я вспомнила, что произошло в комнате накануне вечером, мне хотелось все записать, чтобы потом разобраться в этом, и последовать совету, который они мне дали, но все, что я могла вспомнить, это суть кое-что из того, что они мне рассказали, и, конечно же, песню, которая все еще была в моей голове, создавая свое мелодичное заклинание.

После завтрака мы поехали в центр города, припарковали машину возле площади и пошли пешком до рынка.

– У этого человека есть рыночный прилавок, где он продает лекарственные травы, – сказал Карлос. -Я думаю, что он в этом проходе, если я не ошибаюсь.

Мы прошли через ряды продавцов фруктов и прилавков с птицей. Куры висели вверх лапами с отрубленными головами, а кровь капала в кастрюлю внизу. Мне стало плохо. Сразу после завтрака это было неприятное зрелище.

Это было больше, чем стенд; это была почти маленькая консультативная комната, отгороженная фанерой и занавесками. На занавеске висела табличка: «Доктор вышел.»

– Целитель скоро вернется, – сказал худощавый, изможденный молодой человек, который был помощником целителя.

Он провел нас за занавеску и попросил меня сесть на ящик. Теплый ветерок проникал через отверстие в ткани, делая комнату без окон еще более душной. Цементный пол был чистым, стоял алтарь с увядшими цветами, статуей Богородицы и несколькими оплывшими свечами. Единственным громоздким предметом в комнате, не считая ящиков и стула, был сундук. На стене висели засушенные травы, перевязанные красной нитью. Я не узнала ни одного растения, кроме ангелики, которую я искала в русле реки с Доном Хуаном. Рядом с засушенными травами стояли гранитная ступка и пестик для измельчения лекарств в порошок. Вдоль стен рядами выстроились аккуратно подписанные банки с различными порошкообразными травами, корнями и листьями.

Я изменил свою позицию на ящике с пепси-колой., который служил стулом, вернее, я наклонилась вперед, чтобы посмотреть на мерцающее пламя свечей, которые служитель зажег в алтаре. Мои ноги безумно чесались, и это всё что я могла сделать, чтобы не чесать их. Карлос купил мне пару белых хлопчатобумажных варежек, чтобы я не травмировала ноги, если их чесала. Я вынула варежки из кармана и надела их на случай, если у меня случится приступ зуда, который я не смогу контролировать. Они выглядели как белые кошачьи лапки.

– Пойду, постараюсь найти целителя, – сказал Карлос.

Я настояла на том, чтобы он остался со мной и не уходил, как он это сделал в доме доньи Каталины. Пока мы обсуждали это, занавеска открылась, и во внутреннюю комнату вошла сутулая женщина, опирающаяся на кривую трость. Ходить с тростью – это всё, что она могла. Помощник тепло приветствовал ее и помог ей сесть на единственный стул, который Карлос тут же освободил.

– Она целительница? – встревоженно спросила я Карлоса.

Карлос покачал головой.

– Я так не думаю. Должно быть, она одна из его пациенток.

Но ассистент представил ее нам как жену целителя. Она с энтузиазмом расхваливала способности своего мужа, рассказав, как он вылечил плечо ее сына, которое было вывихнуто при рытье оросительной канавы.

– Почему он не исцелит ее? – прошептала я Карлосу. – Кажется, она едва двигается.

Старуха причмокнула и неодобрительно оглядела меня с ног до головы. Я чувствовал, что она явно не любит американцев с их мягкими манерами. Я не собиралась никого злить после случая с доньей Каталиной, поэтому сказала «buenos Dias» и улыбнулась так любезно, как только могла.

Она кивнула и сказала «буэнос диас», но не улыбнулась.

– Целитель, должно быть, древний старик, если это его жена, – подумала я.

В этот момент из-за занавески вошел хрупкий мужчина, лет сорока с небольшим. Он был слишком высоким для мексиканца, худощавый, стройный и источал вокруг себя огромную жизненную силу. У него была красиво подстриженная острая бородка, которая делала его похожим на испанского джентльмена, приехавшего со своей гасиенды. И, как и у испанцев, его кожа была светлой. Его глаза были добрыми, а вокруг глаз и рта струились тонкие морщинки, придававшие ему озорной вид. Он был одет в темно-серые брюки и белую рубашку наподобие туники с вышивкой спереди, которая при небольшом воображении могла сойти за халат доктора.

Карлос, целитель, дон Висенте и его помощник какое-то время дружелюбно болтали по-испански, а его жена, которая больше походила на его мать или даже на бабушку, молча наблюдала за ними. Затем целитель церемонно поклонился и официально попросил у нас разрешения начать практиковать свое искусство исцеления. Он был таким джентльменом, что я инстинктивно доверяла ему. Ранее, когда его жена рассказывала нам о его мастерстве, его помощник рассказал нам, что он может диагностировать болезнь, оценивая цвет и форму энергии человека, окружающей его тело.

Я бы спрятала все плохое, если бы могла, в том числе и чужеземных светящихся червей, но как можно скрыть то, что и так невидимо? У знахаря затуманились глаза, и он выглядел немного вялым, и казалось, что он смотрит прямо сквозь меня, так что спрятаться было негде. Мне не нравилось, как он в смятении качал головой. После неловкой паузы он широко раскрыл глаза и, нахмурившись, что-то прошептал Карлосу по-испански.

– Он думает, что это колдовство, – сказал Карлос.

Колдовство! Я знала это. Но он еще даже не взглянул на мои укусы. Я начала закатывать штанины. Целитель посмотрел на мои красные и опухшие ноги и кивнул, повторяя то, что он сказал ранее: «Колдовство».

– Теперь он уверен, что это колдовство, – сказал Карлос.

Старуха в углу кивнула в знак согласия.

– Но разве колдовство не должно совершаться врагом? Спросила я. У меня нет врагов в Мексике, за исключением, может быть, Каталины, но укусы у меня были еще до того, как я с ней столкнулась. Так что я знаю, что не она их вызвала.

– Он думает, что ревнивая женщина наложила на тебя проклятие, – сказал Карлос.

– Я не знаю никаких ревнивых женщин, – сказала я, – кроме себя самой.

Дон Висенте внимательно осмотрел укусы, затем взял две белые свечи и провел ими вверх и вниз по моим икрам. Он периодически встряхивал свечи в воздухе, словно стряхивая с себя яд, который свечи притянули к ним. Затем он достал из святилища флягу с желтоватой жидкостью, которая, по его словам, была святой водой, и окропил ею мои ноги. Я съежилась, как будто я была самим сатаной, потому что вспомнила рассказ Клары о том, как она мочилась в источники святой воды в церкви. Я была уверена, что это была собственная моча лекаря.

Затем помощник достал из верхней части сундука погремушку с длинной ручкой и отдал ее знахарю, который энергично потряс ею вокруг моего тела. Закрыв глаза, дон Висенте монотонно напевал себе под нос, встряхивая погремушку, словно отгоняя злых духов. Звук погремушки заставил меня вспомнить девушку, которую я видел в магазине яки в тот день, когда мы купили шляпы и маски Пасколы. Я снова увидела презрительный взгляд, который девушка бросила на меня, когда я сидела на переднем сиденье машины, но я уже был укушена, как она могла это сделать? Я думала о возможных болезнях, вызванных дурным глазом, когда дон Висенте прервал мои мысли.

– Кто-то хочет, чтобы ты как можно больше страдала, – сказал он. – Возможно, он не вызвал сами укусы, но он определенно мешает им заживать.

Я задавалась вопросом, верен ли зловещий диагноз дона Висенте? Я слышала о колдовстве на курсах антропологии, но всегда думала, что проклятия и сглаз – это понятия, которые примитивные люди использовали для объяснения причинно-следственного мира, потому что им не хватало рациональности или логического мышления. Могут ли чьи-то плохие чувства действительно повлиять на другого человека физически? После знакомства с Каталиной я была в этом уверена.

Я спохватилась. Было слишком легко обвинять других в собственной небрежности или несчастье. Действительно ли мой дискомфорт был чем-то, чего желала мне ревнивая женщина, или это было что-то, что я сама навлекла на себя? Видеть причинно-следственную связь на сверхъестественном плане, которую нельзя было опровергнуть, казалось мне легким способом объяснить что-либо. Я решила, что блохи меня укусили просто потому, что мои ноги были там и обнажены. Тем не менее, чем больше я думала о других людях, сидящих в той же комнате, некоторые из которых были в юбках с непокрытыми ногами, я понимала, что ни один из них не был укушен. Они подвергались воздействию одного и того же земляного пола, одних и тех же блох; И действительно, блохи обрушились на меня с особенной силой.

– Что мне теперь с этим делать? – обеспокоенно спросила я. Я надеялась, что мне не придется убивать курицу, пить кровь козла или что-то в этом роде.

Дон Висенте отложил погремушку и порылся в своем сундуке. Он достал амулет на веревочке, сделанной из небольшого семени, странно похожего на глаз. Он сказал, что мне нужно носить его на шее девять дней, тогда отек и зуд исчезнут. Амулет, называемый «глаз оленя», нейтрализует силу яда, посланного злым колдуном, с которым, по его словам, я вступила в контакт. Целитель также подарил мне карточку Святого Георгия, убивающего дракона, которую я должна была положить под подушку, когда ложусь спать.

Я сунула карточку в карман и опустила штанины. Я решила в точности следовать инструкциям Дона Висенте, хотя и знала, что убийца драконов не был настоящим святым; потому что согласно католической церкви, Святой Георгий никогда официально не существовал, и драконов тоже не было. Я поняла, что суеверие в одной культуре стало реальностью в другой. Кроме того, я знала о сверхъестественном мире и его возможностях. Я оказалась в ловушке обычной жизни, без надежды на побег, если только не случится что-нибудь серьезное.

Мы покинули занавешенную часть комнатки, которая была убежищем от мира и вступили в суету рынка. Дон Висенте наедине дружески обратился к Карлосу. Время от времени он смотрел на меня и смеялся. Мне было интересно, рассказывал ли он ему больше о сглазе и о том, что с ним делать.

Его жена последовала за нами через занавеску и медленно уходила, останавливаясь, чтобы заглянуть в несколько киосков. Тогда я заметила нечто странное. Она больше не сутулилась, потеряла хромоту и бросила трость. С того места, где я стояла, она казалась молодой женщиной с изысканно прямой спиной. Я хотела проследить за ней по рынку, чтобы посмотреть, что она задумала и как совершила свою замечательную метаморфозу, но Карлос подошел ко мне и сказал, что пора идти. Я поблагодарила дона Висенте, и мы ушли.

– Что тебе сказал целитель? — спросила я, когда мы остановились, чтобы купить короткие коренастые бананы в ларьке возле главного рынка. Карлос на мгновение поколебался, а затем сказал:

– Дон Висенте думает, что ты немного сумасшедшая, и именно поэтому ты так восприимчива к колдовству.

– Что заставляет его так думать? – спросила я.

– Он, согласно его Видению, убежден, что твое энергетическое поле неустойчиво. Что-то внутри тебя постоянно скачет.

– Как он мог это узнать?

– Он Видел это в твоих глазах.

Карлос посмотрел мне в глаза, словно хотел увидеть там тоже, что и дон Висенте.

– Ещё он сказал, что если ты в ближайшее время не примешь меры и не избавишься от своего индульгирования, то твое здоровье пострадает. Тогда вылечить тебя уже будет сложно.

– Что ж, если это про необходимость внутреннего равновесия, – сказала я, – то я – потерянный случай. Я только что видела, как его жена ушла, не хромая; и ее спина была полностью прямой. Она даже не использовала трость.

– Что?

– Я имею в виду его жену, когда она шла по проходу между ларьками, она не хромала. И она совсем не горбилась.

– Я думаю, ты начинаешь видеть вещи, – сказал Карлос с нервным смехом. – Либо так, либо дон Висенте прав. Кто-то тебя околдовал.

Глава 20: Гвадалахара

Карлос поехал на юг по Панамериканскому шоссе. Он неотрывно следил за дорогой, не теряя концентрацию во время долгих часов за рулем. Я предложила подменить его, но он отказался, сказав, что это слишком опасно для неопытного водителя, двигаться по кривым мексиканских дорог, а нам нужно добраться до большого города настолько быстро, насколько позволяет безопасность.

Пока мы ехали, у меня было ощущение, что кто-то или что-то движется за нами, словно плывет со стороны пассажира. Это чувство заставило меня так встревожиться, что мне пришлось изо всех сил стараться держать глаза открытыми. Я продолжала погружаться в легкий сон и снова оказалась в пустыне Сонора, паря над чапаралем. Я видела ряды огромных кактусов агавы и гроздья высоких сагуаро, а также длинные коричневые ряды оросительных канав. Я знала, что что-то не так; Я чувствовала себя испаренной, как будто у меня не было никакой субстанции, или что большая часть меня была где-то в другом месте.

Когда я проснулась, я был дезориентирована. Я не могла думать и с трудом могла сформулировать внятный ответ на вопросы Карлоса. Он расспрашивал меня об учебе, о том, какие курсы я планирую пройти осенью. Этот мир был настолько далек, что я не могла вспомнить ни названия курсов, ни имена профессоров, ни людей, с которыми я общалась в университете. Я спотыкалась на своих словах, как будто я была пьяна или у меня были проблемы с речью.

— Ты говоришь как моя турецкая бабушка, — сказал Карлос. «Она всегда путала свои «Р» и «Б» и искажала слова. Раньше мне было стыдно за нее, потому что я думал, что у нее сильный акцент, но позже я понял, что у нее афазия.

– Ну, у меня нет афазии, – сказал я раздраженно. – Я просто не могу сосредоточить свои мысли.

Карлос свернул на обочину дороги, остановил машину и осмотрел мои зрачки. Он пришел к выводу, что Ла Каталина схватила меня и не желает отпускать.

– Что она хочет от меня? – спросила я, стуча зубами от внутреннего озноба.

– Твой внезапный визит и подозрительное поведение были интерпретированы как попытка лишить ее силы, – сказал Карлос. – Она действовала единственным известным ей способом, защищаясь от необъяснимой силы.

Карлос повторил, что мы должны увеличить дистанцию между нами, причем быстро, так как мы обидели Ла Каталину, не объяснив, кто мы такие и почему пришли к ней.

– Зачем ей причинять нам боль, если она входит в группу магов дона Хуана?– спросила я.

– Дело не в том, чего хочет Ла Каталина, – объяснил Карлос. – Но как только определенные силы приводятся в движение, она ничего не может сделать, чтобы остановить их. Это похоже на перепросмотр. Как только твое намерение и дыхание отправлены, они способны смести всё на своем пути.

– Как ты думаешь, она может отомстить против своей воли?

Карлос снова завел машину.

– Невозможно узнать, на что она способна, – сказал он. – Поэтому мы должны продолжить наш путь и собрать нашу силу.

Когда я спросил Карлоса, как далеко мы убегаем на юг, он сказал, что мы будем ехать до тех пор, пока у нас не закончится сила или пока что-то не скажет нам остановиться.

У меня было грызущее подозрение, что у меня уже закончились силы. Со времени собрания в доме в Соноре, где блохи напали на меня, до встречи с Ла Каталиной, все обернулось не очень хорошо, я рационализировала эти злополучные исходы, потому что не была должным образом подготовлена к тому, кто эти люди и чего мне следует ожидать. Если бы я была лучше информирована, я бы справилась со встречами более деликатно. Но в то же время я знала, что в мире магов испытание воина всегда проходит под маскировкой, чтобы проверить, может ли человек действовать безупречно, без предупреждения или подготовки, а просто из внутреннего убеждения.

Когда мы добрались до Гвадалахары, был уже поздний вечер. Карлос припарковал машину возле отеля de Mendoza, недалеко от длинной площади Тапатия, похожей на парк. Мы вышли и пошли к месту, где была беседка, установленная на возвышении со ступенями, ведущими к ней, которые служили сценой. Собрался оркестр; Музыканты, казалось, готовились играть, потому что разогревали свои скрипки и трубы. Собралась большая толпа, чтобы послушать концерт и прогуляться по дорожкам парка.

Массивные здания в колониальном стиле окружали парк. На западе находился театр Деголладо, дом Филармонического оркестра Халиско. Дальше виднелись части правительственного дворца. Улицы отклонялись в разные стороны от центральной площади. Слева от меня было огромное здание с резными деревянными дверями, ведущими на ряд ступеней. Это было похоже на какое-то правительственное здание со статуей человека, едущего верхом на лошади перед фонтаном. Карлос хотел направиться к статуе.

– Мы можем остаться и послушать концерт? – спросила я.

Карлос кивнул. Мы поискали скамейку, на которой можно было бы посидеть и послушать музыку, но все они были заняты семьями и молодыми парами. Я поняла, что мы не в лучшем месте, чтобы слушать оркестр. Здесь было полно стариков с тростями, бабушек, ухаживающих за шумными детьми, и молодых женщин, которые проходили мимо горящих взглядов молодых людей.

Дорожки также были переполнены продавцами, продающими воздушные шары, искусственные цветы и вертушки. Другие киоски и тележки продавали сахарную вату, фрукты, мороженое и всевозможные товары, в том числе канареек в маленьких клетках. Мы постояли некоторое время, ожидая начала игры оркестра. Вдалеке виднелись башни-близнецы собора. Это была поразительная смесь византийского, готического и арабского стилей. Карлос сказал, что 200-футовые башни были возведены в 1848 году, после того, как землетрясение разрушило первоначальные конструкции. Башни были красиво украшены желтой и голубой плиткой, которая блестела в лучах полуденного солнца.

Напротив, по ту сторону парка, с восточной стороны, по моему компасу, стояли трехэтажные дома с решетками на окнах. Горшки с цветущей геранью и другими растениями украшали балконы второго этажа, на которые открывались красивые французские двери.

Мое внимание особенно привлек один дом. Жалюзи недавно были выкрашены в синий цвет. Казалось, что каждый камень источает жизненную силу. По сравнению с ним другие дома казались серыми и старыми.

– Оркестр вот-вот начнет играть, – сказал Карлос, взяв меня за руку. – Должны ли мы пройтись по площади, чтобы найти лучшее место?

Мы начали прогуливаться, но мне становилось все более и более неловко, у меня было тревожное ощущение, что за мной следят или что кто-то, кого я не вижу, наблюдает за мной. Я стала застенчивой, раздражительной, потому что знала, кто бы это ни был, изучал меня на глубинном уровне. Я почти забыла о Каталине в суматохе парка, но это было что-то другое, не имеющее ничего общего с репрессиями Каталины.

Я посмотрела на людей, сидящих или стоящих на скамейках чтобы лучше видеть музыкантов, но я никого не узнала. Я видела детей с матерями, подростков на свиданиях, пожилую женщину и джентльмена. Затем появилась сильная и привлекательная женщина средних лет, несущая сетчатую сумку, полную посылок, я не увидела ничего необычного.

Группа заиграла. Они звучали фальшиво. Они сыграли Венский вальс Штрауса, который был одним из любимых произведений моей матери. Она играла его на пианино раз за разом, так что он навсегда остался в моей памяти. Я размышляла о том, как его следует сыграть, но в это время к Карлосу подошел мужчина и завел с ним разговор. Сначала я не обращала на это внимания, потому что была поглощена поиском недостатков в исполнении музыкантов. Но когда я обернулась и увидела знакомое лицо, почти полностью скрытое шляпой, мой рот открылся.

– Эмилито, – крикнула я. – Что ты здесь делаешь? Это правда ты?

Некоторое время мы стояли, глядя друг на друга. Мои глаза наполнились слезами, потому что я думала, что больше никогда его не увижу.

– Как всегда, индульгируешь, – сказал он и дьявольски подмигнул.– Ты практиковала то, чему я тебя учил?

– Нет, – призналась я, – но я хожу в университет, как ты рекомендовал.

Эмилито кивнул. Он что-то прошептал Карлосу, который внезапно извинился, сказав, что у него есть какое-то дело, но он присоединится к нам позже. Я была так счастлива видеть Эмилито, что едва слышала, что говорил Карлос. Я двинулась вслед за ним, но Эмилито остановил меня, схватив за руку.

– Отпусти его, дорогая. Тебе не нравится моя компания? Он выглядел раздраженным, как ребенок, которого вот-вот бросят.

Он подтолкнул меня в противоположном направлении к другой скамейке, находившейся на некотором расстоянии от оркестра. Я обернулась, чтобы посмотреть, смогу ли я увидеть Карлоса, чтобы попросить его не оставлять меня одну в незнакомом городе, но он уже исчез в толпе.

– Ты увидишь его позже, – заверил меня Эмилито. – А как насчет твоей практики преследования с двойником?

– Что ты имеешь в виду?

– Преследование двойника, – повторил он, раздраженно щелкнув языком. – Ты практиковала это?

Я не знала, что сказать. Я попыталась вспомнить, чему он меня учил на этот счет, но мой разум был полностью дезориентирован. Я посмотрела в его большие как у лемура глаза и заметила в них разочарование. Я хотела сказать, что поняла, что он имел в виду, и что я усердно тренировалась каждый день, но это было бы нечестно, поэтому я сказала: «Честно говоря, я не знаю, преследовала ли я двойника».

Он посоветовал мне лечь на скамейку, закрыть глаза и попытаться вспомнить, чему он меня учил по этому поводу.

– Ты помнишь, как находить вещи, как делать вещи, как перемещать предметы силой, происходящей из внутренней тишины и за ее пределами? – продолжал он.

Я закрыла глаза и попыталась успокоить прерывистое дыхание. Затем, когда я впала в расслабленное состояние, я вспомнила кое-что, что Эмилито сказал много лет назад, когда я жила на деревьях под его опекой.

Я жаловалась, что согласно нашему соглашению, я не могу покинуть домик на дереве и, следовательно, не могу практиковать боевые искусства, которым меня научила Клара. Для этого мне нужно было много места и желательно деревянный пол.

– Практикуй боевые искусства со своим двойником, – рекомендовал Эмилито. – В любом случае это лучшая практика.

– Как мне практиковать боевые искусства со своим двойником, если я даже не могу выйти из дома на дереве? – спросила я.

Эмилито засмеялся и, к моему удивлению, выполнил серию самых элегантных и невозможных телодвижений, которые я когда-либо видела. Прямо под домиком на дереве Эмилито кувыркался задом наперед, а затем вбок по кругу, вращая свое тело в горизонтальной плоскости, как фрисби, и я знала, что он не использует шкивы, веревки или сверхбыструю пленку, чтобы ускорить свои движения, как это делается в фильмах о боевых искусствах, чтобы создать впечатление актеров, бросающих вызов гравитации. Наблюдать за великолепными движениями Эмилито из домика на дереве было сплошным наслаждением. — Почему он не научил меня раньше? Я сокрушалась. Теперь, когда я не могла оторваться от деревьев, было уже слишком поздно учиться кружиться в воздухе.

– Практикуй эти движения со своим двойником, – повторил он и снова показал мне движение бокового поворота.

– Но как мне практиковать его, не падая с дерева? – спросила я.

– Используй свое воображение и придай ему намерение, – сказал он. – НАМЕРЕНИЕ! НАМЕРЕНИЕ! НАМЕРЕНИЕ! – кричал он с пронзительным птичьим карканьем, направляясь к дому.

В ту же ночь и каждую последующую ночь в течение нескольких недель, прежде чем заснуть, я визуализировала движения, которые показал Эмилито. Я видела, как делаю их снова и снова, пока не обнаружила, что делаю их во сне. После некоторой практики мое тело сновидений могло двигаться так, как я хотела. Я обнаружила, что могу делать самые сложные сальто и прогибы назад, я могу прыгать с земли в домик на дереве и обратно вниз одним прыжком, используя не шкивы и веревки, а энергию моего живота, и я могла делать то, что я всегда хотела, но никогда не могла сделать со своим бодрствующим телом, неважно, как сильно я тянулась - коснуться подбородком пальцев ног. После этого Эмилито регулярно показывал мне движения, которые я затем практиковала, сначала визуализируя их, а затем повторяя их снова и снова, пока не могла выполнять их в своем сновидении.

Я открыла глаза и рассказала Эмилито то, что вспомнила: что, пока я была в доме на дереве, я практиковала длинные последовательности движений, комбинируя методы борьбы с гравитацией, которые он мне показывал в новых вариантах, так что каждую ночь я могла сновидеть их, выполняя комбинации этих движений.

– Это преследование двойника, — удовлетворенно сказал Эмилито. Это значит отправить двойника в качестве разведчика, чтобы навести порядок. Затем будет уже легко выполнить само действие, потому что энергия уже использована для достижения определенного эффекта. Остальное следует само собой.

Я поняла, что, несмотря на мой разум, именно так я делала практически все, начиная от практики движений в боевых искусствах и заканчивая написанием курсовой работы или докладом на занятиях, дизайн платья, сочинение стихотворения или приготовление тушеного мяса. Следуя образцу, которому я научилась под руководством Эмилито, я всегда устанавливала форму ночью, в тихом спокойном состоянии. Я закладывала фундамент и представляла, как я прохожу через все движения, чтобы сделать что-то конкретное.

Например, если я собиралась сшить платье, я выполняла все шаги в том порядке, в котором мне нужно было их сделать. Я видела, как выбираю подходящий материал, складываю его, разрезаю, беру кусочки в правильном порядке и сшиваю их вместе. Я видела, какой вариант лучше, и при необходимости вносила изменения, повторив последовательность в другом порядке. Голос подсказывал мне как решить задачу наиболее эффективным и экономичным способом, когда что я почувствую подходящий момент и позволю этой деятельности развернуться до конца. Как будто дело уже сделано, а я просто агент, молча выполняющий действия для его выполнения.

То же самое произойдет, если мне придется делать доклад на одном из моих занятий. Я представляла, как пишу статью, находясь в легком сне. Вернее, я бы заглушила свой разум, и что-то изолировало бы тему и подсказало бы мне, как ее организовать наиболее точно и понятно. Когда она была устроена, я записывала ее на бумаге точно так же, как я написала ее в своем теле сновидения. Я поняла, что годы перепросмотра позволили мне визуализировать в деталях целые сцены и длинные эпизоды без каких-либо затруднений. Что-то подсказывало мне, что говорить или делать, и я видела и слышала, что говорю и делаю это. Затем, когда пришло время выступить с докладом или выполнить какое-либо задание, я продолжала действовать так, как будто оно уже было завершено.

– Преследование с двойником полезно, когда ты ходишь в школу, – сказал Эмилито после того, как объяснила ему свои действия. – Он обходит мысли и направляется непосредственно к источнику энергии, который позволяет нам действовать более эффективно.

– Думаю, я использую намерение, – сказала я. – Если мне нужно что-то найти, например, конкретную блузку, подходящую к юбке, я говорю вслух: «мне нужна блузка» или «найду себе идеальную блузку», и Сила, заставляет меня найти ее в какой-то момент по ходу событий. Мне не нужно ничего делать, чтобы самой этого добиваться.

Эмилито сказал, что это и было искусство преследования: добраться до цели, когда человек вроде бы ничего не делает, но позволяет силе Намерения изменить реальность так тонко, что те элементы, которые были задуманы, проявляются как элементы в повседневной жизни. Это гармоничный процесс изменения восприятия силой намерения настолько загадочный и тонкий, что кажется, будто оно возникает из ниоткуда. Эмилито подчеркнул, что эта сила действует только в том случае, если человек безупречен в повседневной жизни и не привязан к вещам. Чувства отчаяния, цепляния, жадности или нужды будут препятствовать свободному потоку энергии, необходимой для ответа Намерения на безмолвные команды.

– Ты, должно быть, не такая небезупречная , – сказал Эмилито, – если умеешь преследовать двойника, используя силу намерения. Или, может быть, ты очень важна для кого-то и он одалживает тебе свою Силу.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я. – Кто одолжит мне свою силу? Нелида?

– Я не говорю о Нелиде, – сказал Эмилито. – Она заботится о том, чтобы ты не отклонилась с Пути, а тут нечто другое.

Он пару раз понюхал воздух, словно пытаясь что-то определить. На самом деле, он принюхивался во всех направлениях, как будто чувствовал запах чего-то неосязаемого

– Что ты делаешь, Эмилито? – спросила я. – Я забыла утром воспользоваться дезодорантом?

– Мне нет дела до этого. – сказал он. – Я заинтересован в том, чтобы определить, кто дает тебе свою силу – возможно, это мистер Абеляр, нагваль Хуан Матус или новый нагваль Карлос.

– Хуан Матус – твой учитель, верно. – сказал Эмилито. – Но он довольно скуп на свою Силу. Хрен бы он тебе ее одолжил. А Карлос отвечает за то, чтобы вывести тебя к Свободе. Но это пахнет чем-то другим. Как будто кто-то сделал тебе подарок, а ты этого даже не знаешь.

Внезапно я испугалась, почувствовав что-то непередаваемое. Словно темная волна пришла из самой сердцевины тьмы.

– Кто-то учил тебя чему-то по ночам, – изрек Эмилито, словно оракул. – И я знаю, кто это может быть.

– Кто, Эмилито? Скажи мне.

— Не мне разглашать подробности, — сказал он. — Если твой истинный благодетель хочет раскрыть себя, то так тому и быть. Если нет, пусть это останется в секрете.

При простом упоминании слова «секрет» меня охватил озноб. Все мое тело сотрясалось до мозга костей. Я испытала то, что дон Хуан назвал дрожью воина. Он сказал, что это происходит, когда Сила движет эфирное тело напрямую и с такой энергией, что затем это воспринимается физическим телом.

– Разве ты не можешь сказать мне, кого ты имеешь в виду, Эмилито? Я теперь боюсь спать по ночам.

– И ты должна. – серьезно сказал он. – Кто-то показал тебе, как манипулировать Намерением. Но не только с верхушек деревьев, но и с самых глубоких уровней за пределами.

– Так почему же я не помню или даже не знаю, о чем ты говоришь? – спросила я. – И почему я всё ещё такая засранка?

— Потому что этот кто-то учит твоего двойника напрямую. Очень хитрый. Он должно быть приходит, пока ты спишь глубоким сном. Вот почему ты не помнишь, и именно поэтому ты можешь позволить себе так индульгировать. Если бы у тебя было немного больше энергии, ты бы была в курсе, и знала, о ком я говорю, потому что твой двойник близко знает его.

— Его? Это он?

Я все еще думала, что это может быть Нелида, но всякий раз, когда она появляется в моих снах, я обычно чувствую ее присутствие. В ней нет ничего скрытного. Напротив, она открыта и беззаботна, почти равнодушна. Эта другая сила звучала слишком зловеще. Мне не нравилась мысль о том, что кто-то или что-то манипулирует моей энергией во сне, и особенно мужская фигура.

— Зловещий — это правда! — сказал Эмилито с такой преувеличенной дрожью воина, что его тело вибрировало с головы до ног. Это было так комично, что я рассмеялась от волнения. — Настоящая загадка заключается в том, почему он так заинтересован в таких, как ты?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — сказала я. Я никому не интересна. В этом и проблема. На самом деле я несущественный кусок дерьма, который все упускают из виду.

Я произнесла это со всей жалостью к себе, на которую только была способна, потому что чувствовала, что Эмилито, Нелида, Клара и Дон Хуан бросили меня.

— Ну, ну, житель дерева, давай оставим это дерьмо жалости к себе, — сказал Эмилито, чуть не столкнул меня со скамейки. Никто тебя не бросил. У тебя есть свой путь, и он не здесь, с нами. Чему бы мы тебя ни учили, относится к твоему телу сновидений или к двойнику, и для этого тебе не обязательно быть в Мексике.

– Почему нет?

– Глупый вопрос, – сказал Эмилито. – Ты прекрасно знаешь, тело сновидения не ограничено пространством и временем. Мы можем встретиться где угодно и в любое время, даже в городе ангелов.

То, как он это сказал, сделало Лос-Анджелес совершенно очаровательным.

— Я знаю это, Эмилито. Я имела в виду, почему вы должны учить двойника? Почему ты не можешь просто научить мое физическое тело напрямую, как ты это делал раньше? Почему я не могу остаться здесь, в Гвадалахаре, с тобой?

Эмилито с выражением насмешливого ужаса посмотрел на меня.

– Что у тебя на уме? – сказал он, отодвигаясь к своей стороне скамейки. – А с чего ты взяла, что я когда-либо учил твое физическое тело? Ты знаешь что-то, чего не знаю я?

– Нет, я не это имела в виду. Я знаю, что ты выше всего этого мусора про мужчин и женщин и я тоже. Мне просто не нравится быть одной в Лос-Анджелесе вдали от всех вас.

– Ты не сама по себе, теперь, когда ты нашла Карлоса, молодого нагваля, – сказал Эмилито. – Он позаботится о тебе. А остальные всегда знают о твоем присутствии.

– Ты имеешь в виду, что вы видите меня?

– Конечно, мы видим твое энергетическое тело и знаем твои сокровенные мысли. – Он приподнял бровь и покачал головой. – Так что тебе лучше продолжать перепросмотр. Чем сильнее становится твое намерение, тем чище ты должна быть.

Я рассказала Эмилито о том, что меня беспокоило. Когда я ходила в школу, я подрабатывала машинисткой, и каждый раз, когда я ставила машину, идя на работу, на углу меня ждал молодой человек, слегка отсталый и, возможно, бездомный, и спрашивал, может ли он помыть мои стекла за какие-нибудь деньги. Какое-то время я просто позволяла ему чистить их и давала ему взамен несколько долларов, но поскольку я ездил туда четыре или пять раз в неделю, мне не нужно было каждый раз мыть стекла, поэтому я говорила: «Нет, спасибо». Иногда мне становилось его жалко, и я все равно давала ему немного денег. Особенно после того, как он сказал мне, что должен быть осторожен с тем, что он ест, потому что он страдает язвой желудка.

Мысль о том, что у него кровоточащие язвы, как у моего старшего брата в подростковом возрасте, делала ситуацию еще более острой. Я хотела отдать ему все деньги, которые у меня были, но в то же время мой студенческий бюджет был ограничен, и мне приходилось следить за тем, сколько я трачу, и я не хотела мыть свои окна, и я не знала что делать. Дошло до того, что я боялась ехать на свою рабочую стоянку, так как не хотела видеть этого человека.

Избегая встречи с ним, я даже припарковалась ниже по улице, но он все равно нашел меня по дороге назад. Он говорил: «Ты мой друг» таким приятным тоном, и я чувствовала себя крысой, если не давала ему денег, за что потом злилась на себя. Я так расстроилась из-за этого распорядка и чувствовала себя настолько виноватой, что однажды, когда он скрылся из виду, я остановилась и сказала вслух: «Хватит, я больше никогда не хочу видеть этого человека!».

На следующий день, к моему облегчению, его не оказалось на углу. Но я не придала этому значения, ожидая увидеть его там на следующий день. Но его снова там не было. Я думала, что он в отпуске, хотя не могла понять, где и как. Через неделю его отсутствия я испугалась и подумала, что возможно, он заболел и от этого почувствовала себя вдвойне виноватой. Прошло время, но молодой человек так и не вернулся. Фактически, я больше никогда его не видела.

Когда я закончила свой рассказ, Эмилито покачал головой.

– Теперь я уверен: кто-то учил тебя преследованию двойника. Эти вещи просто так не происходят.

– Как ты думаешь, что случилось с этим человеком, Эмилито? – встревоженно спросила я. - Почему он не вернулся?

– Неважно, что с ним случилось, – сказал Эмилито. – Он мог уйти в отпуск так, как тебе и хотелось бы верить. А может, его сбила машина при мытье лобового стекла. Или, может быть, он переехал на другой угол, где дела шли лучше. А может, он умер от язвы или недоедания. Проблема не в том, что с ним случилось.

– Что ты сказал? – переспросила я. – В чем же проблема?

– Тот факт, что ты больше никогда его не видела, означает, что ты способна изменить поток Намерения. Выражая свое желание, ты что-то изменила. Твое Намерение убрало этого молодого человека с того угла. Как и куда он был перемещен, значения не имеет.

– Я не хотела причинять ему вред, – возразила я. – Я просто не хотела, чтобы он меня беспокоил. Ты сам сказал, что сталкер никогда не должен подчиняться рутине. А давать ему деньги каждый раз, когда он меня видел, стало обычным делом.

– Это именно то, о чем я говорю. Ты смогла прервать рутину, изменив ход Намерения. Это и есть «преследование с двойником». И кто-то учил тебя, как это делать.

– Вряд ли это имеет ко мне отношение, – сказала я. – Это могло быть совпадение. Вероятно, он просто перешел в другое место.

– Называй это совпадением, колдовством, магией или как хочешь, – сказал Эмилито. – Дело в том, что ты больше никогда не видела этого молодого человека. Плевать, по какой причине или как ты это хочешь объяснить. И твое беспокойство говорит о твоей причастности к этому, знаешь ты об этом или нет.

– Как ты думаешь, кто меня этому учит? – всё ещё недоверчиво спросила я.

– Я уже сказал тебе, что не мне это говорить, – ответил он. – Но есть еще один секрет, который я могу тебе открыть, если ты пойдешь со мной.

– Я лучше подожду, пока вернется Карлос, если ты не против, – сказала я, испугавшись того, о чем Эмилито собирается мне рассказать.

Оркестр давно перестал играть. Эмилито вскочил со скамейки и сказал, что мы не можем дожидаться возвращения Карлоса. Темнело, и он хотел отвести меня на встречу со своим другом, который жил в соседнем доме. Он указал на запад и сказал, что если мы вытянем шеи, то сможем увидеть дом с того места, где стоим. Я смогла увидеть угол деревянного балкона, был виден лишь небольшой кусочек перил, а всё остальное закрывали соседние постройки. К моему удивлению, он указал на тот самый дом за углом; дом с балконом и цветами, который мне так понравился, когда я добралась до площади.

– Кто там живет? – спросила я. – И ты уверен, что Карлос будет ждать нас там?

– Прекрасная леди, – сказал Эмилито. – Я абсолютно уверен, что Карлос будет там. Но будет ли он нас ждать? Я очень в этом сомневаюсь. Он, наверное, слишком наслаждается.

Эмилито сказал это с волчьим подмигиванием, подразумевающим всевозможные дьявольские вещи. Я испытала прилив ревности, который был слишком очевиден, чтобы скрыть его. Эмилито покачал головой, осознавая, что попал в моё больное место. По его смеху я поняла, что с треском провалила его испытание на звание «независимой женщины», на которое претендовала.

Мы молча шли к дому. Он шел очень уверенно и быстро и мне приходилось прилагать все силы, чтобы не отстать от него и не затеряться в толпе в незнакомом месте. По дороге он поведал, что хочет показать мне нечто, предназначенное только для глаз двойника или тела сновидения, и нам нужно спешить, так как сумерки – это лучшее время, чтобы увидеть такое зрелище.

Глава 21: Преследование с двойником

Дом, в который меня отвел Эмилито был самым красивым домом в колониальном стиле из всех, что я видела, кроме дома Клары, конечно. Снаружи у него был простой фасад с решетками на окнах и несколькими балконами на втором этаже, выходящими на улицу. Балкон, которым я любовалась с площади, был заставлен горшками с геранью и сочными зелеными папоротниками. Живущий здесь любит растения, – такое ощущение возникло у меня когда мы прошли через огромную дверь с двенадцатью панелями. Во внутреннем дворике было прохладно и темно. Это напомнило мне монастырь из другого времени.

Здесь были колонны и арки с рядами каменных переходов. Высокие клумбы обрамляли небольшой сад с фруктовыми деревьями. Часть высоких стен была покрыта висящей жимолостью и глицинией, растущими на решетках. Прохладные каменные скамейки обрамляли цветы, которые росли в керамических горшках с мраморной бирюзовой глазурью, а в каменном горшке рос огромный кактус агавы.

Сбоку был темный коридор, ведущий в небольшой сад во внутреннем дворе. У стены стояла резная деревянная скамья с высокой спинкой, а прямоугольное ограждение было затенено красивым деревом жакаранда. Сбоку был каменный грот с небольшим водопадом, падающим в маленький бассейн.

Этот дом и территория показались мне самым мирным местом на свете. Время от времени я слышала щебетание птиц, но даже оно были тихими и мягкими, как будто из уважения к святости дома. Мысль о том, что этот оазис спокойствия существует в самом сердце оживленного космополитического города, сама по себе казалась актом силы.

– Сядь на эту скамейку и подожди, пока не придет хозяйка дома, – предложил Эмилито. – Теперь, когда я привел тебя, я пойду.

– Подожди, подожди, Эмилито. Я не знаю хозяйку дома. Не хочешь ли ты остаться и представить меня ей?

– Зачем? Ведь ты её знаешь, – удивленно сказал Эмилито. – Ты встречала ее в Соноре. Ее зовут Зулейка.

Когда он упомянул ее имя, я вспомнил о даме на вечеринке, которая дала мне выпить какао от укусов блох. Она хотела, чтобы я осталась с ней, но я отказалась. Я понятия не имела, что она жила в таком красивом месте.

– Но что мне делать, когда я встречу ее – спросила я.

Эмилито строго посмотрел на меня.

– Когда ты встретишь ее, будь безупречна, – посоветовал он. – Это все, что ты можешь сделать.

Прежде чем я успела спросить его, что означает безупречность в этой ситуации, он вышел через боковую дверь, ведущую из коридора. Я сидела на скамейке, чувствуя себя одинокой, наблюдая за рыбками, играющими в пруду. Гармония этого дома и рябь на воде вскоре вызвали у меня сонливость, но в приятном смысле. Я выдохнула несколько раз, и вместе с моим дыханием, казалось, все мои заботы выплеснулись наружу, пока не осталось ничего, кроме глубокого чувства благополучия. Я закрыла глаза и прислушалась, как вода бежит по маленьким камням, и представила, что вижу крошечных золотых рыбок, которые к этому времени спрятались под какими-то водными растениями.

– Если бы только этот сон ожидания длился вечно, — услышала я женский голос.

Я обернулась и посмотрела в темный коридор, но никого не увидела. Но эти слова в тот момент произвели на меня впечатление, потому что именно это я и чувствовала.

– Верно, дорогая, отдохни, и пусть шум воды унесет тебя, куда захочет.

Голос раздался слева от меня, очень близко. Вздрогнув, я открыла глаза и увидела высокую женщину в черном струящемся кафтане с индийским мотивом вокруг воротника-стойки. Ее каштановые волосы были уложены в красивую, хотя и несколько старомодную прическу. Кожа ее лица была натянута, брови выразительно выгнуты, подведены карандашом. Ее рот был тонким и нежным, а глаза были устремлены на меня так пронзительно, что я поняла, что это Зулейка.

Она могла бы загипнотизировать меня своим взглядом, если бы захотела, подумала я, но почему-то я не возражала. Я доверяла ей; Ибо на глубинном уровне мы были похожи. Потом всплыло осознание того, насколько мы похожи, и это заставило меня почувствовать себя неловко. Мы обе были немного сумасшедшими, и нам пришлось использовать всю нашу энергию, чтобы сделать связную презентацию себя перед лицом полного хаоса.

– Ты не боишься меня, не так ли? – заботливо спросила Зулейка. – Уверяю, я здесь, чтобы помочь тебе.

– Я не боюсь, – сказала я серьезно.

Зулейка была очень далека от мелочности мира, она источала силу и жизненную энергию своим голосом и движениями. За исключением ее горящих глаз, она была воплощением спокойствия и безмятежности.

– Ты останешься со мной на какое-то время, и я научу тебя, как преследовать тело сновидения, – сказала она.

– Но я еще не закончила перепросмотр, – ответила я. – Разве я не должна продолжать его?

– Перепросмотр важен, но и сновидение тоже. Я должна подготовить тебя должным образом сейчас, потому что у нас так мало времени. Затем ты можешь практиковаться самостоятельно. Однако пока ты здесь, ты должна следовать моим инструкциям. Согласна?

У меня не было выбора, кроме как кивнуть головой, потому что она кивала своей.

– Сны и пристальное созерцание идут рука об руку, – начала Зулейка. – Ты это уже поняла, когда наблюдала рябь на поверхности пруда. Теперь позволь звуку воды унести тебя.

Вот как ты начнешь. Ты найдешь в мире что-то сияющее или блестящее и будешь смотреть на него. Затем ты обнаружишь звук, подобный дождю, воде из ручья, даже шуму города. И ты будешь следить за этим звуком. Затем ты перенесешь его в свои сны, созерцая в своих сновидениях или слушая этот звук в твоем сне.

Я знала, что она имела в виду, потому что однажды у меня был каменный тумблер, который издавал ужасный дребезжащий звук. Поскольку я должна была держать его включенным 24 часа в сутки, чтобы камни шлифовались, когда они сталкивались друг с другом в тумблере, я могла слышать этот шум во сне. Я помню, что шум приводил меня туда, куда я не хотела идти. Так что в конце концов мне пришлось выключать машину на ночь.

– Есть упражнения, которые ты можешь делать, чтобы переместить свое сознание на другую сторону, – сказала Зулейка.

– На другую сторону?

– К своему телу сновидения.

Она говорила таким мелодичным, мягким голосом, что я успокаивалась просто слушая её.

– Когда ты спишь, ты должна позволить своему телу сновидений стать осознанным, осознать себя. Ты делаешь это, сначала глядя на свои руки, а затем вставая с кровати, чтобы подвигаться. Или ты можешь найти все, что пожелаешь, например, предмет, на который ты смотришь в течение дня. Или что-то конкретное, что ты желаешь найти. Другими словами, твое тело сновидения должно реагировать на твои команды. Преследовать двойника — значит контролировать свои движения в конкретном стремлении и не тратить всю свою энергию в одном сумасшедшем порыве.

– Как расходуется энергия? – спросила я.

– Постепенно, гармонично. Постарайся продлить свое сновидение как можно дольше, но всегда сохраняй энергию, чтобы ты могла проснуться и не заблудиться в местах, откуда не сможешь вернуться.

– Теперь я покажу тебе некоторые конкретные упражнения, которые ты сможешь выполнять.

Она положила подушку на пол перед низким столиком из кованого железа и велела мне сесть поудобнее, скрестив ноги, если я захочу. В центре стола она поставила маленькую синюю свечу и зажгла ее. Померцав немногое, желтое пламя превратилось в идеальный, неподвижный овал. Зулейка осторожно подула на пламя, заставив его на мгновение отскочить в сторону. Когда поток воздуха прошел, пламя выпрямилось и снова успокоилось. Я внимательно наблюдала за Зулейкой, потому что знала, что своими действиями, она дает мне урок.

– У всего есть две стороны, — сказала она, садясь в плетеное кресло с высокой спинкой, — и это включает в себя разум. С одной стороны, он может думать, рассуждать и размышлять о себе, чтобы создавать и делать выводы. Другое качество ума — молчание, бездействие и бездумность. Мы все умеем рассуждать и размышлять о себе, но добиться молчания сложнее.

Не вставая, она снова дунула на пламя. Я была удивлена, увидев, что пламя подскочило, как и раньше.

– Ум подобен этому пламени. Он подпрыгивает при малейшем волнении и трепыхается, когда его касается ветер, – сказала она. Мысли и желания подобны порывам воздуха; они активируют разум и заставляют его трепетать.

Внятным тоном она объяснила, что есть два подхода к достижению душевного покоя.

Она встала и обхватила пламя рукой, образуя частичный щит, а затем снова подула на него.

На этот раз пламя, защищенное ее рукой, не мерцало.

– Один из подходов к тишине и отдыху — оградить разум от внешних беспокойств, которые могут его вывести из равновесия. Ты делаешь это, удаляя себя от разрушительных или вредных сил, которые угрожают твоему благополучию. Другими словами, ты уходишь и прячешься в своих глубинах.

Второй метод, по словам Зулейки, был более трудным для реализации, поскольку он включал деликатный маневр по защите разума не от внешних влияний, а от его собственного влияния. В этом случае, поскольку тревожные стимулы исходят изнутри, нет возможности бежать или уйти в себя, поскольку ум сам возбужден и бежит. Поэтому нужно остановить свое волнение, фиксируя ум на какой-то точке, например на образе, идее или звуке, и таким образом сделать его неподвижным.

– Спокойствие — это результат дисциплины и тренировок», — сказала Зулейка. Это предполагает остановку внутреннего диалога путем сосредоточения внимания на одной точке или расширения осознания, чтобы слиться с великой тишиной, существующей за пределами мысли.

Слушая ее речь, я почувствовала, как во мне воцарилась тишина, как будто это исходило не от ее слов, а от самого ее существа.

– Быть невозмутимым означает, что ничто не может отвлечь твое внимание от его центра, — сказала она, почувствовав мое настроение. Один из лучших способов достичь этого — пристально смотреть на светящийся объект.

Она спросила меня, поняла ли я два подхода к отдыху ума, которые, по ее словам, на самом деле были методами созерцания. Когда я колебалась, она повторяла их снова. В первом случае тело и разум удаляются от тревожащих раздражителей, отступая или удаляясь от них. Этого можно достичь, поскольку разрушительные силы приходят извне. Во втором случае тело и ум закрепяются, потому что беспокойства возникают изнутри нашего существа.

– Лучше всего использовать комбинацию обоих методов; отступление и фиксация, — сказала она. — Вот почему ты здесь, в этом тихом доме, где тебя никто не беспокоит. Пока ты изучаешь эти техники созерцания, ты должна отступить от внешнего мира, но ты также должна отступить от мира, который ты несешь внутри себя, фиксируя свой ум посредством практики созерцания.

– Что дает фиксация ума? – спросила я.

– Только фиксированный или сосредоточенный ум дает тебе свободу приходить и уходить, когда тебе угодно.

Я сказала ей, что не понимаю, как фиксированный ум может позволить человеку передвигаться. Казалось бы, это противоречие. Зулейка осторожно взяла свечу и медленно переместила ее из стороны в сторону, чтобы пламя не колебалось, но освещались разные участки стола.

– Заметь, что пламя не мерцает и все же движется. Фиксированное и устойчивое осознание позволяет тебе видеть что угодно, двигаться в любом направлении, не беспокоясь о том, что ты видишь или делаешь. Таким образом, ты можешь приходить и уходить куда угодно и при этом сохранять контроль.

Зулейка поставила свечу на стол так, чтобы пламя было прямо на уровне моих глаз.

– Если твой ум не зафиксирован, и твои мысли скачут повсюду, все, что ты видишь, притянет тебя и повлияет на твое сознание. Тогда тебе придется бороться, чтобы освободить себя, прежде чем ты сможешь перейти к чему-то другому. И очень скоро на тебе будет столько всего навешано, что ты вообще не сможешь двигаться.

– Что тогда произойдет?

– Тебе придется перепросматривать свои действия, чтобы высвободить свою энергию, – сказала она. – Вот почему мы рекомендуем всегда перепросматривать события прошедшего дня, освобождая себя от их влияния и не позволяя строить новых энергетических связей.

Зулейка подчеркнула, что воспоминание о событиях моей жизни в сочетании с очистительным дыханием, которому я научилась, может не только очистить прошлые связи, но и поддерживать осознанность в плавном состоянии в каждое мгновение дня. Освободившись, осознание можно сосредоточить и использовать на службе намерения или духа, который управляет нами и дает нам жизнь.

– Мы должны использовать нашу осознанность, чтобы освободить сознание. Точно так же, как мы иглой вытаскиваем занозу из пальца. Однако, достаточно объяснений. Приступим к практике.

Зулейка велела мне на мгновение посмотреть на свечу, затем приложить ладони к глазам и визуализировать пламя. Какое-то время я смотрела на пламя, потом закрыла глаза и накрыла их ладонями. Я увидела желто-зеленый круг, затем появилось золотое пламя, которое превратилось в яркое красно-оранжевое свечение. Вскоре пламя сменилось маленьким черным отверстием, которое образовалось перед моими глазами.

Зулейка сказала мне повторить упражнение, созерцания пламени, с последующим прикрыванием глаз ладонями. На этот раз красноватый свет, казалось, двигался справа от меня, и было трудно удерживать его в центре моего внутреннего поля зрения. Она сказала, что я должна стараться отодвигать изображение пламени все дальше и дальше от себя, прикрывая глаза ладонями. Через некоторое время я смогла удержать образ пламени и отодвинуть его дальше или приблизить к себе силой своего разума.

– Эта практика пристального созерцания поможет тебе развить твою способность концентрироваться, – сказала Зулейка, когда я снова открыла глаза. – Точно так же, как магические пассы укрепляют твое энергетическое тело, контроль над разумом можно отточить с помощью техники пристального созерцания.

Она заметила, что при продолжительной практике мне больше не нужно будет смотреть на свечу, но я смогу видеть пламя, просто закрыв глаза. Свет, однажды зафиксированный, поможет мне сконцентрироваться на одной точке, исключив все другие влияния.

– Это один из способов успокоить ум, — сказала Зулейка. Даже если ты активно концентрируешься, твой ум находится в покое, потому что он не рассеивается в тысяче направлений.

Она объяснила, что наиболее стимулирующая форма отдыха – это не пассивный сон, в котором человек находится во власти тревожных сновидений, а активная и контролируемая концентрация, при которой человек обращает внимание только на бодрящий свет перед глазами.

Она посоветовала мне встать и немного прогуляться, чтобы расслабить конечности, перед тем как перейти ко второму упражнению по созерцанию. Когда я снова села на подушку, я увидела, что Зулейка положила на стол большое черное воронье перо.

– На этот раз я покажу тебе другой способ успокоить ум,, – сказала она. Сядь спокойно, дыши естественно и без всяких мыслей, смотри на перо.

Она сказала, что мне следует концентрировать свое внимание на пере, до тех пор, пока я не сольюсь с ним. Она добавила, что таким образом можно слиться с любым объектом, который ты пристально созерцаешь, так что это уже не отдельная сущность, а что-то живое и является частью твоей собственной энергии.

– Как это возможно? Спросила я. Все знают, что мир состоит из отдельных объектов.

Зулейка приподняла бровь.

– Так ли это на самом деле? — спросила она. Объекты отделяются друг от друга только тогда, когда мы думаем о них. Когда мы смотрим на них, они сливаются в единое энергетическое поле, которое включает в себя и наши энергетические тела.

Она посмотрела на меня, чтобы увидеть, поняла ли я, то что она говорит. Я, должно быть, одарила ее глупым взглядом, потому что она добавила:

– Я только что открыла тебе секрет магии, а ты настаиваешь на том, чтобы принять это как обычное заявление. Подумай о том, что я сказала.

Некоторое время я молчала.

– Мне оно все еще кажется обыкновенным пером, – упрямо сказал я.

Зулейка покачала головой.

– Там и здесь одно целое. Здесь и там одно целое. Ничто не отделено от ничего.

Наблюдая за пером, я заметила, как мое дыхание стало более медленным и ритмичным. Оно опустилось мне в живот. Мои мысли исчезли, и я погрузилась в глубокую тишину. Казалось, Зулейка была права. В какой-то момент перо осознало и наблюдало за мной; оно излучало на меня энергию, как будто осознавало, что я наблюдаю за ним. У меня была полная уверенность, что, если бы я захотела, я могла бы заставить перо оторваться от стола и парить в воздухе, поскольку мы были энергетически связаны.

Через некоторое время Зулейка посоветовала мне совершать небольшие круговые движения головой, чтобы дать отдых глазам; они начали рваться от напряжения, глядя на перо. Она объяснила, что смысл пристального взгляда заключается не в том, чтобы пристально пялиться на объект, а в том, чтобы позволить глазам нежно ласкать объект, чтобы, отвечая на наши чувства, он открывался и излучал свои собственные чувства и знания.

– Это слияние обоих чувств — наблюдателя и объекта — приводит к общему слиянию осознания и чувству взаимного доверия и привязанности, — сказала Зулейка.

Далее она пояснила, что это чувство открытости и сочувствия является результатом остановки внутреннего диалога и позволения внутренней чувствительности выплеснуться наружу и слиться со всем, на что человек смотрит.

– Выбирай любой предмет, который тебе нравится, — сказала Зулейка. Никогда не смотри на то, что неприятно или пугающе.

– Почему так?

– Потому что посредством пристального взгляда ты открываешь центры в своем энергетическом теле, и энергия объекта войдет внутрь тебя. Точно так же, если ты не в хорошем настроении, тебе не следует внедрять свои негативные чувства в объекты вокруг тебя концентрируясь на них, независимо от того, являются ли они камнями, перьями или людьми.

Я дала отдых глазам, покрутив носом сначала по часовой стрелке, а затем против часовой стрелки. Когда я снова расслабилась, Зулейка дала мне третье упражнение, для фиксации моего ума, которое состояло в визуализации фигуры или формы.

– Какую форму я должна визуализировать? – спросила я.

– Любая приятная форма подойдет. – ответила она.

Она взяла мой блокнот для рисования и нарисовала круг. В его центре она нарисовала круг поменьше и закрасила его черным. Она сказала, что всегда приятно визуализировать круг, потому что он представляет целостность вселенной, из которой ничего нельзя добавить или убрать. По ее словам, визуализация круга наполняет человека чувством полноты и благополучия, необходимыми для радостного путешествия.

Зулейка сказала мне закрыть глаза и, двигая их по часовой стрелке, медленно и осторожно мысленно нарисовать круг. Затем моим внутренним чувством прыгнуть в центр круга и на мгновение задержаться там. Потом я должна была зафиксировать свое внимание на вершине и снова начать рисовать круг и повторить процедуру проталкивания через его центр. Зулейка объяснила, что круговое движение глаз и мысленный прыжок к центру круга следует повторять, пока я не смогу делать это с большой концентрацией.

Это упражнение оказалось сложнее предыдущего. Оно нагнало на меня сонливость. Я начала зевать и ерзать.

– Когда человек смотрит на внутреннюю или внешнюю форму, он не должен волноваться или позволять своим мыслям блуждать, — предупредила Зулейка. Если они это сделают, немедленно верни свое внимание к своей задаче.

Она объяснила, что прыжок в центр круга оказывает очень сильное воздействие на энергетические точки, расположенные за глазами. Толкание к центру круга помогает открыть коридор или дверь в потусторонний мир.

– А что по ту сторону ? – хотела знать я.

Зулейка заколебалась.

– Может, все, а может, и ничего. Скоро ты убедишься в этом сама.

Она предложила мне продолжить выписывать круги, чтобы успокоить и укрепить ум.

Она заверила меня, что, мягко, но твердо подталкивая себя к центру, я разовью твердость и невозмутимость, которые были необходимы для путешествия с энергетическим телом.

Попрактиковавшись в этой технике еще несколько раз, Зулейка встала и сказала мне выбрать одну из трех техник, которым она меня научила, и практиковать ее, пока она будет заниматься кое-какими делами. Я решил созерцать горящую свечу. Мне почему-то нравилось её мягкое желтое пламя.

После того, как я поупражнялась с этой техникой еще несколько раз, Зулейка встала и сказала мне выбрать одну из трех техник, которые она мне показала, и практиковать ее, пока она выйдет по делам. Я решила посмотреть на зажженную свечу; почему-то мне показалось гладкое желтое пламя привлекательным. Когда я закрывал глаза, я все еще могла видеть пламя и тренировалась перемещая его вперед-назад и в стороны. Казалось, прошло всего несколько мгновений, когда Зулейка вернулась и велела мне задуть свечу.

– Всякий раз, когда ум возбужден или беспокоен, обязательно делай одно из этих упражнений, – посоветовала она. – Золотое пламя, однажды зафиксированное в твоем уме, будет сиять сквозь туман, как маяк, с другой стороны. После фиксации, даже если твои глаза закрыты, оно будет перед тобой, чтобы успокоить твое сердце.

Солнце уже село, а она еще не зажгла внешние фонари и мы сидели почти в полной темноте.

– Почему так важно успокаивать ум?

– Если ты свяжешь свои действия с уровнем глубокого молчания, — сказала Зулейка, — ты совершишь деликатный подвиг - действие, через бездействие или недеяние. Как только человек научится использовать энергию неделания, он сможет стать по-настоящему могущественным.

Далее она объяснила, что для того, чтобы чего-то достичь, нам нужно несгибаемое намерение, которое придает действиям направление и цель, а также утонченное и тонкое осознание, которое придает действиям силу. Она подчеркнула, что только утонченное и тонкое осознание позволит нам выйти за пределы мира форм и войти в энергетические слои других сфер.

– Она наклонилась поближе в своём кресле и тихим голосом сказала: "Теперь я раскрою тебе вторую тайну магов. Когда ты занимаешься созерцанием, ты на самом деле учишься сновидеть, будучи в бодрствующем состоянии.

Она снова посмотрела на меня, чтобы проверить, поняла ли я ее смысл.

Ты фокусируешь энергию намерения, которая сама по себе является абстракцией, и уходишь с физического уровня в царство чистой энергии.

Она объяснила, что намерение – это сила, которая удерживает вещи вместе, придает им порядок и энергию. Созерцание пробуждает лежащее в основе осознание, которое маги называют намерением, ту силу, которая позволяет нам воспринимать и напрямую связывает с ним наше тело. Именно эта твердая и несгибаемая сила, называемая намерением, отличает действия Силы от поверхностных и суетных дел повседневной жизни.

Благодаря пристальному созерцанию наше физическое тело постепенно трансформируется в соответствии с нашей умственной энергией. Со временем тело становится настолько легким, что превращается в чистую энергию. Когда это происходит, человек сновидит всей своей целостностью. Все, что нужно сделать, — это намереваться что-то сделать, и тело это воспримет. Это происходит потому, что человек связал себя с намерением и сновидит, используя силу самого творения. Техники созерцания были разработаны магами древности для достижения этой тонкой манипуляции восприятием.

Зулейка подняла перо и осторожно уронила его на стол.

– Практикуй пристальное созерцание, и в конечном итоге ты очистишь свое тело; оно станет таким же легким, как это перо, – сказала она. – Когда твое тело превращается в чистую энергию, то для него, как и для твоего разума, не будет разницы между тем, что ты думаешь, и тем, чем ты являешься. «Здесь» и «там» пространства и времени сольются в единое осознание «сейчас», и твой ум и тело больше не будут отдельными, но будут единой энергетической единицей бытия «здесь».

Пока она говорила, я почувствовала, что кто-то еще наблюдает за нами из темноты коридора. Сначала я могла только мельком увидеть фигуру; потом я увидела, что он стоит там, словно подслушивает наш разговор или наблюдает за моей практикой. Я заметила его раньше и повернула голову, чтобы посмотреть, там ли еще этот человек. Я предположила, что это кто-то, кто живет в этом доме, так как дом был большим, со множеством комнат.

Зулейка улыбнулась:

– Еще не время встречаться с ним, но скоро ты сделаешь это, когда станешь более невидимой. А пока сконцентрируйся на своих практиках.

– Кто этот человек? – встревоженно спросила я.

– Тот, кто заставляет тьму отвечать, – сказала она.

– Отвечать чему?

– Его приказу, его намерению. Он – Мастер Намерения. Когда ты научишься преследовать двойника, он придет и покажет тебе свое искусство.

– Разве я не могу встретиться с ним сейчас? – спросила я.

Она засмеялась и сказала, что я не в состоянии встретиться с кем-либо в моем нынешнем энергетическом состоянии. А для взаимодействия с Мастером Намерения потребуется много энергии.

– Во тьме ты его почувствуешь. Он будет говорить напрямую с твоим двойником. Когда ты придешь к безмолвному знанию, он направит тебя, и ты это узнаешь.

– Что я узнаю?

– Я не могу тебе сказать. Ты просто будешь знать это напрямую, и если кто-то тебя спросит, ты сама не сможешь ответить, что это значит. Это будет слишком глубоко, слишком обширно для того, чтобы выразить в словах. Ты попытаешься запомнить, но не сможешь думать об этом, так как то, что ты знаешь будет удалено из твоих мыслей и любые слова подведут тебя.

– Так что тогда в этом хорошего? – спросила я. – Если я не помню, чему он меня учил, или не смогу сказать, что это такое, какой смысл что-то знать?

– Ты сделаешь все возможное, – сказала она. – Ты заставишь тьму двигаться и проявляться в свете.

Некоторое время я пыталась понять, что же она имела в виду, и внезапно я поняла. Как и предупреждал меня Эмилито, кто-то уже показывал мне, как нужно преследовать двойника. Я не знала, что имела в виду Зулейка, но знала, что я уже знала. Ко мне пришла уверенность, что Мастер Намерения учил меня все это время. Скорее всего, это можно было объяснить его воздействием на какие-то области внутри меня, но вне моего внимания и за пределами моих сновидений. Это было место, где не существовало снов, но энергия текла, не сдерживая мыслей, желаний или даже образов, возникающих во сне.

Когда я поняла это, мужчина вышел из тени. Я не удивилась, увидев, того же человека, с которым я столкнулась на пограничном переходе в Ногалесе; того, кто заставил меня потерять сознание, толкая в верхнюю часть спины. И того же, которого я потом видела в доме Каталины, когда она указала в окно на своего защитника.

Он, казалось, тоже меня узнал, и все же, насколько я могла вспомнить, я видела его только дважды. Он коротко кивнул мне издали. Я избегала его взгляда, потому что помнила, что произошло в последний раз, когда я взглянула в его глаза. Он ничего не сказал, и я понимала, что говорить тут нечего. Но давление его присутствия заставило мои мысли остановиться, а мышцы рук и ног напряглись, как будто меня пронзил поток энергии. Я слышала, как вокруг меня гудит воздух. Я глубоко вздохнула, втягивая его ртом. Потом я почувствовала, хлопок в затылке, когда он подошел, а точнее, подплыл.

Я видела, как шевелился его рот; он что-то говорил, но я его не слышала. Это был тихий звук, и этот безмолвный шепот меня отталкивал. Я упала спиной на скамейку и должна была цепляться за свою бесценную жизнь, чтобы не потерять сознание. Потом я почувствовала, как моя макушка раскрылась, и что-то вылетело с такой силой, что я оказался в Сан-Франциско.

Я знала, что это был Сан-Франциско, потому что могла видеть мост Золотые Ворота. Я парила над неспокойной серой водой и видела, как ржавая краска отслаивалась от массивных железных балок, удерживаемых тросами. Потом я летала вокруг небоскребов, больших офисных зданий с окнами из темного стекла. Я летела очень тяжело, чтобы не застрять между зданиями, вокруг которых кружили сильные воздушные потоки. Я слышала оглушительный рев кондиционеров на крышах зданий. Мне этот район ни капельки не понравился. Это было настолько угрожающе, что я испугалась. Тени высокого здания на улице внизу сделали сцену мрачной и зловещей.

Я услышала ужасный звук, посмотрела и поняла, что это вертолет, а меня затягивает в лопасти пропеллера, потому что ветер был ужасно сильным, и я не могла с ним справиться. Я приложила огромные усилия, чтобы вырваться, используя всю свою энергию в моей матке. Затем я почувствовала, что меня затягивает в длинный туннель через шнур, прикрепленный к моему телу где-то на другом конце. Меня понесло на юг, через другую местность, проносящуюся подо мной с фантастической скоростью. Я видела или, скорее, ощущала, как пейзаж менялся от городов к пустыне, к городам и озерам, когда я преодолела тысячи географических миль за считанные секунды. Когда спешка прекратилась, я снова оказалась в Гвадалахаре, во внутреннем дворике, на скамейке дома Зулейки.

Я открыла глаза и обнаружил, что Зулейка смотрит на меня. Я рассказала ей, где я была. Ей не хотелось слушать о моих путешествиях.

– Ты тратишь всю свою энергию в одном неконтролируемом порыве. Ты проделала большое расстояние напрасно, и для чего?

– Я не знаю, что случилось, – сказала я.

– Повелитель тьмы одолжил тебе часть своей энергии, и ты потратила ее на увеселительную поездку по стране, вот что случилось. Надеюсь, тебе хотя бы понравились виды.

Я покачала головой.

– Все проносилось слишком быстро, как фильм, проигрываемый на сверхбыстрой скорости, я только мельком увидела воду, пустыню, здания и множество городов внизу.

– Проблески. Мелькания. Что толку от проблесков? — спросила Зулейка. Мы стремимся к контролю. Тебе предстоит проделать большую работу, прежде чем ты сможешь использовать свои техники сталкинга, чтобы контролировать свой полет или что-то еще, что ты решила сделать со своей энергией сновидения. Так что тренируйся, тренируйся.

Она оставила меня одну в темноте, чтобы я могла продолжать выполнять упражнения на созерцание.

Глава 22: Другая сторона

После нескольких недель практики техник созерцания и сновидений, которым научила меня Зулейка, я почувствовала, как на меня опустилась странная тишина. Я больше никуда не спешила; У меня не было назначенных встреч; Некуда идти и не с кем поговорить. Я редко видела Карлоса или дона Хуана, а когда наши пути пересекались, они обычно избегали меня. Я могла свободно передвигаться по первому этажу дома Зулейки, а также во внутренних двориках и саду, но мне не разрешалось подниматься наверх или выходить за пределы комплекса. Мне приносил еду слуга, и я спала на высокой платформе, на которую мне нужна была стремянка, чтобы забраться на нее.

В течение дня я работала над некоторыми эскизами. Рисование, как я поняла, на самом деле было еще одной формой созерцания; это позволило мне проводить часы в полной тишине, не скучая. Ночью я тренировалась находить во сне свои руки; передвигаться, не меняя места действия; находить определенный объект, заранее указанный Зулейкой, и давать себе во сне команды, которые я буду выполнять как можно точнее.

Однажды вечером я смотрела на рябь на пруду. Были сумерки, и небольшой внутренний дворик представлял собой массу густых теней. Все было так тихо, что мне показалось, что я слышу шепот на другом конце дома. Я снова почувствовала человека, скрывающегося в темноте, но на этот раз мужчина внезапно вышел из тени и встал передо мной. Я узнала в нем Мастера Намерения, но прежде чем я успела что-либо сказать, он исчез в шквале ряби, которая началась с его ног и волнообразно пошла вверх, охватив макушку его головы. К моему удивлению, он фактически превратил себя в небытие прямо на моих глазах. Он растворился во тьме так же загадочно, как и появился.

Прежде чем я успела слишком испугаться, подошла Зулейка и села рядом со мной на скамейку.

Мастер Намерения только что показал тебе, как слиться с тьмой, — сказала она.

Не бойся. Прими это. Будь едина с ночью. Стань невидимой, как он.

Я почувствовала как что-то внутри меня борется, сопротивляется. Я не хотела быть невидимой. Мне хотелось, чтобы меня узнавали и замечали. Я устала от того, что меня не замечают. Мне хотелось, чтобы другие люди помогли мне избавиться от моей угрюмости и затруднений, а не игнорировали меня еще больше. Воспоминания о том, как одноклассники из начальной школы дразнили меня, а учителя критиковали меня за то, что я не говорила по-английски, тревожили меня. Мои одноклассники говорили: «В чем дело, кот съел твой язык?» и по очереди дергая меня за косичку. Потом они оставили меня размышлять на скамейке, а сами убежали играть на скакалке или в кикбол. Тогда я поклялась, что получу внимание, которого, по моему мнению, заслуживаю, и больше не буду напуганной "никем". Вся моя жизнь была борьбой за реализацию этой амбиции. Теперь Зулейка велела мне стать невидимкой и снова стать молчаливой, невидимой "никем".

– Обучение сталкера – это искусство быть невидимым, – прошептала Зулейка, словно следуя за потоком моих мыслей. – Сталкер во всех ситуациях остается незамеченным и никогда не привлекает к себе внимания.

– Никогда? – сказала я, – вспоминая печенье с предсказанием, которое когда-то мне попалось. Там было сказано: «есть только одна вещь, хуже чем та, о которой говорят – это та, о которой не говорят». И это было правдой. Лучше уж пусть критикуют и оскорбляют, но не игнорируют. Я не хотела не существовать. Какая-то часть меня отчаянно боролась за выживание. Это была небольшая часть, которая была согласна на критику, но не на забвение. Мне бы хотелось, чтобы Карлос и Дон Хуан нашли время оценить мой прогресс или даже отсутствие прогресса, но они всегда проходили мимо меня в коридорах, не говоря ни слова.

– Отпусти, – сказала Зулейка. – Отпусти все. Просто отпусти.

– Почему я должна? – упрямо спросила я.

– Чтобы энергетические волны из вечности могли перебросить тебя в другие миры. Они не смогут добраться до тебя, если ты прикроешь себя собой. Только если ты невидима, волны могут напрямую воздействовать на твое энергетическое тело.

Что-то во мне все еще сопротивлялось идее стать невидимкой.

– Отпусти свою дрянную сущность, — отрезала Зулейка.

Я слышала, как она говорила это снова и снова, и пока она продолжала это говорить, что-то во мне начало сдаваться. Я начала отпускать, правда не знала что, но отпускала все больше и больше, пока не стала пушистой, как гигантская подушка, а когда эта подушка растворилась, я стала крохотной точкой, затерянной где-то в черной необъятности, а затем я потеряла осознание того, что являюсь точкой, и стала ничем.

— Перейди, — сказал голос. Пусть энергетические волны Вселенной подтолкнут тебя на другую сторону, в мир, где находимся мы.

Я последовала за голосом и услышала, как он говорил о параллельной вселенной, почти идентичной нашей, которая существовала за барьером. Этот барьер состоял из наших забот, наших представлений о реальности, нашей энергетической привязанности к повседневной жизни и, по сути, к самим себе. Затем я услышала голос Нелиды, повторяющей то, что она сказала мне, казалось бы, давным-давно, что даже тело не принадлежит нам; что суть жизни заимствована, а не наша, чтобы за нее цепляться. Сущность жизни текуча, и наше сознание должно быть также текучим, чтобы двигаться вместе с ней, иначе оно навсегда рассеется во фрагментации мира, в котором мы родились, но выход есть, и это отпустить и быть ничем.

Я открыла глаза и увидела, что все еще сижу на скамейке у пруда, но вместо Зулейки на меня смотрел Эмилито. Так же, как и Карлос, дон Хуан, Нелида и другие люди, слонявшиеся по внутреннему дворику. Еда была разложена на буфете. Я была в разгаре вечеринки, которая шла в полную силу. Люди вели оживленную дискуссию. Они сравнивали описания своих путешествий и вещей, которые они видели в двойной вселенной, как они ее называли.

– Там есть Папа, но он не хранит целомудрие, — сказал Карлос. У него толстая и крикливая жена.

– Ах, а он живет в Риме? — загадочно спросил дон Хуан. Он казался более расслабленным, чем обычно; почти веселый.

Карлос на мгновение задумался, словно это был вопрос с подвохом.

Я видел прекраснейшую рощу деревьев, — прервал его Эмилито. Они темно-зеленые и огромные. Отлично для лазания по деревьям.

– Я разговаривал со многими людьми, они здоровы и полны жизни, но совершенно непредвзяты, — добавил дон Хуан. Они не способны воображать или предполагать. Все их поведение ритуально, компульсивно и регулируется правилами.

– Их язык потрясающий, — продолжил Карлос. Основной единицей является не фонема, основанная на звуке, а синтаксический структурный элемент. Их мозги напрямую взаимодействуют друг с другом в форме согласованной структурной основы, управляемой правилами синтаксиса.

– Я видел пишущую машинку, которая пишет слогами, приставками и суффиксами вместо букв. Каждый ключ — это практически слово само по себе, — сказал дон Хуан. Это то, что Тайше предстоит изучить.

Меня очень заинтересовала эта машинка. Я хотела узнать о ней больше, но другие люди встряли в разговор, делясь своими открытиями, в том мире. Я узнала, что у людей там есть периодическая таблица химических элементов, но вместо обычных 52 элементов; Их мир состоял из 76 элементов, и некоторые из них не были такими, как в нашем мире.

– Есть очень странные животные, – сказал дон Висенте. – И очень необычные растения, которых я раньше не видел. Большая часть знаний о лечении исходит из этого мира.

У меня был момент внезапного вдохновения. — Вы говорите о царстве невидимых жителей Монте, — сказала я. Вы имеете в виду, что индейцы яки правы? Неужели существует такой мир, параллельный нашему, и волшебные растения и животные действительно существуют?

Дон Хуан кивнул.

Дон Хуан кивнул. – Однако самое печальное то, что для индейцев яки царство невидимого теперь является лишь мифом. Они могут уловить его проблески, но не могут войти в него всей своей целостностью. Так что для них это должно остаться лишь частью их мифологии.

– Почему так? – спросила я.

– Их повседневный мир стал для них слишком реальным и всеобъемлющим, — объяснил дон Хуан. Дверь закрыта барьером человеческого беспокойства, через который они не могут проникнуть. Однако так было не всегда; но теперь западный мир настолько сильно вторгся в яки, что для них эта дверь остается навсегда запечатанной. Все, что они могут сделать, — это рассказывать истории о том мире и сказки о волшебстве и чудесах ушедших времен.

Я оглянулась в поисках Зулейки, но ее нигде не было видно. Потом я заметила, что мое окружение выглядело как-то по-другому. Хотя мы были в том-же доме, всё было не так. Он был больше похож на то, как выглядит двор и дом после долгого созерцания камней и стен. Я не могла сказать точно, но я поняла что плитки были не совсем квадратные; они были ромбовидными, и пол и стены слегка наклонялись. Если бы у меня был с собой нивелир и отвес, я могла бы наверняка определить их уклонение от истины. На самом деле они, казалось, менялись, как и после моих сеансов созерцания.

Плитки блестели и вибрировали, отчего их формы слегка менялись. Стропила потолка в коридоре не были параллельны, как им положено. А потом я заметила, что и деревья сильно отличались. Они были больше, толще, с более густой листвой. И пока я была там, я заметила во дворе людей. Они казались безупречными, чистыми, пустыми, как будто имели форму, но ничего не содержали внутри.

Эмилито посмотрел на меня так, как это делала Зулейка всякий раз, когда я была чем-то полностью занята, чтобы привлечь мое внимание. Затем я увидела, как он подмигнул мне и кивнул головой.

Внезапно я поняла, в чем заключался его секрет, тайны, которые он хотел открыть мне, когда у меня было достаточно энергии, чтобы постичь их. Теперь я поняла это без необходимости говорить мне. Он был телом сновидения Зулейки. Именно по этой причине Зулейки не было в комнате.

Эмилито молча кивнул, ожидая, пока я закончу свои бурные мысли. Я также знала, что если это так, то я тоже находилась в своем теле сновидения, как и все люди в комнате, и именно поэтому они казались такими сверкающими. Более того, дом, скамейка, столы, еда, расставленная во внутреннем дворике, — все было частью другого мира. Я перешла в мир-близнец, даже не осознавая этого, а это означало, что открытия, которыми все делились, касались не какого-то недоступного далекого мира снов, а самой реальности, в которой мы сейчас жили.

– В ту минуту, когда я это осознала, Эмилито сказал: Правильно, Тайша. Я — другая сторона Зулейки, а ты — твое тело сновидений, другая сторона тебя самой. Вы использовали энергетическую волну из Вселенной, чтобы перейти в параллельный мир, который существует рядом с нашим.

Я ущипнула себя, чтобы проверить, реальна ли я, и казалась ли я настолько твердой, насколько это возможно, учитывая мое состояние возбуждения и энтузиазма, когда я осознала, где нахожусь.

– Мы находимся на другой полосе вселенной, – объяснил Эмилито. – Той, которая пересекается с повседневным миром; состоит из той же энергии, только немного отличается. Теперь ты знаешь, что значит стать невидимым и что значит преследовать двойника. И почему мы всегда делаем упор на умеренность и контроль. Без контроля осознание рассеивается.

Мы находимся в другой полосе вселенной, — объяснил Эмилито. Той, которая пересекается с миром повседневной жизни; состоящей из той же энергии, лишь немного отличающейся. Теперь ты знаешь, что значит стать невидимым, каково это — преследовать двойника и почему мы всегда настаиваем на трезвости и контроле. Без контроля сознание рассеивается. Можно обойтись без себя в повседневной жизни, но без трезвости и ясности не обойтись. Сознание, чтобы продолжать воспринимать, должно оставаться нетронутым независимо от того, где ты находишься.

Я обняла Эмилито и поблагодарила его за помощь. К моему удивлению, он казался твердым, хотя это было не так, поскольку мы охватывали объемы пространства, как две гигантские подушки, обнимающиеся друг с другом, но причина, по которой я могла схватить его, заключалась в том, что я тоже была волнистой и бесплотной.

– Но как это возможно, что ты мужчина, когда Зулейка — женщина? Спросила я. – Ведь мое тело сновидения не мужское? Я быстро прикоснулась к себе, чтобы проверить, правда ли то, что я говорю.

– Нагваль Хулиан научил нас, как перемещать точку сборки в положение мужчины, — объяснил Эмилито. – Это был невероятный вызов - быть мужчиной, и я принял его. Как утомительно иметь дырку между ног, — добавил он с преувеличенным вздохом. Это приводит ко всем видам диковинного поведения.

Все дружно засмеялись, особенно участницы группы. Затем я увидела, как Карлос подал мне знак подойти к нему. Я поняла, что знала его всегда, и теперь я знала, где мы встретились. Это было не на факультете антропологии университета, как я сначала подумала, а здесь, в мире-близнеце, который я часто посещала. Мы сделали много вещей на этой стороне, вещей, которые были немыслимы с точки зрения повседневного мира.

Потом я увидела молодую женщину примерно моего возраста. Она была блондинкой, с голубыми глазами, миниатюрной и очень милой. Ее звали Флоринда, и она была подопечной старшей женщины с таким же именем, которая была двойником Нелиды.

— Мы с тобой сестры, — сказала я, нежно обняв ее, ибо узнала ее по другим встречам, хотя и не могла вспомнить их подробно.

– Запомните друг друга, – сказал дон Хуан. – Потому что вы встретитесь снова, в мире повседневной жизни и забудете, что знали друг друга. Вам придется начать с нуля, и восстановить это чувство беспристрастной привязанности.

Женщина-нагваль, Кэрол, которую я видела ранее и запомнила, тоже была там. Она была той молодой женщиной которая дала Карлосу хлеб в пекарне в Эрмосильо. Но я уже знала ее. Она помогла мне забраться в дом на дереве и ухаживала за мной, пока я была без сознания три дня и две ночи.

– И мы еще встретимся на другой стороне, — сказала она, немного шепелявя на слове «сторона». Но мы не забудем. Мы всегда будем помнить, что любим друг друга, — и она обняла меня с такой искренней любовью, что меня охватило непреодолимое чувство, и я поняла, что мы навсегда связаны друг с другом во всех вселенных.

Дон Хуан поставил нас троих вокруг Карлоса и сдвинул наши головы так, чтобы они соприкоснулись. Он рассказал нам, что его задача заключалась в том, чтобы на протяжении всего нашего обучения следить за тем, чтобы наши точки сборки находились в одном и том же положении, и хотя наши точки сборки будут постоянно смещаться на протяжении всего нашего обучения, они будут двигаться с одинаковой скоростью и в одном и том же положении. направлении, чтобы мы вчетвером могли действовать как единое целое и иметь возможность объединить единую реальность, которую мы разделяем.

– Кэрол придется какое-то время оставаться на этой стороне, с нами, – продолжил он. – Но на самом деле, вы не разделитесь – энергетическая связь, установленная в этом мире, будет поддерживаться через границы между вселенными-близнецами. Стоит только промолчать и отречься от себя, чтобы узнать, где находится каждый из вас.

Я знала, что он имел в виду, но мне также стало страшно. Из опыта было очевидно, что Вселенная огромна и в ней легко можно заблудиться. Я также осознавала свою склонность предаваться эгоизму и борьбе за независимость, что могло лишь создать барьеры и заблокировать энергию, удерживающую нас вместе. Самым опасным было то, что мы снова встретимся в мире человеческих дел, где наша сила будет минимальной, уменьшенной заботами повседневной жизни и отсутствием дона Хуана и энергии его магической группы. Мы будем действовать на низком уровне осознанности, окрашенном массовым вмешательством основной массы человечества в свои собственные навязчивые идеи и заботы.

— Флоринда будет твоим компаньоном и будет действовать как твой противовес, — сказал дон Хуан.

— Она позаботится о том, чтобы ты не слишком индульгировала. Если ты это сделаешь, она вцепится тебе в горло, как свирепый ягуар.

Флоринда рявкнула и несколько раз щелкнула зубами, словно кусаясь. Все засмеялись.

— Лучше будь осторожна, иначе она вцепится тебе в горло, — предупредил дон Хуан.

– А я никогда не вцеплюсь тебе в горло, – успокаивающе сказала Кэрол.

– Слушай Флоринду, она более трезвая, чем ты. Вы двое будете окружать нового нагваля и путешествовать вместе с ним, совершенствуясь, пока не вернется Кэрол Тиггс.

– Когда она вернется? – поинтересовалась я.

– Это может решить только Сила, – ответил дон Хуан. – И ваша безупречность.

Он на секунду замолчал.

– Если хотите снова увидеть любимого человека, будьте безупречны. Занимайтесь перепросмотром и не думайте о себе.

Кэрол задумчиво улыбнулась, подбадривая нас.

– Я рассчитываю на тебя, Тайша, – прошептала она так, чтобы никто не услышал. – Ты потянешь меня, и я буду тянуть тебя. Согласна?

Я кивнула, но безмолвно спросил: как? Она показала мне свою левую руку. На ней было золотое кольцо с бриллиантами, похожее на крошечную дароносицу. Она сказала мне взглянуть на него на мгновение и помнить об этом всегда, потому что однажды она подарит его мне как знак того, что мы были вместе раньше.

– В мире повседневной жизни так легко забыть», — сказала она. «Доказательства всегда приветствуются».

– Я никогда не забуду, – поклялась я, обнимая ее. – Я притяну тебя своей любовью.

– Сегодня у вас достаточно энергии, чтобы постичь истину о двойной вселенной как о подлинной сфере существования, — сказал дон Хуан, — но не так-то легко пересечь границу со своим телом. Вы можете увидеть это во сне, но чтобы прийти сюда целиком, нужны годы тренировок и накопления энергии, и даже тогда есть бесчисленные препятствия и никаких гарантий.

– Тогда я не вернусь, – сказала я. Я останусь здесь со всеми вами.

– Это невозможно, – строго сказал он. – Ты должна совершенствоваться в мире людей. Ты должна начать оттуда и продвигаться сюда.

– Почему?

– Поскольку там находится основная часть твоей энергии, кроме того, пребывание на этой стороне не дает никаких преимуществ. Сталкер должен быть подвижным, чтобы ты могла перемещаться куда угодно. Ты должна чувствовать себя непринужденно и безупречно, где бы ты ни находилась; в этом мире, или в том, в котором ты живешь, или в любом другом месте бесконечного диапазона возможностей, который делает нас разумными существами.

– Оставь себя позади, и ты сможешь пойти куда угодно, – сказала Кэрол. – Твоя задача – растворить все, что делает человека привязанным к миру человеческих существ.

– Тогда я оставлю все здесь, – сказала я.

Дон Хуан улыбнулся. Он сообщил мне, что, пока мы находимся в повседневном мире, вся энергия, полученная от перепросмотра и безупречных действий, сможет перейти и сохраниться здесь, с ними. Кэрол останется маяком и поможет укрепить нашего двойника. Чем безупречнее мы были и чем меньше внимания мы уделяли своему личному «я», тем больше мы укрепляли нашу другую сторону, или энергетическое тело.

– Вы будете подобны белкам, собирающим орешки на зиму, — сказала Кэрол. Ваша энергетическая сущность станет сильнее и конкретнее, пока однажды вы не сможете склонить чашу весов и обнаружить, что все ваше существо находится на этой стороне, и ничего не осталось для мира человекообразных обезьян.

В тот день, по ее словам, мы станем невидимыми для человеческого глаза и соберем себя целиком на другой стороне.

Все было предельно ясно. Теперь я знала важность обучения магов; перепросмотр заключался в том, чтобы избавиться от воспоминаний о прошлом и высвободить захваченную энергию; потеря собственной важности не позволяла человеку вкладывать чрезмерную энергию в сфабрикованное социальное «я», тем самым превращая его в постоянную особенность. Магические пассы позволяют растворить твердость своего тела и энергетически очистить его. Утрата личной истории освобождает человека от принуждения соотносить себя с одним способом существования и не дает нам быть придавленными другими, при помощи их мыслей и ожиданий.

Чтобы проверить свой прогресс и трансформацию, маги используют мелких тиранов, которых они встречают в своем повседневном мире. Таким образом, они убеждаются в том, что изменение — это не просто идеал, а реальные телесные метаморфозы на фундаментальном энергетическом уровне. Рассматривая мир как контролируемую глупость, сталкер может быть уверен, что не запутается в человеческих заботах. Только таким образом можно высвободить достаточно энергии и стать текучим, чтобы двигаться вместе со своим телом в мир-близнец.

Успокоение внутреннего диалога с помощью техники пристального взгляда преследует тройную цель.

Во-первых, это блокирует подкрепление и утверждения, которые мы постоянно даем себе о том, что мир такой-то и такой-то. Во-вторых, это позволяет нам накапливать энергию, необходимую для перехода. В-третьих, и наконец, это создает отверстие в наших энергетических телах, чтобы волны Вселенной могли перебросить нас на другую сторону.

Я подумала о том, что сказала Зулейка о том, чтобы отпустить ситуацию и стать невидимой. Теперь я поняла, почему нужно было отказаться от всего человеческого. Маги используют те же методы, что и феноменологи, такие как приостановка суждения, сомнение в само собой разумеющихся аспектах пространства и времени, но маги не просто описывают явления, но способны фактически превзойти реальность. Реальность состоит из существования и состояния нашего аппарата чувств, который позволяет нам воспринимать мир. Маги, намеренно и последовательно усиливая эту способность восприятия посредством накопления энергии, освобождают себя от плена единственного способа существования. Магия – это на самом деле способность воспринимать больше, чем обычный человек.

– Тайша философствует даже в паралельном мире, – произнес вслух Эмилито.

– Пусть она осмысляет и размышляет обо всем, о чем хочет, – сказал Дон Хуан, – когда-нибудь она сможет жить своими достижениями. Кроме того, это означает, что они с Карлосом очень хорошо поладят. Все мы знаем, как он поддается концептуальному анализу и интерпретациям.

– Как нагваль Элиас до нас, – сказал Эмилито. Дон Хуан кивнул.

— Что ж, тогда пусть Тайша порассуждает об этом, — сказал Эмилито. «Здесь и там дома на дереве».

Я повернулась, чтобы посмотреть на него. Его глаза искрились трепетным откровением. Кивнув головой, он заставил меня задуматься. Я не знала, что он имеет в виду.

– Жизнь в доме на дереве дала тебе другой взгляд на здесь и там, – сказал он.

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

– В твоем мире не было горизонта, — сказал он, приближая свое лицо так близко к моему, что его черты стали размытыми.

Тогда меня осенило, что половина дома Клары, территория перед ее домом, включая гигантские деревья и дом на дереве, — все это существовало в мире-близнеце. Я уже потратила много месяцев своего обучения на этой стороне. Неудивительно, что Эмилито настоял на том, чтобы я перепросмотрела еще раз, сказав, что мне придется сделать это несколько раз, потому что нужно прорваться через множество слоев существования. Мне пришлось сделать это один раз со своим обычным телом и еще раз с двойником.

Более того, Эмилито был прав; мое длительное пребывание в домике на дереве и среди деревьев изменило отношения между моим телом и землей. Моя точка сборки, или центр организации восприятия, была перемещена в другую точку моего энергетического тела, что позволило мне испытывать различные особые и временные отношения.

Теперь, когда я сосредоточила на этом свое внимание, я вспомнила, что листва многих деревьев была настолько густой, что небо и горизонт были полностью скрыты. Восприятие мира на деревьях не было расположено в терминах дальнего и близкого пространства. Скорее, все было непосредственным, тесно связанным с моим телом. Это был превосходный тренинг, расширивший границы моего понимания пространства. Чем больше я карабкалась по деревьям, тем более текучий становилась моя точка сборки, пока я не смогла перепрыгивать с ветки на ветку, не ощущая разделения между собой и своим окружением.

Это дало мне новый взгляд на мир, совершенно отличный от того, который у меня был, пока я была на земле. Чтобы лазить по деревьям, мне нужно было совместить свою физическую форму с ветвями и листьями. Все мое существование определялось здесь и сейчас. Любое отвлечение могло привести к потере равновесия и падению насмерть. В любой момент я вся была сосредоточена на конкретной проблеме - маневрирование через ветви. Прошлое, будущее и далекое слились в одной точке: ближайшем настоящем, которое определялось моей конкретной задачей.

Я разрушила свой старый образ существования в мире посредством моего первого перепросмотра в пещере и включила новый, образ жизни древесного жителя, никогда не покидая деревьев. Я испытала новую телесную твердость, которая временами выражалась в сильном чувстве клаустрофобии. Я могла рассеять это, либо энергетически слившись с деревьями, либо создав новый опыт пространства или времени, и в этом случае моему телу пришлось растворить ветви вокруг меня и выйти за их пределы. Я сделала это посредством второго перепросмотра, который расширил мой временной горизонт; и, практикуя телесные движения, которые Эмилито периодически показывал мне с земли, что расширяло мой пространственный горизонт.

– На деревьях ты практиковала перепросмотр, сновидение и намерение и ты даже смогла при помощи своего энергетического тела прыгнуть с деревьев в другой мир, – напомнил мне Эмилито. Все это преследование двойника. Это стало возможным благодаря отказу от памяти об ограничениях физического «я».

– Ты переместилась с деревьев в другую реальность, – сказал дон Хуан. – В мир, недоступный из повседневной жизни. Ты использовала намерение чтобы катапультироваться с одной полосы вселенной в другую. Теперь ты знаешь, что мы имеем в виду, когда говорим, что намерение становится крыльями, которые несут мага через вечность. Скоро моя группа отправится на этих крыльях, но мы встретимся снова где-нибудь в складках сновидений, и оттуда катапультируемся к Свободе.

Я хотела спросить, когда и куда они пойдут, и, более конкретно, как мы катапультируемся к Свободе, но энергия моего сновидения ослабевала. Я знала, что скоро проснусь в мире повседневной жизни, и там я забуду большую часть того, что здесь произошло. Это станет похоже на яркий сон, фрагментированный на короткое время, который затем исчезнет и сольется с густым туманом, разделяющим Вселенные-близнецы.

— Мне пора идти, — сказала я. — Полагаю, вы не сможете оставить меня здесь с собой?

– Нет. – твердо сказал дон Хуан. – Если ты доберешься сюда, это должно произойти на крыльях намерения с помощью твоей собственной текучести.

Я вспомнила совет Нелиды прощаться каждое мгновение, потому что я уже никогда не вернусь. Она поймала поток моих мыслей.

– Безупречность – это умение говорить «привет», «спасибо» и «до свидания» каждый момент, через свои превосходные действия, – сказала она, обнимая меня. – Благодаря этому ты всегда будешь спокойна и свободна от сожалений и ожиданий.

Я кивнула. Это в двух словах суммировало все, что я чувствовала, так что больше нечего было сказать. Я смотрела на всех, пытаясь удержать их в своей зрительной памяти, прежде чем они растворятся в тумане.

Я проснулась, постепенно снова становясь твердой. Я лежала в своей кровати в доме Зулейки, онемевшая и дезориентированная, а затем вспомнил кусочки гигантской мозаики. Я знала, что существует другой мир, мир, столь же реальный, как и тот, который я научилась называть своим. Я знала, что я никто. Что бы я ни думала о себе, это выдумка, временное объединение компонентов, удерживаемых силой для какого-то эффекта, но это никогда нельзя воспринимать по-настоящему. Была другая реальность, параллельная нашей, и она тоже была нереальной. Положение нашей точки сборки было всем. Оно объединило миры с мирами и позволило нам воспринимать их как наш мир, как этот мир.

Мир повседневной жизни был лишь одной возможностью восприятия из бесконечного числа возможностей, составляющих существование. Обучение сталкеров должно быть плавным, невидимым, без привязанности к себе и вещам, чтобы можно было легко перемещаться вперед и назад, не теряя энергии и не теряясь самому.

Жить в мире повседневной жизни было похоже на учебу в классе. Я должна была провести хорошую презентацию, я должна была показать, что знаю, о чем говорю, что имею в виду то, что говорю. Мне нужно было стремиться к порядку и связности, но когда урок закончился, все, что было сказано, ничего не значило, это была всего лишь упорядоченная структура, созданная для этого самого момента и не предназначенная для того, чтобы ее когда-либо воспринимали всерьез как что-то реальное или правдоподобное. Это было упражнение, от которого нужно было отказаться, когда необходимость отпала, чтобы можно было продолжить бесконечное путешествие.

Так было и с параллельной реальностью. Она состояла из людей, животных и растительности, как и наш мир, только других. Деревья в доме Клары, дом на дереве, Эмилито и я были частью параллельного мира. Я поняла, что провела там целые отрезки времени, даже не подозревая об этом. Я смогла войти туда, благодаря силе Дона Хуана и его группы магов, которые тренировали меня.

Он и его группа магов, тренируясь в течение всей жизни, накопили достаточно энергии, чтобы переходить туда и обратно, не теряя осознанности, контроля и трезвости. С тренировкой, я тоже смогу совершить великий переход и иметь достаточно энергии не только для того, чтобы воспринимать параллельный мир, но и для того, чтобы удерживать это положение точки сборки достаточно долго, чтобы запомнить его в деталях, а с дополнительной энергией, чтобы быть в состоянии описать место и путь так, чтобы слушатель на этой стороне смог их постичь и, возможно, даже совершить это путешествие самостоятельно.

В комнату, где я проснулась, вошел Карлос. Он проверил мои глаза, чтобы убедиться, что это снова я, и удовлетворенно кивнул. Он сказал мне собрать вещи, так как мы возвращаемся в Лос-Анджелес. Скоро начнется новый учебный год, и будет нехорошо пропустить первый учебный день.